

*Труды теоретико-лингвистической школы
в области общего и русского языкознания*
Воронежский государственный университет
Кафедра общего языкознания и стилистики
Центр коммуникативных исследований

Текст - дискурс - картина мира

Вып. 4

Продолжающееся научное издание

**Воронеж
2008**

Очередной (четвертый) выпуск межвузовского научного сборника «Текст – дискурс - картина мира» (первые три вышли в 2005-2007 гг) посвящен теоретическим и прикладным проблемам изучения взаимодействия текста, дискурса и картины мира.

В сборнике представлены статьи ученых Борисоглебска, Волгограда, Воронежа, Новосибирска, Липецка, Санкт-Петербурга, Ярославля, а также статьи исследователей из Ирака, Вьетнама, Китая, посвящённые исследованию текста в традиционном, функциональном, прагматическом и когнитивном аспектах.

Сборник предназначен для филологов, преподавателей русского языка и иностранных языков, литературоведов, преподавателей русского языка как иностранного, специалистов в области текста, дискурса, когнитивных исследований, культурологии и межкультурной коммуникации.

Редакционная коллегия:

д.ф.н. Вахтель Н.М., д.ф.н.Попова З.Д., д.ф.н. Стернин И.А.,
д.ф.н.Чарыкова О.Н. - научный редактор

Компьютерная верстка и оригинал-макет –
О.Н.Чарыкова, И.А.Стернин

© Коллектив авторов, 2008

Текст - дискурс - картина мира. Межвузовский сборник научных трудов.
Вып. 4. / Научный ред. О.Н.Чарыкова. Воронеж: изд-во «Истоки», 2008 г.
200 экз., 214 с.

От редколлегии

Предлагаемый вниманию читателей сборник продолжает тематическую серию публикаций, посвященных проблемам соотношения текста, дискурса и картины мира.

Сборник формируется в русле основной научной проблемы кафедры общего языкознания и стилистики «Язык и национальное сознание», но ориентирован на углубленное изучение национальной специфики текста и дискурса.

Редколлегия приглашает к сотрудничеству всех исследователей, занимающихся проблемами соотношения текста, дискурса и языкового сознания.

Электронный адрес редколлегии: sternin@phil.vsu.ru.

Юбилейный отдел

Ольга Николаевна Чарыкова

Слово о коллеге¹ (Профессор О.Н.Чарыкова)

Этот номер межвузовского научного сборника, который вы держите в руках, кафедра общего языкознания и стилистики Воронежского университета посвящает юбилею профессора, доктора филологических наук Ольги Николаевны Чарыковой, редактора сборников серии «Текст - дискурс - картина мира».

Большая часть ее жизни связана с университетом, с филологией. Ольга Николаевна Чарыкова (Анищева) родилась 19 января 1948 г. в г. Калач Воронежской области в семье военнослужащего. В 1961 году, окончив 7 классов средней школы г. Лиски Воронежской области, куда к этому времени переехала ее семья, поступила в Воронежское медицинское училище № 2.

В 1964 году после окончания училища была направлена на работу в участковую больницу с. Тресоруково Давыдовского района Воронежской области. Затем работала медицинской сестрой в Лискинской центральной районной больнице, потом – в больнице № 17 г. Воронежа.

Пришлось поработать и инструктором по санитарно-просветительской работе санэпидстанции Железнодорожного района г. Воронежа.

Но в 1968 году определилась, наконец, ее филологическая судьба и от медицины Ольга Николаевна окончательно и бесповоротно обратилась к филологии. В этом году она поступает на филологический факультет Воронежского госуниверситета. В 1973 году с отличием окончила университет и начала работу по распределению учителем русского языка и литературы в средней школе с. Московское Новоусманского района.

С 1976 году Ольга Николаевна начинает работать в Воронежском университете - преподавателем кафедры общего языкознания и стилистики. На этой кафедре она работает и по сей день.

Окончив аспирантуру под руководством проф. З.Д.Поповой, в 1981 году защитила кандидатскую диссертацию.

В 1983 – 1984 гг. работала в Гаване (Республика Куба) в секторе высшего филологического образования филиала Института русского языка им. А.С.Пушкина, оказывала научно-методическую помощь преподавателям-русистам филологических факультетов педагогических институтов и Гаванского университета.

В 2000 году защитила докторскую диссертацию, стала профессором.

Под ее руководством защищено 7 кандидатских диссертаций, по 17-ти диссертациям она выступала в качестве оппонента.

Ольга Николаевна - создатель и редактор периодического издания - межвузовского сборника «Текст- дискурс - картина мира», она редактирует его с 2004 г.

¹ Редактор-составитель «Юбилейного раздела» - И.А.Стернин

Ольга Николаевна -автор в общей сложности около 150 научных работ.

Не могу не отметить основные достижения Ольги Николаевны в лингвистической науке. Она впервые исследовала роли глагола в репрезентации индивидуально-авторской модели мира в художественном тексте. Ею рассмотрены парадигматический, синтагматический и прагматический планы функционирования глагола в художественном тексте и выявлены факторы, отличающие функциональные характеристики данной единицы от системных; выявлены специфические модификации парадигм, которые обусловлены индивидуально-авторским восприятием и моделированием мира в художественном произведении.

В ее работах доказано существование в языке типовой сочетаемости и выделены типы объектной лексической сочетаемости русских переходных глаголов, введены понятия полигрупповой, моногрупповой, монологемной и свободной сочетаемости.

В исследованиях Ольги Николаевны выявлены структурные типы глагольной метафоры, введены понятия субъектной, объектной, адвербиальной и поликонституентной метафоры, определены типы концептов, представленные в художественной концептосфере; выявлено существование в языке универсальной скрытой категории оппозитивности.

При сопоставительном исследовании языковой метафоры на материале разных языков установлено, что направления метафорических переносов и семантические признаки, по которым они осуществляются, универсальны, а национальная специфика проявляется в преобладании того или иного типа в конкретном языке.

Это, так сказать, научные результаты Ольги Николаевны.

А еще с ней всегда и во всем интересно.

С ней интересно работать – она глубоко мыслит теоретически, у нее всегда есть новые идеи, она ими всегда охотно делится с другими.

С ней интересно общаться – она энциклопедически образованный филолог, живо интересующийся всеми явлениями современной культуры, литературы, искусства, всегда расскажет вам что-нибудь новое и интересное.

С ней приятно вместе отдыхать, отмечать праздники, просто веселиться. Она сама пишет стихи, поет, с удовольствием участвует в кафедральной и факультетской самодеятельности, веселый и жизнерадостный, неунывающий человек.

С ней можно найти выход из жизненных затруднений. У нее можно поучиться, как надо преодолевать трудности.

Сама Ольга Николаевна на заседании кафедры, посвященном ее юбилею, в конце вечера прочитала о себе такие иронические строчки, которые мы все встретили на «ура»:

Этот новый рубеж отмечая,
 думаю, что не солгу:
 хоть я уже много знаю,
 но еще что-то могу.

Это действительно так. Пожелаем ей здоровья и многих лет плодотворной работы на благо коллег, учеников и Лингвистики!

И.Стернин,
 профессор, зав. кафедрой
 общего языкознания и стилистики

Научная ода Глаголу *(попытка рецензии)*

Загадочна и очаровательна эта немногословная женщина – Чарыкова Ольга Николаевна. Её улыбка неизмеримо многозначнее, чем усмешка Джоконды. Кажется, она прикоснулась ко всем секретам мира, однако не встревожена, не страшится их, а в глубине души посмеивается над ними, потому что знает им цену. Только нам-то от этого не легче, нам-то все секреты не открываются, более того, свои собственные мы хотели бы запрятать еще глубже. Не удастся! Ибо Ольга Николаевна в совершенстве владеет универсальной отмычкой, перед которой не устоит ни одна тайна: Глаголом.

Это не ключ, не лом, не фомка даже, а какой-то всемогущий лазер, который прожигает не только человеческие сердца, но и кожаные переплеты монографий – и все их содержание является перед нами как на экране. А все потому, что всю свою исследовательскую энергию она вложила в тот самый Глагол, чтобы проникнуть в богатейшее сокровище мира – художественную речь. Ведь она, эта речь, по утверждению О.Н.Чарыковой, «имеет по преимуществу глагольный характер». Убедитесь сами: в деловой речи на 1000 слов всего 60 Глаголов, в научной – 90, а в художественной все 150 граммов, простите, 151 Глагол! Он тут и двигатель сюжета, и верховный организатор текста, иначе говоря, самая беспокойная, нервическая часть речи, просто псих какой-то, ему бы только мельтешить, все сотворять и разрушать, все познавать и ничего не забывать, никому ничего не прощать.

Великий наш земляк Андрей Платонов когда-то изрек: «Не любовь мы, а познание», за что немало пострадал. Помня об этом, Ольга Николаевна, несмотря на свою устремленность к познанию, возбудителем и опорой которого является Глагол, все же тайно склоняется к существительному, пусть единственному, но зато какому: Любовь!

И тут она, не жалея ни сил, ни средств, ломая лед, смело плывет сквозь словесные торосы – наподобие этих: «распаковка континуума»,

«оречевление информации», «репрезентация индивидуально-авторской модели мира» и т.п. И всегда ее приводит к верным выводам компас любви, пример могучего словесного ледокола Льва Толстого, который вложил в любящие уста Анны Карениной 40 Глаголов, выражающих эмоциональное состояние, а в скрипучую речь чиновно-скучного супруга – всего 4...

Будучи прирожденным лингвистом, Ольга Николаевна Чарыкова стремительно заплывает в океан литературоведения и завоевывает архипелаг за архипелагом, потому что мастерски владеет современным высокоточным оружием – Глаголом. Этой части речи она спела такой монографический гимн, что может возникнуть вполне реальная опасность повального увлечения Глаголом: а вдруг все население земли заговорит побуждающими и понукающими Глаголами? Что же тогда будет? Однако теплится надежда, что славная Ольга Николаевна Чарыкова, в миру просто Оля, без труда усмирит этого активиста и агрессора и поставит его на свое место в художественной модели мира, уговорит его склонить гордую голову перед многотерпеливым, многострадальным, но окрыляющим существительным – Любовь...

P.S. Существительное «любовь» произошло от Глагола «любить»? Или наоборот?

С юбилеем! Добра, творчества, любви!

В.М.Акаткин,
профессор, доктор филологических наук,
декан филологического факультета ВГУ

Мы дружим давно

Ольга Николаевна относится к тем людям, с которыми делятся радостью и горем, успехом и поражением. В ней одной совпало очень много – талант ученого-филолога, феноменальная память, беспристрастная аналитика и строгость наставника, мудрость философа и искрометное чувство юмора, широта души и отзывчивость. Одним из главных достижений Ольги Николаевны являются ее ученики. Ею воспитано не одно поколение аспирантов, молодых ученых. Под её мудрым наставничеством защищено несколько диссертаций, и работа над каждой – это отдельный неповторимый сценарий, игра мысли.

Хотелось бы отметить необыкновенное языковое чутье, которым обладает Ольга Николаевна. Она находит удивительно точное, емкое слово, и понимаешь, что иначе просто нельзя.

Ольга Николаевна удивительно умеет противостоять неприятностям с улыбкой на лице, преодолевать препятствия легко и непринужденно.

Мы дружим очень давно. Во многом мы разные, и как раз это нас сильно связывает. Если я - сплошные эмоции, то Ольга Николаевна чаще

включает рациональное мышление, остужая моя горячую голову. Но в нужный момент наши роли меняются.

Вместе хорошо идти рядом по жизни. Наша дружба надежна и нерушима, несмотря ни на что. Думаю, Ольга Николаевна думает так же.

Н.М. Вахтель

«Педагог, лингвист, ведущий...»

Пожалуй, каждого из нас смело можно отнести к одной из двух категорий людей: тех, кто помнит своего первого учителя (а, как правило, учительницу) всю жизнь и тех, кто школьные годы чудесные ассоциирует только с ранними побудками, тяжелыми ранцами и булочкой с кефиром на завтрак, а лица педагогов всплывают лишь на групповых классных фотографиях.

У меня первый настоящий Учитель появился гораздо позже обычного, где-то сразу после школы, когда я стала абитуриентом и штудировала толстенные пособия по русскому языку и литературе. Сонм знаний и предположений помогла мне систематизировать Ольга Николаевна Чарыкова, педагог, филолог-лингвист, как-то незаметно вовлекшая меня в решение вечного вопроса: является ли язык простым набором словесных знаков для обозначения предметов и явлений внешнего мира, или слова таят в себе гораздо большие возможности, нежели простое наименование вещей и событий.

С тех пор, к счастью, мой учитель не оставляет меня по жизни. Я благодарна Ольге Николаевне за то, что помимо профессиональных консультаций и поддержки, я всегда могу обратиться к ней как к радушной и гостеприимной хозяйке, обаятельной и остроумной женщине, одинаково хорошо разбирающейся в когнитивно-дискурсивной роли глагола в художественном тексте и модном оттенке губной помады.

Приобщение к великой силе Слова теперь происходит для тысяч воронежцев благодаря программе «Территория слова», выходящей на просторах радио эфира Воронежской государственной телерадиокомпании. Ольга Николаевна - постоянный участник и соведущий пятничных лингвистических радио встреч, терпеливо и скрупулезно объясняющая процессы функционирования языка в социальной среде. Мягкая бархатистая интонация, прекрасная дикция, бесспорная профессиональная компетентность, внимание к собеседнику - это «визитная карточка» моего учителя, профессора кафедры общего языкознания и стилистики, доктора филологических наук Ольги Николаевны Чарыковой.

Остается лишь процитировать незабываемые строки Николая Некрасова: «Учитель, перед именем твоим позволь смиренно преклонить колени!»

С искренним уважением,
Елена Дементьева,
кандидат филологических наук, первый аспирант
О. Н. Чарыковой.

Руководитель во всем

Добрая, отзывчивая, надежная, волевая, приветливая, жизнерадостная... Этот список можно продолжать и продолжать, но всё равно он не отразит в полной мере все качества такого талантливого учёного и педагога, как Ольга Николаевна Чарыкова, которая в этом году отмечает свой юбилей.

Ольга Николаевна является прекрасным преподавателем и наставником. Она учит просто, ясно, всегда чрезвычайно доброжелательно, и то, что хочет передать ученикам, западает им в душу не только как знание, но и как любовь к тому, что любит она сама.

Ольга Николаевна – это настоящий Мастер своего дела, который умеет вызвать, поддержать и развивать интерес к научным проблемам в своих учениках. Она умеет заметить, оценить, поддержать и вдохновить каждого, кто добросовестно и с любовью делает своё дело. Этот педагог уверенно ведёт людей за собой, увлекая их всё новыми идеями, предъявляя высокие требования и к себе, и к ученикам. Однако каждый из её учеников сохраняет свою индивидуальность.

Как учёный, Ольга Николаевна отличается ясностью мысли, убежденностью, творческой сосредоточенностью, широкой эрудицией и высоким интеллектом.

Можно сказать лишь слова огромной благодарности и искренней признательности за любовь к науке, профессионализм, помощь, поддержку, ценные советы при руководстве написанием курсовых, дипломных работ, а также при проведении диссертационных исследований. Нам очень повезло, что такой человек встретился на нашем жизненном пути.

Поздравляем Вас с замечательным юбилеем и желаем Вам дальнейших успехов в научной и творческой деятельности, талантливых и прилежных учеников!

С наилучшими пожеланиями,
от имени всех ваших учеников
Анна Зотова

За что мы любим Ольгу Николаевну Чарыкову

*Из высказываний сотрудников кафедры общего языкознания и стилистики
Воронежского университета*

Она очень умная, исключительно разносторонне образованный филолог, много знает того, чего другие не знают.

Очень внимательна к аспирантам, очень много уделяет им времени.

Не жалеет времени на других.

Очень веселая, очень заразительно смеется. С ней очень хорошо в компании.

Прелестно самоироничная. Хорошо и задорно поет.

Покупает и носит неповторимые шляпки. Не унывает ни в каких жизненных обстоятельствах.

Очень надежный товарищ. Хотя и опоздает к сроку, но в итоге всегда сделает.

И.А.Стернин

Сочиняет стихотворения, поздравления, очень радостные.

Никогда не унывает, жизнерадостная.

Никогда не торопится, везде успевает.

Умеет отмотобилизоваться в последнюю ночь (впрочем, если электростанция не отключит свет).

Всегда хорошо выглядит, очень нарядная.

Любую лингвистическую проблему решит не задумываясь.

З.Д.Попова

Ольга Николаевна помнит народную мудрость: «Не жили хорошо, нечего и начинать», и все-таки каждый раз начинает.

Просто любим. Очень!!!

Г.Я.Селезнева

Умеет ценить жизнь во всех ее проявлениях.

О потерях не сожалеет: «Где наше не пропадало! Пущай и тут пропадет!» - говорит она.

Мы ее любим, желаем всегда быть здоровой, всегда успешно решать свои проблемы, всегда сиять улыбкой и рассыпаться смехом.

Готовы помочь во всем по мере сил.

А.Г.Лапотько

Люблю за неиссякаемый оптимизм, неумение жаловаться и умение держать удар, за фантазию и озорство, остроумие, эрудицию.

За добросердечие и готовность помочь.
 Восхищаюсь разносторонностью интересов.
 Учусь самоиронии.
 Желаю здоровье и бодрый дух сохранить, хранить, хранить.
 А мы вас любим и любить будем.

Н.А.Козельская

Люблю:

1. За то, что она смеется.
2. За то, что с ней хочется поговорить.
3. За то, что её кулоны всегда подходят к серьгам.
4. За то, что она прочитала всю художественную литературу и запомнила ее наизусть.

P.S. Но! Говоря честно, я люблю Ольгу Николаевну ни за что. Просто люблю и всё!

М.Я.Розенфельд

Люблю за непосредственность.
 За элегантность во внешнем виде, речи и поведении.
 За доброту и искренность.
 За самоиронию (очень редкое качество!) и умение любое недоразумение обратить в шутку.
 За неповторимую улыбку, которой она делится с каждым, заряжая хорошим настроением и оптимизмом на весь день.

Н.В.Федотова

Очень люблю Ольгу Николаевну за ту атмосферу, которая создаётся вокруг неё (всегда красивая, стильная – очень хочется подражать, настоящая дама!).

А еще у нас с Ольгой Николаевной есть общее: любим конфеты (особенно во время заседания кафедры!).

А.В.Рудакова

Научные труды
доктора филологических наук профессора О.Н.Чарыковой

№ № п.п.	Наименование трудов	рук. или печ.	Наименование издательства, журнала (номер, год), сборник	Кол. печ. л. или стр.	Соавтор
1.	Метаязыковое сопоставление как метод типологии сочетаемости	печ.	Сб.: Методы и приемы научного анализа в филологических исследованиях, Воронеж, 1978, с. 23-27	0,4 п.л.	
2.	К вопросу о типологии сочетаемости лексем	печ.	Сб.: Сопоставительно-семантические исследования русского языка, Воронеж, 1979, с. 68-71	0,3 п.л.	
3.	Типы лексической сочетаемости глаголов созидания в отношении к их фразеологически связанным значениям	печ	Сб.: Проблемы фразеологии. Межвузовский сборник научных трудов, Тула, 1980, с. 69-71	0,3 п.л.	
4.	Объектная лексическая сочетаемость глаголов созидания и разрушения в русском языке	рук	Воронеж, 1981, 186 с.	9,3 п.л.	
5.	Роль количественного критерия в разграничении типов лексической сочетаемости глаголов	печ	Сб.: Семантические категории сопоставительного изучения русского языка, Воронеж, 1981, с. 91- 94	0,3 п.л.	
6.	Глаголы созидания в аспекте лексической сочетаемости	печ	Сб.: Глагольные семантические группы и их функционирование. Свердловск, 1981, депонирование в ИНИОН СССР № 7332 от 2.04.81	0,3 п.л.	
7.	Об изучении лексической сочетаемости	печ	Сб.: Сочетаемость русских слов как лингвистическая и методическая проблема (материалы для	0,1 п.л.	

			преподавателя), М., 1983, с. 11		
8.	Антонимичные глагольные ЛСГ в лингвометодическом аспекте	печ	Сб.: Учебная лексикография и учебная грамматика, с. 162-163, Свердловск, 1987	0,1 п.л.	
9.	О некоторых особенностях функционирования глаголов с обобщенным значением созидания	печ	Сб.: Значение и функции единиц языка. Депонир. в ИНИОН СССР № 30657 от 3 августа 1987 г., 7 с.	0,5 п.л.	
10.	О соотношении ядра и периферии в глагольной ЛСГ	печ	Сб.: Типы языковых парадигм. Тезисы докладов и сообщений конференции кафедр русского языка вузов Урала 2-3 февр. 1988, Свердловск, 1988, с. 4-5	0,1 п.л.	
11.	Системные отношения в глагольной лексике (синтагматический аспект)	печ	Сб.: Единство системного и функционального анализа языковых единиц (из опыта обучения и преподавания ин. яз.) Материалы межвузовской конференции, Белгород, 1988, с. 11-12.	0,1 п.л.	
12.	Система занятий по речевой практике как важный фактор всестороннего развития личности будущего филолога-русиста	печ	Сб.: Актуальные проблемы развития творческой активности студенческой молодежи. Материалы 5-й совместной научно-практической конференции Воронежского ун-та и ин-та им. Мартина Лютера. Воронеж, 1988, с.117 –118.	0,1 п.л.	
13.	Атрибутивно-именная сочетаемость в русской речи студентов из ГДР	печ	Сб.: Методика обучения студентов-иностранцев. Вестник Киевского ун-та, вып.13. Киев, 1989, с.7 –12.	0,4 п.л.	Голодяевская А.М.
14.	Обучение	печ	Сб.:	0,1 п.л.	Вахтель

	студентов-филологов устной научной речи		Функционирование современного русского языка и опыт его преподавания как иностранного. Тезисы докладов 14-й межвузовской научно-методической конференции. Воронеж, 1988, с.5.		Н.М.
15.	Полевые структуры в системе языка	печ.	Коллективная монография. Воронеж, 1989, с. 56 –58.	0,2 п.л.	Коллектив авторов
16.	Предупреждение ошибок на сочетаемость в речи студентов включенного обучения из ГДР	печ.	Сб.: Актуальные проблемы включенного обучения: организация. Научно-методические основы. Воронеж, 1989, с. 146 –152.	0,8 п.л.	Голодяевская А.М.
17.	Русские прилагательные, обозначающие цвет, и их изучение в иноязычной аудитории	печ.	Проблемы функционирования и преподавания русского языка как иностранного. Тезисы докладов 15-й межвузовской научно-методической конференции. Воронеж, 1989, с.6.	0,1 п.л.	
18.	Планы семинарских занятий и методические указания по курсам: «Культура политического просвещения», «Ораторское искусство и культура речи», «Речевое воздействие»	печ.	Воронеж, 1990. 63 с.	4 п.л.	Стернин И.А.
19.	Факультативные занятия в гуманитарных классах средней школы	печ.	Сб.: Школа и вуз. Проблема индивидуализации обучения. Методические рекомендации. Воронеж, 1990, с.33 – 40.	0,6 п.л.	Стернин И.А.
20.	Структурные типы глагольной	печ.	Сб.: Валентность и сочетаемость на	0,1 п.л.	А. Яхъя Хассан

	метафоры (на материале поэзии С.Есенина)		синтаксическом уровне языка и речи. Тезисы докладов и сообщений межвузовской научной конференции 4 – 6 февраля 1991 г. Могилев, 1991, с. 197 – 198.		
21.	Окказиональная номинация в поэзии И.Северянина	печ.	Сб.: Семантика языковых единиц. Воронеж, 1991, депонир. В ИНИО СССР от 13.02.91 № 43933. 5с.	0,3 п.л.	
22.	Сб.: Семантика языковых единиц (редактирование)	печ.	Сб.: Семантика языковых единиц. Воронеж, 1991, депонир. В ИНИО СССР от 13.02.91 № 43933. 177с.	11 п.л.	
23.	Семантика прилагательного «белый» в поэзии А.Ахматовой	печ.	Сб.: Языковые единицы в системе языка и речи. Депонир. в ИНИОН СССР № 45518 от 4.11.91. 5 с.	0,3 п.л.	
24.	Обучение ораторскому мастерству в системе политического просвещения	печ.	Сб.: Тезисы докладов научной конференции «Риторика в развитии человека и общества» 13-18 января 1992г. Пермь, 1992, с .36 – 39.	0,2 п.л.	Вахтель Н.М.
25.	Культура речи и орфография	печ.	Воронеж, изд-во ВГУ, 1993, с.18-28	2,4 п.л. /0,7 п.л.	Голодяевская А.М., Базилевская В.Б., Стернин И.А.
26.	Культура речи учителя. Пособие для самостоятельной подготовки к аттестации	печ.	Воронеж, 1994, с.8-9.	0,6 п.л. /0,1п.л.	Стернин И.А., Журавлева Н.В., Новичихина М.М.
27.	Виды языковых норм	печ.	Материалы научной конференции «Культура общения и ее формирование». Воронеж, 1994, с.39 – 40.	0,1 п.л.	

28.	Переходные глаголы лексического ядра русского языка в парадигматическом и синтагматическом аспектах	печ.	Материалы научной конференции «Культура общения и ее формирование». Воронеж, 1994, с.53.	0,1 п.л.	М.Нассер
29.	Основы культуры речи. Учебное пособие для старших классов средней школы	печ.	Воронеж, 1994, с.6-18, 49-87, 105 –126.	8 п.л. /5п.л.	Голодяев-ская А.М., Попова З.Д., Селезнева Г.Я., Стернин И.А., Ягупова Н.П.
30.	Основы культуры речи. Учебное пособие для старших классов средней школы (редактирование)	печ	Воронеж, 1994, 126 с.	8 п.л.	
31.	Культура речи учителя. Пособие для самостоятельной подготовки к аттестации	печ	Воронеж, 1995, с.8-9	0,6п.л. /0,1	Стернин И.А., Журавлева Н.В., Новичихина М.М.
32.	Функциональная стилистика. Методические указания для студентов-филологов 4 курса дневного отделения	печ	Воронеж, 1996. 27 с.	1,8 п.л.	Вахтель Н.М., Зиброва Р.В., Селезнева Г.Я.
33.	И.А. Стернин. Русский речевой этикет (редактирование)	печ	Воронеж, 1996. 124 с.	8,4 п.л.	
34.	Опыт семантической классификации наиболее частотных переводных глаголов русского языка	печ	Сб.: Россия и Германия. Материалы коллоквиума, Воронеж, 1996. - С.11-12	0,1 п.л.	Мохаммед Алла

35.	Роль субъектной глагольной метафоры в отражении картины мира в лирике Есенина.	печ.	Актуальные проблемы филологии в вузе и школе. Материалы 10-ой Тверской межвузовской конференции 12-13 апреля 1996 г. – Тверь, 1996. - С. 212 - 213	0,1 п.л.	
36.	О некоторых способах достижения перлокутивного эффекта в аргументативном диалоге	печ	Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Научно-методический бюллетень. – Вып. 3. – Красноярск-Ачинск, 1997. – С. 43-44.	0,1 п. л.	Вахтель Н.М.
37.	О разграничении терминов, связанных с проблематикой «язык» и «культура».	печ	Изучение и преподавание русского языка как национально-культурной ценности. Материалы научно-методической конференции 29-30 ноября 1997г. – Воронеж, 1997. – С. 9 – 10.	0, 1 п. л.	
38.	Невербальные средства в интеракции (опыт полевого подхода)	печ.	Сб.: Риторика и речевая коммуникация: теория-практика преподавания, Тезисы 2-й Международной конференции по риторике и речевой коммуникации 12-17 января 1998.- Москва, 1998. - С. 10	0,05 п.л.	Вахтель Н.М.
39	Типы текстовых ошибок	печ.	Материалы для практических занятий , Воронеж, 1998 . - 29 с.	2 п.л.	Вахтель Н.М. Зиброва Р.В.
40	Роль глагольной метафоры в формировании художественной картины мира	печ.	Язык и национальное сознание, Воронеж, 1998. - С.151-155	0,25 п.л.	
41	Менталитет и образ мира	печ.	Язык и национальное сознание, Воронеж, 1998. – С.26	0,05 п.л.	
42	Образ “русского мира” в лирике С. Есенина	печ.	Язык и национальное сознание, Воронеж, 1998. - С.54-55	0,1 п.л.	

43	Глагол как средство организации художественного текста	печ.	Русский язык конца XX века, Воронеж, октябрь 1998. - С.86-87	0,1 п.л.	
44	Невербальные средства в интеракции (опыт полевого подхода)	печ.	Риторика и речевая коммуникация: теория-практика-преподавание.- М., 1998, с. 10	0,05 п.л.	Вахтель Н.М.
45	К разработке концепции языкового образа мира (материалы для обсуждения)	печ.	Язык и национальное сознание, Воронеж, 1998, с. 21-23	0,1 п.л.	Стернин И.А., Попова З.Д.
46	О некоторых аспектах когнитивного подхода к изучению глагола	печ.	Русский язык и русистика в современном культурном пространстве. Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции. – Екатеринбург, 1999. – С. 129-131.	0,15 п. л.	
47	Глагол как средство речевого воздействия	печ.	Речевое воздействие. Воронеж-Москва, 2000. С.12-13	0,1 п.л.	
48	Концепт «действие» и его репрезентация в языке	печ.	Культура общения и ее формирование. Вып.7. Воронеж, 2000,с.28-32	0,25 п.л.	
49	Глагольная метафора в художественном дискурсе	печ.	Когнитивная семантика. Ч.1. Тамбов, 2000, С.207-209	0,15 п.л.	
50	Роль глагола в репрезентации индивидуально-авторской модели мира в художественном тексте.	печ.	Воронеж, 2000, 193 с.	12 п.л	
51	Парадигматика глагола в художественном тексте как отражение индивидуально-авторской картины мира	печ.	Русский язык вчера, сегодня, завтра.- Воронеж, 2000, с. 161-162	0,1 п.л.	

52	Музыкальная лексика в составе глагольной метафоры в романе И. Полянской «Прохождение тени»	печ	Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка на рубеже XX-XXI в. – Воронеж, 2001.- С. 105-107.	0,15 п.л.	
53	Индивидуальные концепты в художественном тексте	печ.	Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 173 –176.	0,25 п.л.	
54	Формирование мотивации к изучению курса «Русский язык и культура речи» у студентов негуманитарных факультетов	печ.	Риторические дисциплины в новом государственном стандарте. Тезисы докладов участников VI международной научной конференции по риторике. – Москва, 29 – 31 января 2002 года. – С. 118 – 119.	0, 1 п.л.	
55	Структурно-семантические типы медицинской метафоры	печ	Культура общения и ее формирование. Вып. 9. – Воронеж, 2002. – С.138 –139.	0,1 п.л.	Смирнова Е.Н.
56	Прагматическая функция имени и глагола в рекламном тексте	печ	Культура общения и ее формирование. Вып. 9. – Воронеж, 2002. – С.102 –103.	0,1 п.л.	Дементьева Е.Ю.
57	Глаголы, выражающие эмоциональное состояние субъекта, в диалоге между автором и читателем художественного текста	печ	Культура общения и ее формирование. Вып. 9. – Воронеж, 2002. – С.148 – 149.	0,1 п.л.	
58	Концептосфера художественного текста (статья)	печ.	Текст в фокусе литературоведения, лингвистики и культурологии. Межвузовский сборник научных трудов. – Ярославль, 2002.- С.122 –129	0, 5 п.л.	

59	Прагматический потенциал имени и глагола в тексте газетной рекламы (статья)	печ.	Текст в фокусе литературоведения, лингвистики и культурологии. Межвузовский сборник научных трудов. – Ярославль, 2002.- С. 193 – 197	0, 3 п.л.	Дементьева Е.Ю.
60	Окказиональная сочетаемость глагола в художественном тексте как средство формирования индивидуально-авторской когнитивной структуры (тезисы)	печ.	Композиционная семантика. Материалы Третьей Международной школы-семинара по когнитивной лингвистике 18 –20 сентября 2002 года. Ч.П. – Тамбов, 2002. – С.88 – 89.	0, 1 п.л.	
61	Художественная картина мира: индивидуально-авторское и национальное (раздел коллективной монографии)	печ.	Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж: Воронежский госуниверситет, 2002. – С.212 – 233.	1, 3 п.л.	
62	Концепт в художественном тексте (статья)	печ.	Материалы юбилейной конференции, посвященной 60-летию филологического факультета ВГУ. Вып. 1. Языкознание. – Воронеж, 2002. – С. 218 – 224.	0, 4 п.л.	
63	Окказиональная сочетаемость в художественном тексте как средство репрезентации индивидуально-авторской картины мира (статья)	печ.	Язык и национальное сознание. Вып.4.- Воронеж, 2003.- С.237 – 245	0, 6 п.л.	
64	Национальное и индивидуальное в концептосфере художественного текста (тезисы)	печ.	Филология и культура. Материалы IV Международной научной конференции 16 – 18 апреля 2003 года. – Тамбов, 2003. – С.117 – 119.	0, 2 п.л.	

65	ЛСГ глаголов созидания в русском языке как полевая структура (тезисы)	печ.	Культура общения и ее формирование Вып.10. – Воронеж, 2003. – С.145 – 146.	0, 1 п.л.	Шохина И.И.
66	Выражение противоположности в русском языке (тезисы)	печ.	Проблемы изучения живого русского слова на рубеже на рубеже тысячелетий. Материалы 11 Всероссийской научно- практической конференции. Ч.1. – Воронеж, 2003. – С.23 – 25.	0, 2 п.л.	Ильин- ская Е.Ю.
67	Концептосфера и система языка (тезисы)	Печ	Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста. Материалы международного симпозиума. Волгоград, 22 – 24 мая 2003 г. Часть 2. Тезисы докладов. Волгоград, «Перемена», 2003. – С. 46 – 47.	0, 1 п.л.	
68	К вопросу о концепции учебника по культуре речи для негуманитарных факультетов (тезисы)	печ.	Риторика в модернизации образования. Материалы докладов участников Восьмой международной научной конференции по риторике (Москва, 2- 4 февраля 2004г.). – Москва, 2004. – С.247 – 248.	0,1 п.л.	
69	Образ потребителя товаров и услуг в рекламном дискурсе как суггестивный фактор (тезисы)	печ.	Человек в информационном пространстве: Материалы международной научно- практической конференции (Ярославль, 20-22 ноября 2003 г.) . – Воронеж – Ярославль, 2004. – С.160 –162.	0,2 п.л.	

70	Глагольная метафора как фактор репрезентации динамики авторского мировосприятия в художественном тексте (тезисы)	печ.	Культура общения и её формирование. Вып. 13. – Воронеж, 2004. – С.170 – 171.	0, 1 п.л.	
71	Прагматический потенциал русского глагола (тезисы)	печ.	Прагматика языка и язык прагматики. Материалы региональной научной конференции. – Орёл, 2004. – С.69 – 70.	0, 1 п.л.	
72	Фразеологизмы, обозначающие эмоциональное состояние, в русском и немецком языках (статья)	печ.	Сопоставительные исследования 2004. – Воронеж, 2004. – С.66 – 70.	0, 3 п.л.	
73	Отражение коммуникативной ситуации «конфликт» в русской фразеологии (статья)	печ.	Коммуникативное поведение. Вып. 19. Коммуникативное поведение славянских народов. – Воронеж, 2004. – С.216 – 220.	0, 3 п.л.	
74	Происхождение языка (глава учебника).	печ.	Введение в языкознание. Курс лекций. Учебное пособие для студентов филологических факультетов университетов. – Воронеж, 2004. – С.7 – 13.	0, 4 п.л.	Стернин И.А.
75	Природа, сущность и функции языка. Язык и мышление (глава учебника)	печ.	Введение в языкознание. Курс лекций. Учебное пособие для студентов филологических факультетов университетов. – Воронеж, 2004. – С. 13 – 22.	0, 6 п.л.	Стернин И.А.

76	Устройство языка. Язык как универсальная коммуникативная система (глава учебника)	печ.	Введение в языкознание. Курс лекций. Учебное пособие для студентов филологических факультетов университетов. – Воронеж, 2004. – С. 29 – 36.	0, 4 п.л.	Вахтель Н.М.
77	Фонетика и фонология (глава учебника)	печ.	Введение в языкознание. Курс лекций. Учебное пособие для студентов филологических факультетов университетов. – Воронеж, 2004. – С. 36 – 49.	0, 8 п.л.	
78	Фонемы в речевом потоке. Просодика (глава учебника)	печ.	Введение в языкознание. Курс лекций. Учебное пособие для студентов филологических факультетов университетов. – Воронеж, 2004. – С. 49 – 60.	0, 8 п.л.	Зиброва Р.В.
79	Расслоение лексического состава языка (глава учебника)	печ.	Введение в языкознание. Курс лекций. Учебное пособие для студентов филологических факультетов университетов. – Воронеж, 2004. – С.73 – 82.	0, 8 п.л.	
80	Введение в языкознание. Курс лекций. Учебное пособие для студентов филологических факультетов университетов (научное редактирование)	печ.	Введение в языкознание. Курс лекций. Учебное пособие для студентов филологических факультетов университетов. – Воронеж, 2004. – 153 С.	9 п.л.	Стернин И.А.

81	Курс «Культура речи» в системе обучения будущего филолога (тезисы)	печ.	Русская словесность на рубеже веков: методология и методика преподавания русского языка: Материалы международной конференции, посвящённой 80-летию со дня рождения проф. И.П.Распопова (Воронеж, 27-28 января 2005 г.). – Воронеж, 2004. – С.215.	0, 1 п.л.	
82	Текст в аспекте новой научной парадигмы (статья)	печ.	Текст – дискурс – картина мира. Межвузовский сборник научных трудов. Вып.1 /Научный ред. О.Н.Чарыкова. Воронеж, изд-во «Истоки», 2005. – С.8 – 13.	0, 3 п.л.	
83	Предмет сравнения в художественном тексте и способы его номинации (статья)	печ.	Текст – дискурс – картина мира. Межвузовский сборник научных трудов. Вып.1 /Научный ред. О.Н.Чарыкова. Воронеж, изд-во «Истоки», 2005. – С.83 – 86.	0, 2 п.л.	Разуваева Н.В.
84	Лингвистическая терминология с точки зрения постулата об идеальном термине (статья)	печ	Текст – дискурс – картина мира. Межвузовский сборник научных трудов. Вып.1 /Научный ред. О.Н.Чарыкова. Воронеж, изд-во «Истоки», 2005. – С.189 – 192.	0, 2 п.л.	Джасим М.
85	И.Я.Чернухина как исследователь художественного текста (статья)	печ	Текст – дискурс – картина мира. Межвузовский сборник научных трудов. Вып.1 /Научный ред. О.Н.Чарыкова. Воронеж, изд-во «Истоки», 2005. – 208 – 211.	0, 2 п.л.	Стернин И.А.

86	Текст – дискурс – картина мира. Межвузовский сборник научных трудов (научное редактирование)	печ.	Текст – дискурс – картина мира. Межвузовский сборник научных трудов. Вып.1 /Научный ред. О.Н.Чарыкова. Воронеж, изд-во «Истоки», 2005. – 238 С.	15 п.л.	
87	Морфологические категории глагола в рекламном тексте с точки зрения их прагматического потенциала (статья)	печ.	Человек в информационном пространстве языка: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3. Ярославль: изд-во «Истоки», 2005. – С.90 – 93.	0, 2 п.л.	
88	Скрытые категории как факт языкового сознания (статья)	печ.	Культура общения и её формирование. Вып. 14. – Воронеж, 2005. – С.43 – 45.	0, 2 п.л.	
89	Практикум по выразительному чтению (учебно-методическое пособие)	печ.	Практикум по выразительному чтению. Учебно-методическое пособие по специальности 031001 – ФИЛОЛОГИЯ. ОПД. Р.00.Воронеж, ВГУ, 2005. Ч.1.- 47 С.	3 п.л.	Вахтель Н.М. Попова З.Д.
90	Практикум по выразительному чтению (учебно-методическое пособие)	печ.	Практикум по выразительному чтению. Учебно-методическое пособие по специальности 031001 – ФИЛОЛОГИЯ. ОПД. Р.00.Воронеж, ВГУ, 2005. Ч.11.- 55 С.	3,4 п.л.	Вахтель Н.М. Попова З.Д.
91	Практикум по выразительному чтению (учебно-методическое пособие) – научное редактирование	печ.	Практикум по выразительному чтению. Учебно-методическое пособие по специальности 031001 – ФИЛОЛОГИЯ. ОПД. Р.00.Воронеж, ВГУ, 2005. Ч.1.- 47 С.	3 п.л.	
92	Практикум по выразительному чтению (учебно-методическое пособие) – научное редактирование	печ.	Практикум по выразительному чтению. Учебно-методическое пособие по специальности 031001 – ФИЛОЛОГИЯ. ОПД. Р.00.Воронеж, ВГУ, 2005. Ч.11.- 55 С.	3,4 п.л.	

93	Научный стиль речи (учебно-методическое пособие)	печ.	Научный стиль речи. Учебно-методическое пособие по специальности 031000 – Филология. Воронеж, ВГУ, 2005. – 55 С.	3, 4 п.л.	
94	Отражение социальных факторов в развитии глагольной ЛСГ (статья)	печ.	Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. Материалы 111 Всероссийской научно-практической конференции 29 – 30 октября 2005г. Ч. 1. – Воронеж, 2005. – С.331 – 336.	0, 4 п.л.	Шохина И.И.
95	Происхождение языка (глава учебника).	печ.	Введение в языкознание. Курс лекций. Пособие для студентов филологических факультетов университетов. Изд. II, испр. и доп., Воронеж: изд-во «Истоки», 2005. – С.7 – 13.	0, 4 п.л.	Стернин И.А.
96	Природа, сущность и функции языка. Язык и мышление (глава учебника)	печ.	Введение в языкознание. Курс лекций. Пособие для студентов филологических факультетов университетов. Изд. II, испр. и доп., Воронеж: изд-во «Истоки», 2005. – С. 13 – 22.	0, 6 п.л.	Стернин И.А.
97	Устройство языка. Язык как универсальная коммуникативная система (глава учебника)	печ.	Введение в языкознание. Курс лекций. Пособие для студентов филологических факультетов университетов. Изд. II, испр. и доп., Воронеж: изд-во «Истоки», 2005. – С. 29 – 36.	0, 4 п.л.	Вахтель Н.М.

98	Фонетика и фонология (глава учебника)	печ.	Введение в языкознание. Курс лекций. Пособие для студентов филологических факультетов университетов. Изд. II, испр. и доп., Воронеж: изд-во «Истоки», 2005. – С. 36 – 49.	0, 8 п.л.	
99	Фонемы в речевом потоке. Просодика (глава учебника)	печ.	Введение в языкознание. Курс лекций. Пособие для студентов филологических факультетов университетов. Изд. II, испр. и доп., Воронеж: изд-во «Истоки», 2005.– С. 49 – 60.	0, 8 п.л.	Зиброва Р.В.
100	Расслоение лексического состава языка (глава учебника)	печ.	Введение в языкознание. Курс лекций. Пособие для студентов филологических факультетов университетов. Изд. II, испр. и доп., Воронеж: изд-во «Истоки», 2005.– С.73 – 82.	0, 8 п.л.	
101	Введение в языкознание. Курс лекций. Учебное пособие для студентов филологических факультетов университетов (научное редактирование)	печ.	Введение в языкознание. Курс лекций. Пособие для студентов филологических факультетов университетов. Изд. II, испр. и доп., Воронеж: изд-во «Истоки», 2005.–153 с.	9 п.л.	Стернин И.А.
102	Метафора в национальной картине мира (статья)	печ.	Язык и национальное сознание. Вып.8 / Научный ред. И.А.Стернин. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2006. – С.8 – 11.	0, 25 п.л.	

103	Синтагматика художественного текста (статья)	печ.	Русский синтаксис в лингвистике третьего тысячелетия: Материалы международной конференции, посвящённой 70-летию со дня рождения профессора А.М. Ломова. – Воронеж: ВГПУ, 2006. – с.364 – 367.	0, 25 п.л.	
104	Обращение в русском коммуникативном поведении конца XIX – начала XX века (на материале прозы А.П.Чехова) (статья)	печ.	Коммуникативное поведение. Вып.23. Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж: изд-во «Истоки», 2006. – С.103 – 108.	0,4 п.л.	Хади Н.Дж.
105	Дискурсивно-когнитивный подход к анализу художественного текста (статья)	печ.	Текст – дискурс – картина мира. Межвузовский сборник научных трудов. Вып.2. / Научный редактор О.Н.Чарыкова. Воронеж: изд-во «Истоки», 2006. – С. 4 – 8.	0,3 п.л.	
106	Структурные типы собственного имени персонажа в прозе А.П.Чехова (статья)	печ.	Текст – дискурс – картина мира. Межвузовский сборник научных трудов. Вып.2. / Научный редактор О.Н.Чарыкова. Воронеж: изд-во «Истоки», 2006. – С. 84 – 88.	0,3 п.л.	Хади Н.Дж.
107	Синонимия в научном дискурсе и проблема выбора термина (на примере русской лингвистической терминологии) (статья)	печ.	Текст – дискурс – картина мира. Межвузовский сборник научных трудов. Вып.2. / Научный редактор О.Н.Чарыкова. Воронеж: изд-во «Истоки», 2006. – С. 189 – 193.	0,3 п.л.	Джасим М.А.

108	Текст – дискурс – картина мира. Межвузовский сборник научных трудов. Вып.2. (научное редактирование)	печ.	Текст – дискурс – картина мира. Межвузовский сборник научных трудов. Вып.2. / Научный редактор О.Н.Чарыкова. Воронеж: изд-во «Истоки», 2006. – 218 С.	13,6 п.л.	
109	Флористическая метафора в русском и испанском языках (статья)	печ.	Сопоставительные исследования 2006 – Воронеж: Истоки, 2006. – С.14 – 21.	0,5 п.л.	Мусаева О.И.
110	Синтаксические аспекты функционирования глагола в рекламном тексте (статья)	печ.	Человек в информационном пространстве: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 5. – Ярославль: «Истоки», 2006. – С.176 – 180.	0,3 п.л.	
111	К вопросу об изучении глагола в когнитивно-дискурсивном аспекте (статья)	печ.	Единство системного и функционального анализа языковых единиц : материалы Междунар. науч. конф. (г.Белгород, 11 – 13 апр. 2006 г.) : В 2 ч. / под ред. О.Н.Прохоровой, С.А.Моисеевой. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. – Вып.9. – Ч.І. – С.200 – 204.	0, 3 п.л.	
112	К вопросу о соотношении терминов «текст» и «дискурс» (статья)	печ.	Культура общения и её формирование. Межвузовский сборник научных трудов. Вып 16. / Под ред. И.А.Стернина, А.В. Рудаковой. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2006. – С.7 – 9.	0, 2 п.л.	
113	Монокомпонентные антропонимы как форма наименования персонажа в прозе А.П.Чехова (статья)	печ.	Культура общения и её формирование. Межвузовский сборник научных трудов. Вып 17. / Под ред. И.А.Стернина, А.В. Рудаковой. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2006. – С.20 – 22.	0, 2 п.л.	Хади Н.Дж.

114	Греко-латинские терминологические элементы в фонетической терминологии (статья)	печ.	Культура общения и её формирование. Межвузовский сборник научных трудов. Вып 17. / Под ред. И.А.Стернина, А.В. Рудаковой. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2006. – С.67 – 69.	0, 2 п.л.	Джасим М.А.
115	Имплицитные категории как факт языкового сознания (тезисы)	печ.	Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности. XV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. Москва, 30 мая – 2 июня 2006 г. / Редактор Е.Ф.Тарасов. – Калуга: ИП Кошелев (Издательство «Эйдос»). – С.330 – 332.	0, 2 п.л.	
116	Метафорический концепт как феномен национальной концептосферы (тезисы)	печ.	Международный конгресс по когнитивной лингвистике : Сб. мат-лов 26-28 сентября 2006 года / Отв. ред. Н.Н.Болдырев ; Федеральное агентство по образованию, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 2006. – С.380 – 383.	0, 2 п.л.	

117	Метафора в национальной концептосфере (статья)	печ.	Новое в когнитивной лингвистике: Материалы 1 Международной научной конференции «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (Кемерово, 29-31 августа 2006 г.) /Отв. ред. М.В.Пименова. – Кемерово: КемГУ (Серия «Концептуальные исследования». Вып.8). – С.163 – 168.	0, 35 п.л.	
118	Метафорический концепт в сопоставительном аспекте (на примере флористической метафоры) (статья)	печ.	Концептосфера – дискурс – картина мира: международ. сб. науч. тр. по лингвокультурологии / отв. ред. Е.Е.Стефанский. – Самара : Самар. гуманит. акад., 2006. – С.36 – 40.	0, 3 п.л.	
119	Обращения в асимметричных речевых актах русской коммуникации конца XIX – начала XX века (на материале прозы А.П.Чехова) (статья)	печ.	Актуальные проблемы коммуникации и культуры. Вып.4. Международный сборник научных трудов. Москва – Пятигорск : Пятигорский государственный лингвистический университет, 2006. – С.40 – 46.	0, 4 п.л.	
120	О когнитивно-дискурсивном подходе к изучению глагола (статья)	печ.	ЈУЖНОСЛОВЕНСКИ ФИЛОЛОГ LXII. – БЕОГРАД, 2006. – С.253 – 258.	0,4 п.л.	

121	Особенности использования обращений в форме личного имени в русском бытовом общении конца XIX – начала XX века (статья)	печ.	Язык и национальное сознание. Вып. 9 /Научный ред. И.А.Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2007. – С. 199 – 204.	0, 4 п.л.	Хади Н.Дж.
122	К проблеме имплицитных категорий (статья)	печ.	Дискуссионные вопросы современной лингвистики: Сборник научных трудов. Вып. 3 / под ред. д.ф.н., проф. Л.Г.Васильева. Калуга: Калужский государственный университет им. К.Э.Циолковского, 2007. – С.24 – 27.	0, 2 п.л.	
123	Деривационный критерий в лингвокультурологическом исследовании (статья)	печ.	Сопоставительные исследования 2006 – Воронеж: Истоки, 2007. – С.141 – 146.	0, 4 п.л.	Мусаева О.И.
124	Грамматическая категоризация концепта в национальном языковом сознании (статья)	печ.	Язык и национальное сознание. Вып. 9 /Научный ред. И.А.Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2007. – С.27 – 30.	0, 25 п.л.	
125	Работа над культурой речи в системе подготовки будущих филологов (тезисы)	печ.	Риторика и культура речи в современном информационном обществе: материалы докладов участников XI Международной научно-методической конференции 29-31 января 2007г. – Ярославль, 2007. – С. 166 – 168.	0, 2 п.л.	
126	К вопросу о жанровой специфике текстов газетной рекламы (статья)	печ.	Культура общения и её формирование. Межвузовский сборник научных трудов. Вып 18. / [под ред. И.А.Стернина, А.В. Рудаковой]. Воронеж: Истоки, 2007. – С.195 – 200.	0, 4 п.л.	

127	Система работы над культурой речи как необходимый компонент профессиональной подготовки филолога-русиста (статья)	печ.	Коммуникативная культура современника : проблемы и перспективы исследования : Материалы I Всероссийской научно-практической конференции /под ред.Т.А.Федосеевой. – Новокузнецк: РИО КузГПА, 2007. – С.215 – 219.	0, 3 п.л.	
128	Обращение к лицам иного социального статуса в русском коммуникативном поведении конца XIX – начала XX века (на материале прозы А.П.Чехова) (статья)	печ.	Русский как иностранный: Теория. Исследования. Практика. Выпуск IX. СПб., «Сударыня», 2007. – С.179 – 184.	0, 4 п.л.	
129	Языковая личность в художественном тексте (статья)	печ.	Языковая личность: проблемы статуса и формирования: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: АНО МОК ВЭПИ, 2007. – С.180 – 183.	0, 25 п.л.	
130	Лексико-грамматический аспект языковой объективации концепта (статья)	печ.	Современные направления в лингвистике и преподавании языков: Материалы международной научно-практической конференции. Т.1. – М.: Изд-во МНЭПУ, 2007. – С.138 – 144.	0, 4 п.л.	
131	Функции обращений в форме личного имени в русском бытовом общении конца XIX – начала XX века (на материале прозы А.П.Чехова) (статья)	печ.	Иностранные языки и литература в современном международном образовательном пространстве. В 2 т. Т 2. Екатеринбург, ГОУ ВПО УГТУ – УПИ, 2007. – С.272 – 278.	0, 4 п.л.	

132	Сходства и различия фонетических систем русского и арабского языков как важный фактор отбора фонетических терминов для учебного словаря (статья)	печ.	Проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. – Воронеж: Истоки, 2007. – С.25 – 29.	0, 3 п.л.	Джасим М.А.
133	Художественная картина мира как объект лингвокогнитивного исследования (статья)	печ.	Текст – дискурс – картина мира. Межвузовский сборник научных трудов. Вып.3. / Научный редактор О.Н.Чарыкова. Воронеж: изд-во «Истоки», 2007. – С. 11 – 16.	0,4 п.л.	
134	Языковая метафора в художественном тексте (на примере лексем, называющих рельеф местности) (статья)	печ.	Текст – дискурс – картина мира. Межвузовский сборник научных трудов. Вып.3. / Научный редактор О.Н.Чарыкова. Воронеж: изд-во «Истоки», 2007. – С. 109 – 115.	0, 4 п.л.	Овчинников Д.В.
135	Обращение с использованием отчества в прозе А.П.Чехова как художественный приём (статья)	печ.	Текст – дискурс – картина мира. Межвузовский сборник научных трудов. Вып.3. / Научный редактор О.Н.Чарыкова. Воронеж: изд-во «Истоки», 2007. – С. 133 – 138.	3, 5 п.л.	Хади Н.Дж.
136	Текст – дискурс – картина мира. Межвузовский сборник научных трудов. Вып.3. (научное редактирование)	печ.	Текст – дискурс – картина мира. Межвузовский сборник научных трудов. Вып.3. / Научный редактор О.Н.Чарыкова. Воронеж: изд-во «Истоки», 2007. – 238 с.	14 п.л.	

137	Роль фитонимов в интерпретации художественного текста (статья).	печ	Славянские языки и культура. Т.Ш. Язык. Культура. Коммуникация. Материалы Международной научной конференции (Тула, 17 – 19 мая 2007г) /Тульский государственный педагогический университет им.Л.Н.Толстого. Тула : Изд-во «Петровская Гора», 2007. – С.176 – 179.	0, 25 п.л.	
138	Жанровые разновидности текстов газетной рекламы	печ.	Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. – Вып.5 / Отв.ред. А.Г.Пастухов. – Орёл: ОГИИК, ПФ «Картуш», 2007.- С.258 – 267.	0, 6 п.л.	
139	Художественный текст как объект дискурсивно-когнитивного анализа (статья)	печ.	Проблемы русского и общего языкознания. Межвузовский сборник научных трудов. Вып.5. – Елец, 2007. – С.191 – 196.	0, 35 п.л.	
140	Теория текста в аспекте дихотомии язык/речь (к вопросу о новой научной парадигме) (статья)	печ.	Идеи Фердинанда де Соссюра в современной лингвистике : сборник научных трудов / [под ред. И.А.Стернина]. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2007. – С.83 – 87.	0, 3 п.л.	
141	Имплицитные категории как феномен языкового сознания	печ.	Филология и культура: Мат-лы VI Междунар. науч. конф. 17-19 октября 2007 года / Отв.ред. Н.Н.Болдырев ;. Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 2007. – С.334 – 336.	0, 2 п.л.	

142	Автор и герой в свете концепции языковой личности (статья)	печ.	Современность русской и мировой классики / под ред. Б.Т. Удодова. – Воронеж : Изд-во ИИТОУР, 2007. – С.313 – 317.	0, 3 п.л.	
-----	--	------	---	-----------	--

**Список диссертаций,
по которым выступала оппонентом проф. О.Н.Чарыкова**

1. Панова О.Л. Коммуникативно-прагматические средства создания речевой образности в современном драматургическом тексте (2001).
2. Мещерякова О.А. Авторская концептосфера и её репрезентация средствами свето- и цветообозначения (2002).
3. Радченко И.А. Количественно-качественные изменения в лексике тематической сферы «Искусство» в русском языке на рубеже XX – XXI веков» (2002).
4. Баева Т.И. Формы речи русского прозаического текста (2003)
5. Романова Г.В. Использование библеизмов в поэзии М.И.Цветаевой (2003).
6. Палий О.В. Структурно-семантическая организация поэтического макротекста в книге стихов О.Э.Мандельштама 1916 – 1920 гг. «Tristia» (2003).
7. Ондомбо Поль. Синтаксическая структура слогана (2004).
8. Ревякиной Т.Л. Интертекстуальность поэтического слова в семантическом пространстве «Московских стихов» О.Э.Мандельштама. (2004).
9. Лесных В.Н. Языковая репрезентация познаваемой действительности (на материале концептуализации динамики развития растения в русском и немецком языках) (2005).
10. Маняхин А.В. «Концепты «дух», «душа», «сердце» и «мысль», «разум», «рассудок» в лирике Е.А.Боратынского: лингвистический аспект» (2005).
11. Козлов А.А. Устойчивые глагольно-именные сочетания прозы А.С.Пушкина как этап формирования устойчивых сочетаний русского литературного языка (2005).
12. Абед Аль-Джаббара Мусхен Хоонтош. Неоднозначные глаголы в современном русском языке: состав и функционирование» (2005).
13. Кондратенко Л.И. Глаголы интеллектуальной деятельности (на примере текстов прозы И.С.Тургенева) (2005).
14. Чернова Н.И. Национальная специфика тематической группы лексики (на материале наименований зданий и помещений в русском и английском языках) (2006).
15. Хуссейн Тума М. Русские фразеологизмы со словом «язык» в лингвокультурологическом аспекте (2006).

16. Чигирин Т.Ю. Заголовки в советских и постсоветских газетах в аспекте интертекстуальности и лингвокультурологии (2007).

17. Глушкова И.С. Семантические признаки абстрактного образа (на материале немецких и русских искусствоведческих текстов)» (2008)

**Список аспирантов и соискателей,
защитивших диссертации
под научным руководством О.Н.Чарыковой**

1. Акиль Яхъя Хассан. Глагольная метафора как форма отражения поэтической картины мира в лирике С.А.Есенина. Специальность 10.02.01 – русский язык. 1992 г.

2. Дементьева Елена Юрьевна. Глагол в рекламном тексте. Специальность 10.02.01 – русский язык. 12 декабря 2004 г.

3. Мусаева Ольга Игоревна. Флористическая метафора как фрагмент национальной картины мира (на материале русского и испанского языков). Специальность 10.02.19. – теория языка. 10 ноября 2005 г.

4. Калугина Виктория Александровна. Национальная специфика языковой репрезентации концепта (на материале объективации концепта «температура» в русском и английском языках). Специальность 10.02.19. 22 ноября 2006 г.

5. Зотова Анна Борисовна. Восклицательное предложение в аспекте теории речевых актов (на материале русских и английских текстов). Специальность 10.02.19. 31 мая 2007 г.

6. Хади Нахла Джавад. Существительные, обозначающие действующее лицо в прозе А.П.Чехова. Специальность 10.02.01. 25 октября 2007 г.

7. Джасим Муна Ареф. Принципы создания учебного русско-арабского словаря лингвистических терминов для иракских филологов-русистов (на материале фонетической терминологии). Специальность 10.02.01. 8 ноября 2007 г.

Вопросы теории

Л.Г.Антонова

Медиаграмотность как категория современного дискурса

Современная языковая личность живёт в *медиапространстве* (Землянова 1999: 122-123): её окружают, на неё воздействуют информационные потоки, порождённые событиями и псевдособытиями массовой коммуникации; от неё требуют с определённой периодичностью и частотностью реагировать на получаемую информацию (отбирать, отслеживать нужное для себя, оценивать, проводя конструктивный анализ, достоинства и недостатки); выступать «передатчиком», «референтом» полученной информации. Медиапространство, порождённое современной массовой коммуникацией, не отвечает требованиям экологичности: в эфир «вбрасывается» информация «недостоверная», подготовленная «недобросовестными» работниками СМИ; эта информация часто, благодаря искусству мультимедийных технологий, представляет превосходный инструмент для скрытого информационного воздействия, управления психическим и психо-эмоциональным состоянием и, как следствие, возникает угроза манипулирования общественным сознанием.

Все эти современные явления новой парадигмы отношений: человек – информация – общество – создают прецедент значимости для современной языковой личности определённой суммы знаний и умений о способах и средствах восприятия, переработки, транслирования информации в условиях медиапространства.

На стыке нескольких областей знаний, изучающих процессы взаимодействия языковой личности и массовой информации, возникает понятие «медиаграмотность» (Землянова 1999: 123 - 124). На первом этапе своего возникновения (в 1980-е годы) оно мыслилось учёными и практиками как критическое отношение к «эфирной телеинформации», умелое дозирование телепросмотров и критическое отношение к качеству серийных телематериалов.

В настоящее время в связи с расширенными возможностями теле- и радиовещания, электронных средств информации, выдвигаются более жёсткие требования к потребителю информационного продукта массовой коммуникации: ему вменяют в обязанность грамотно «считывать» информацию, быть готовым к оценке имплицитной информации; умело конструировать логико-смысловые отношения внутри информационных потоков, уметь противостоять «недостоверности» и открытой «провокативности» информации; уметь защищать себя и окружающих от «информационного насилия», безнравственности, антидуховности. Таким образом, ответственность за качество состояния дискурса в современном

медиапространстве должны разделить создатели и потребители информации.

Медиаграмотность как обязательный компонент грамотного и эффективного поведения в условиях современной информосферы включает определённую сумму знаний, соотнесённую с понятиями «коммуникативная компетентность», «неориторика», «массовое сознание», «речевое воздействие» и «манипулирование», и набор инструментальных техник, позволяющих оценить качество предлагаемого информационного продукта.

Медиаграмотность должна пониматься и в более широком смысле: как процесс осмысленного коммуникативного дискурса в рамках массовой культуры; образ мышления, который отличает не потребителя информации, а языковую личность с задатками медиума, включённую в процесс медиаобразования и постигшую язык (грамматику) медиакультуры.

Для обеспечения медиаобразования чрезвычайно важны направления современной коммуникативистики, разрабатывающие схемы, модели анализа нового информационного продукта в теле- и радиорежиме. Характеристика **кодов** современного информационного пространства включает понятие массовости аудитории, что обуславливает использование широкоэмитальных кодов, к числу которых относятся тексты и дискурсы радио и телевидения, тексты газетно-журнальных публикаций.

Поэтому в современной коммуникации важно усвоить определённые законы «кодирования» при передаче информации, к числу которых относится, например, такие, как жанровая модель речи и способы выражения авторской интенции через систему микротекстовых риторических фигур.

Человек в информационном пространстве оказывается перед необходимостью идентификации кодов и, самое главное, одновременного восприятия (считывания) нескольких кодовых информационных одновременно. Овладение моделями индивидуального декодирования информации чрезвычайно важно для обеспечения эффективности современной коммуникации, формирования медиаграмотности современной языковой личности.

В системе индивидуального медиаобразования особое место должны занять коммуникативные опыты, **обеспечивающие формирование основ медиакультуры.**

Например, в рамках публичного дискурса, часто профессионально ориентированного, релевантной для языковой личности является **информация о требованиях к оформлению публичного диалога и презентации публичного текста.** Накопленная система знаний о вербальных и визуальных кодах, о чтении «языка внешнего вида» должна практически закрепляться в аналитических опытах изучения видеопримеров публичного поведения, которые обычно хранятся в

видеоархиве современной языковой личности, принадлежащей к публичному социуму. Этот архив формируется на основе записи конкретных публичных выступлений в корпоративной профессиональной практике или фрагментов записи телеведущих новостных программ разных каналов вещания.

В практических опытах аналитического описания может помочь схема-модель, где учтены все **параметры эффективной коммуникативной практики**: от *особенностей коммуникативного поведения* (открытость/закрытость; лидерство/сотрудничество) до особенностей *«языкового паспорта»* говорящего, включая *голосовые характеристики* (тембр, тон, просодические параметры). Такая схема позволяет определить особенности реализации языковой личности в дискурсивном публичном режиме и принадлежность к определённому типу речевой культуры.

При реализации требования характеристики **медиатекста** (С.И.Сметанина) должна быть изучена последовательная, **детализованная канва оценки качества медиапродукта**, где особо пристальное внимание следует уделить *«интерпретации авторских кодов»*, выраженных в заголовке, в графемике, в языковой игре с читателем. Формирование *«языкового чутья»* и *«языкового вкуса»* – обязательное условие формирования медиаграмотности. Вот почему в системе работы по развитию и совершенствованию медиаграмотности должны быть предусмотрены специальные **аналитические наблюдения за качеством современного медиадискурса**: выявление и анализ речевых ошибок в печатных и электронных СМИ, составление *«языковых портретов»* радио- и телеведущих; *«языкового паспорта»* – идиолекта автора, традиционно представляющего в данном печатном издании свои публикации; **овладение навыками реферирования и рецензирования** на основе предлагаемого авторского дискурса.

Интерпретационные, аналитико-конструктивные опыты в системе медиаподготовки должны обязательно дополняться **активными опытами продуцирования собственных высказываний в режиме публичного дискурса**, общественно или профессионально актуализированного, с обязательным коммуникативным условием: *репрезентации основных положений в виде специальных программ компьютерной поддержки или подготовленных текстовых печатных приложений*. Овладение такими приёмами медиаподдержки публичного или профессионально ориентированного высказывания будет свидетельствовать о достижении определённых успехов в освоении медиаграмотности.

Таким образом, учёт указанных выше аспектов, обеспечивает грамотное восприятие медиапространства и медиапродуктов коммуникативной практики в публичном социуме, что открывает большие возможности для языковой личности современного социума в выборе объекта и предмета научных изысканий, в качестве которых могут выступать те или иные продукты медиакommunikации (рекламный текст, компьютерный эпистолярный, теледебаты, радиослоты и т.п.).

Следовательно, курс медиаобразования может быть продолжен и в научно-исследовательских опытах; в опытах научного дискурса и совместной корпоративной практики в современной социальной и массовой коммуникации.

Землянова Л.М. Зарубежная коммуникативистика в преддверии коммуникационного общества. – М.: МГУ, 1999.

М.В.Влавацкая

Механизмы сочетаемости в структуре лексического значения слова

Значение слова имеет сложную структуру и включает в себя различные компоненты (аспекты). В данной статье ставится задача выяснить: а) какие компоненты являются основными в структуре значения слова; б) в каком отношении они находятся с теми компонентами, которые реализуют сочетаемость; в) как соотносятся друг с другом семантические признаки, определяющие синтагматические характеристики, какие функции несут и в какой последовательности себя проявляют.

Решение указанной задачи невозможно без предварительного анализа современных концепций лексического значения.

По определению А.И. Смирницкого, лексическим значением называется «известное отображение предмета, явления или отношения в сознании...., входящее в структуру слова в качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка» (Смирницкий 1956: 152). Традиционно выделяется два подхода к исследованию значения: дифференциальный и интегральный.

Идеи о лексическом значении как о структурном образовании дали начало дифференциальному направлению в терминах «фигур плана содержания» Л. Ельмслева (1960). Его теоретическая концепция легла в основу нового для того времени метода исследования – компонентного анализа, с помощью которого в дальнейшем описывалась семантика различных групп слов. Согласно дифференциальному подходу значение слова является элементарной структурой и включает в себя какое-то количество дифференциальных признаков (сем), необходимых для противопоставления одного значения другому (Комлев 1969, Апресян 1995, Мельчук 1995 и др.). Исходя из данной концепции, основной функцией языкового знака является разграничение компонентов значения (сем).

Позднее дифференциальная модель семантических признаков была дополнена рядом существенных интегральных составляющих и получила

название интегрального направления. В результате разложения значения по дифференциальным признакам в нём остаются компоненты, которые не поддаются разложению и имеют общие черты (Степанов 1977, Шмелёв 1973, Никитин 1983 и др.). В основе данного подхода лежит концепция значения как отражательного явления, в которой особое место уделяется процессу актуализации значения в речевом употреблении. Важно отметить, что данные направления не исключают друг друга.

В структурном направлении и коммуникативной лингвистике представлен иерархический подход к лексическому значению. Согласно данной концепции значение состоит из следующих семантических блоков разной величины: 1) мегакомпоненты – самые крупные составляющие частей значения (лексический и структурно-языковой); 2) макрокомпоненты (грамматический, денотативный, коннотативный, функционально-стилистический); 3) микрокомпоненты – минимальные компоненты значения, отражающие отличительные признаки обозначаемого предмета (семы) (Стернин 1979, 1985; Васильев 1985). Важно отметить, что в рамках «блочного» подхода к лексическому значению правомерно говорить об аспектном его изучении, то есть изучении «различных проявлений значения в системе языка и речи» (Стернин 1985: 41).

Большинство исследователей выделяет в структуре значения два основных компонента: денотативный (эмпирический), связанный с миром вещей, и сигнификативный (понятийный), связанный с миром понятий (см. работы Л.А. Новикова, Л.В. Васильева и др.). Часть исследователей в зависимости от собственного понимания значения выделяют или сигнификативный (Кузнецова 1989), или денотативный (Стернин 1979) компонент.

Помимо указанных, существуют и другие точки зрения. Так, исследуя семантику русского слова с ограничительными компонентами в словарном толковании, О.А. Михайлова отмечает, что в конкретных именах денотативный и сигнификативный компоненты представляют собой разные, но диалектически взаимосвязанные уровни освоения предметной сферы. Денотатом конкретных имен является объем соответствующего класса предметов, который неотделим от сигнификата, т.к. неразрывно связан с понятием.

Выявленные автором лимитирующие семы в структуре значения в чистом виде имеют логико-предметное содержание и тем самым являются собой денотативные признаки, поскольку отражают результаты другой мыслительной категории – представления (Михайлова 1998: 70). Так, в значениях конкретных существительных О.А. Михайлова выделяет денотативно-сигнификативный компонент, который является отражением понятия, и собственно денотативный, или компонент-ограничитель. Например, в смысловом содержании слова *вестибюль* можно выделить денотативно-сигнификативный компонент, состоящий из признаков: «помещение», «переднее», «при парадном входе в здание», и собственно

денотативный компонент, т.е. лимитирующую сему «преимущественно общественное здание». Другой пример: *веер* – «небольшое ручное опахало, в развернутом виде имеющее форму полукруга» – денотативно-сигнификативный компонент, «обычно складное» – собственно денотативный компонент.

Данная концепция соотносится с наблюдениями И.А. Стернина над вероятностными семами в значении слова. Учёный считает, что такие семы играют важную роль, т.к. нередко отражают самые существенные признаки денотата – функцию, назначение, наличие характерных признаков и т.д. В словарных дефинициях вероятностные семы представлены с помощью определённых единиц толкования: «обычно», «преимущественно», «как правило», «в основном», «иногда» и т.п. Например: *гренки* – поджаренные ломтики хлеба, *обычно белого*; *госпиталь* – больница, *преимущественно военная*; *вольность* – непринуждённость, *преимущественно излишняя* и т.п. По мнению И.А. Стернина, вероятностные семы характерны в основном для денотативного компонента значения, хотя вероятностный характер могут иметь и коннотативные признаки значений – эмоции, оценка и т.д. (Стернин 1980:15).

Проанализировав значительную часть словарных дефиниций, О.А. Михайлова приходит к выводу, что основная часть толкования, отражающая понятие, репрезентирует сигнификативный компонент, а лимитирующая сема логико-предметного содержания, отражающая результаты представления, – денотативный компонент значения. Роль выявленных исследователем лимитирующих сем заключается «в предопределении возможности выбора правильной операции с языковой единицей, ограничивая его в большей или меньшей степени» (Михайлова 1998: 72).

В концепции значения О.А. Михайловой, помимо денотативно-сигнификативного (отражающего понятие) и прагматического (отражающего отношение говорящего к действительности) макрокомпонентов, представлен **денотативно-ограничительный компонент**, который отражает типовое представление об объекте действительности и характеризуется совокупностью признаков, стоящих вне собственно лингвистических измерений (1998: 76). Данный макрокомпонент «состоит из микрокомпонентов – лимитирующих сем, которые дополняют собственно структурное значение слова, образуют совпадающую у всех членов языкового коллектива часть семантической компетенции, и одновременно они очерчивают границы системного значения в океане речевых смыслов» (Михайлова 1998: 87).

Представленный подход к значению не вписывается в рамки ни дифференциального, ни интегрального направления. Он совмещает в себе принципы структурной и антропоцентрической лингвистики, направленной на человека, его представление о реальной действительности, и вправе называться «системно-интегральным»

(Михайлова 1998: 86). Предлагаемая трактовка представляет собой дополненную модель в русле интегрального направления значения, поскольку принимает во внимание интегральные, дифференциальные, коннотативные и *лимитирующие* семы.

Особый подход к проблеме значения слова наблюдается в работах В.В. Морковкина, который рассматривает его с точки зрения педагогической лингвистики и учебной лексикографии. По мнению учёного, в значении содержится три основных блока информации. Во-первых, абсолютная ценность слова – «сопряжённая с материальной оболочкой информация о денотате, т.е. классе вне слова бытийствующих фактов, объединённых общностью некоторых существенных признаков и включающая денотативное представление, денотативное значение, денотативный фон, сигнификативное значение, сигнификативный фон, страноведческий фон» (1990: 19). Представляется, что этот блок информации соотносится с денотативным и сигнификативным компонентами значения в традиционных терминах.

Во-вторых, относительная ценность слова – обусловленная абсолютной ценностью информация о соотношении слова с другими словами языка, а также о разного рода коннотациях, отражающих неденотативную специфику семантики слова. В понимании автора, содержательные характеристики, составляющие относительную ценность слова, определяются «через его соотнесение с другими словами и на их фоне» (Морковкин 1990: 21). Относительная ценность связывает слово не с действительностью, а с лексико-семантической системой языка. Данный компонент во многом соотносится с коннотативным, прагматическим и структурным парадигматическим аспектами в других концепциях значения.

Кроме того, в своих ранних работах В.В. Морковкин указывает на синтагматический потенциал слова, который в полном объеме свойствен слову только на уровне языка (1979). Содержательно его можно определить как совокупность лексических единиц, каждая из которых способна соединяться с данным словом для обозначения некоторой ситуации или (что то же) для выполнения определённого смыслового задания, а также совокупность правил такого соединения. Синтагматический потенциал представляет собой сочетательную ценность слова, или сопряжённую с материальной оболочкой и определяемую абсолютной ценностью информацию о его способности сочетаться определённым образом с определёнными словами, которая обусловлена категориальной и семантической валентностью слова (Морковкин 1990: 22).

Валентность, по В.В. Морковкину, определяется факторами трех родов:

- 1) факторы, обуславливающие саму возможность объединения в мысли денотата данного слова с денотатом другого слова;
- 2) факторы, *которые по каким-то собственно языковым причинам ограничивают эту возможность*;

3) факторы, определяющие конкретный способ объединения в речи данного слова с его распространителями.

По мнению исследователя, с лингвистической точки зрения слово способно сочетаться с другими словами, когда входящие в его денотативное значение семы совместимы с одной или несколькими семами другого или других слов. Таким образом, *ответственность за сочетаемостные свойства слова несут семы, составляющие его денотативное значение, т.е. каждая сема служит семантическим основанием лексической сочетаемости данного слова, другими словами, она порождает эту сочетаемость.*

В русском языке довольно много слов с фразеологически связанным значением, для которых характерна *своеобразная сочетаемостная аномалия*, заключающаяся в том, что имеющаяся при них синтаксическая позиция замещается фиксированным рядом сходных по семантике слов (приходить в восторг, в ярость, в бешенство и т.п.). *Предельным случаем подобной сочетаемостной аномалии можно считать способность слова сочетаться лишь с одним, двумя или тремя словами* (Морковкин 1979: 130-131).

Согласно взглядам В.В. Морковкина, слово синтагматично, однако синтагматичность может иметь некоторые ограничения языкового характера, в подробности которых исследователь не вдаётся.

Самую традиционную позицию в понимании значения занимает Л.А. Новиков (1982), различая в нём следующие аспекты:

1. сигнификативный (отношение знака к понятию, смыслу);
2. структурный, включающий синтагматическое и парадигматическое значения (отношение знака к другим знакам);
3. прагматический (эмотивный): (отношение говорящего к знаку);
4. сигматический (денотативный) (отношение знака к конкретному предмету действительности).

Наибольший интерес для нас представляет структурно-синтагматический аспект значения, который характеризует линейные отношения знаков, образующих вместе с их значениями определенную последовательность языковых единиц в их актуализованном одновременном соотношении друг с другом в тексте. Такую разновидность структурного значения Л.А. Новиков, как и В.В.Морковкин, называет валентностью (потенциальной сочетаемостью в языке), сочетаемостью (в речи) или синтаксическим значением (1982: 93-94).

Валентность, по мнению Л.А. Новикова, является одной из важнейших структурных характеристик лексических единиц: она фиксирует типовую сочетаемость данной единицы с другими и всю дистрибуцию этой единицы, т.е. совокупность всех сочетаний (окружений, контекстов), в которых данная единицы может встречаться. Валентность (сочетаемость) основывается на законах смыслового (семантического) согласования, соположения единиц, благодаря наличию в их содержании общих компонентов (закон семантического согласования).

По разрабатываемой в рамках сопоставительной семантики речи концепции, правильная организация высказывания предполагает соблюдение законов сочетания слов (Гак 1972). Разработка проблем семантического синтеза ставит вопрос об изучении этих законов на семантическом уровне, что сводится к изучению законов зависимости номинации от других номинаций окружения. Одной из зависимостей является **синтагматически обусловленная номинация**, в рамках которой В.Г. Гак открывает основной закон семантического согласования. Он заключается в следующем: для того, чтобы два слова составили правильное сочетание, они должны иметь, помимо специфических, различающих их сем, одну общую сему (по терминологии Б. Потье и А. Греймаса) – классему. Классемы итеративны (неоднократны), т.к. в данном сообщении они встречаются как минимум дважды, тем самым осуществляя связь наименований на расстоянии. «Классемы» имеют большое значение в синтагматической организации семантической стороны высказывания, и им приписывается двойная функция: связывающая и классифицирующая (Гак 1972: 375).

Однако, по рассуждениям В.Г. Гака, в реальной речи в роли связующего семантического компонента может выступать не только категориальный компонент, но любая архисема, всякий компонент, общий по меньшей мере двум семантемам (отражение элемента ситуации в плане содержания). В такой итеративной функции может оказаться любая сема – «связующий семантический компонент», или «синтагмема». Связующая роль такого компонента проявляется в том, что он обнаруживается в синтаксических группах: субъект – глагол; глагол – объект; определяемое – определение.

Наряду с общими синтагмемами (классемами), охватывающими ряд лексико-семантических групп (ЛСГ), в роли синтагмемы (связующего семантического компонента) могут выступать категориальные архисемы, ограничивающиеся одной ЛСГ. Но **синтагмемы могут иметь ограниченное употребление и проявляться только в одном сочетании** (Гак 1972: 376).

В функционировании синтагмем присутствуют как внелингвистические, так и внутрилингвистические факторы. Зависимость синтагмем от внутриязыковых факторов состоит в том, что их проявление связано в конечном счете со способом членения данного внеязыкового континуума формами языка. Наличие одной и той же семы в двух членах синтагмы выступает как своеобразное **семантическое согласование** – семантически зависимого и семантически господствующего членов, причем синтагмема является формальным средством этого согласования на семантическом уровне (в плане содержания). Подобно грамматическому, семантическое согласование есть формальное средство организации высказывания, достигшее, однако, значительно меньшей формализации (Гак 1972: 377).

В то же время В.Г. Гак выделяет **семантическое несогласование** – опущение общего компонента в одном из слагаемых, что возможно лишь в

случае устойчивых предметных отношений, например: *птица приближается к гнезду* вместо *птица летит к гнезду*. К **рассогласованию** автор относит «наличие в пределах синтагмы компонентов, несовместимых с точки зрения реальных предметных отношений».

Делая вывод, В.Г. Гак подчёркивает, что изучение синтагматики на семантическом уровне сводится к выявлению итеративных сем (синтагмем) и определению их функций в организации высказывания. Семантическое согласование во многих случаях оказывается обязательным для правильного кодирования и декодирования сообщения. Повтор сем относится к внешним, формальным приемам языка и выступает как важное конструктивное средство построения речи. Анализ семантической синтагматики раскрывает закономерности организации речи в их отношении к закономерностям объективного мира. Закон семантического согласования В.Г. Гака лёг в основу многих трудов по сочетаемости и синтагматике.

В частности, опираясь на данный закон, литовский исследователь в области сопоставительной семасиологии А. Гудавичус выделяет два метода определения состава сем в значении: по полной сочетаемости семемы и по невозможности сочетания с определённой группой слов (1985). Если семема А свободно сочетается с семемами Б, В, Г, Д... в однотипной синтаксической позиции, то в значении семемы А имеется сема, которая является общей для значений семем Б, В, Г, Д... Из данной формулировки можно понять, что автор имеет в **виду синтагматический компонент значения, который разрешает слову А сочетаться с определённой группой слов**.

Вместе с тем если семема А не может сочетаться с семемой Б, в значении которой явно имеется сема х, то это свидетельствует о том, что в значении семемы А присутствует взаимоисключающая сема х'. **Определение семного состава значения по невозможности сочетания семемы с другими семемами ограничено тем, что только для некоторых сем могут быть взаимоисключающие (антонимичные) семы.**

Например, как поясняет Н.З. Котелова, слово *облако* в прямом значении имеет достаточно большой круг сочетаемых слов, однако в переносном оно, образуя сочетания *облако задумчивости, недоумения, грусти*, не может сочетаться с существительными *смех, радость, удовольствие, доверие*, что говорит о наличии в этом значении семы «проявление только мрачного, удручающего чувства», а не «проявление какого-либо настроения, состояния вообще» (цит. по: Гудавичус 1985: 36). В данном случае имеется в виду некий (избирательный) компонент значения, который ограничивает сочетаемость.

По тонким наблюдениям Н.Ю. Шведовой, «избирательная лексическая сочетаемость слов предопределяется внутренними качествами «избирающего» слова, и эти качества нужно искать в сфере значения. *Повальные обыски, аресты* нормально, а *повальные выборы и всеобщие*

аресты невозможно не просто потому, что таков закрепившийся узус (а именно это объяснение напрашивается, если причины явления не объясняются), но потому, что лексическое значение слов *повальный* и *всеобщий*, в чём-то совпадающие, всё же различны» (Шведова 1970: 41).

Неординарной представляется точка зрения Б.И. Косовского, который наряду с сигнификативным и денотативным типами значения слова выделяет структурное значение, состоящее по его терминологии из дифференциального значения (значимости) и синтаксического значения (валентности) (1975). Под синтаксическим значением вслед за Ю.Д. Апресяном исследователь понимает «способность данного слова подчинять словоформы некоторых синтаксических классов и подчиняться словоформам некоторых синтаксических классов» (Апресян 1969: 81). Синтаксический класс понимается как совокупность словоформ некоторых синтаксических классов. Б.И. Косовский отмечает, что «синтаксическая валентность является частью семантики и как таковая анализируется и описывается в грамматиках конкретных языков» (1975: 36).

В противоположность валентности селективное (избирательное) значение обусловлено тем, что некоторые слова не могут сочетаться с определёнными категориями других слов. Слова объединяются в семантические подклассы по признаку селективности. Каждый такой подкласс как бы избирает те подклассы, с которыми он может сочетаться в речи. Семантические подклассы входят в систему языка, их можно классифицировать и описывать. (Косовский 1975: 36).

Селективное значение находится в сложных отношениях с другими типами значения слова. **Наиболее близко оно синтаксическому значению, т.к. тоже обуславливает сочетаемость слов.** Эти значения также **сближаются с точки зрения их отношения к частям речи.** Одни и те же типы синтаксических отношений могут быть присущи различным частям речи. Общими у различных частей речи могут оказаться и некоторые селективные значения. С другой стороны, в пределах одного грамматического класса может заключаться несколько селективных признаков. Так, качественные наречия могут сочетаться с глаголами, прилагательными наречиями: *бедно жить, чрезвычайно глупо, удивительно жаркий*, но не могут сочетаться с существительными.

Однако различный характер селективных и синтаксических значений может обнаружиться в возможности несовпадения грамматической и селективной отмеченности речевых конструкций. Это могут подтвердить такие примеры: **вылет самолёт* или **покупка книгам* допустимы со смысловой точки зрения, но не соответствуют синтаксическим нормам русского языка. Напротив, словосочетание **птица посмотреть* допустимо с грамматической точки зрения (ср. *желание посмотреть*) но не соответствует правилам избирательности в русском языке (невозможность сочетания: *конкретное существительное+инфинитив*).

Из вышесказанного следует, что Б.И. Коссовский чётко разграничивает синтаксическое и селективное типы значения. Первое он склонен относить к грамматическому свойству, второе - к семантике.

Вновь возвращаясь к концепции О.А. Михайловой, напомним, что автор выдвигает следующее положение: компонент-ограничитель (денотативно-ограничительный компонент) манифестирует особую, лимитирующую, часть семантики слова, обращенную в реальную действительность, связанную с типовыми представлениями коллективного языкового сознания о денотате или ситуации и отражающую особенности национального мировосприятия. Лимитирующие семы входят в селективный компонент значения, обуславливающий соответствующую семантическую сочетаемость лексемы в составе высказывания (Михайлова 1998: 6).

Исследуя словарную информацию, заключённую в круглые скобки, О.А. Михайлова обнаруживает, что функция подобных компонентов – ограничительная и одно из назначений скобок – маркировать ограничительные компоненты, которые по своему составу очень разнородны. Во-первых, они ограничивают круг денотатов, которым может быть приписан признак; во-вторых, ограничивают ситуацию, в которой может проявляться признак, в-третьих, ограничивают частные разновидности проявления признака и проч. (1998: 18).

Однако в признаковых именах – глаголах и прилагательных – ограничения связаны с селективным компонентом, с избирательностью сочетаемости, т.е. в скобках перечисляется ряд или указывается один денотат, который может вступать в синтагматические связи с заглавной лексемой. В именах существительных фрагменты толкования в скобках указывают на ограничения в частных проявлениях какого-либо свойства именованного объекта, которые исследователь не относит к селективным компонентам, т.к. предметные имена с точки зрения теории валентности и падежной грамматики зависимы от признаковых имен. По мнению О.А. Михайловой, фрагменты с ограничительной функцией в толкованиях существительных являются семантическими конкретизаторами.

Из своих наблюдений исследователь делает доказательные выводы. Ограничения появляются в языке в тех случаях, когда есть тот или иной выбор: выбор вариаций и вариантов в пределах заданного инварианта, выбор единиц языка из некоторой парадигмы, выбор самой парадигмы из языковой системы. Процесс выбора является многоступенчатым, и на всех ступенях выбора действуют определенные ограничения. Язык испытывает множество разнообразных ограничений: экстралингвистических и собственно языковых – ограничения системой и ограничения нормой. Соблюдения всех видов ограничений в речевой коммуникации является непреложным требованием правильной речи.

В заключение рассмотрим концепцию И.А. Стернина, согласно которой в лексическом содержании знака выделяется денотативный,

коннотативный, эмпирический и селективный макрокомпоненты. Под последним понимается отражение в значении правил употребления знака в языке. Данный компонент имеет другую природу, отличную от других компонентов семантики знака, т.к. он отражает языковую действительность. Как считает учёный, селективный компонент предписывает или запрещает сочетаемость, более того, он выполняет одну из важнейших функций языка – демаркацию отдельных лексико-семантических вариантов (ЛСВ) слова. При этом каждый ЛСВ обладает неповторимым селективным компонентом, что является решающим фактором в выделении данного ЛСВ (Стернин 1979: 40).

Селективный компонент обычно связан с денотативным и коннотативным компонентами значения. Так, слово *стоять* не сочетается со словом *стремительно*, что обусловлено денотативным компонентом значения *стоять*, обозначающим неизменяемое состояние. Данный компонент в опоре на этот признак запрещает сочетание с наречием, выражающим интенсивность, и не допускает семантического сочетания слов, имеющих денотативные семы противоположного значения.

Затрагивая связь селективного компонента с коннотативным, можно констатировать наличие стилистических ограничений, в которых селективный компонент выполняет требования коннотации, например, обычно говорят *Завод производит автомобили*, а не *Завод делает автомобили*.

Вместе с тем, как отмечает И.А. Стернин, селективный компонент знака может проявляться самостоятельно: *коричневое пальто – карие глаза – каштановые волосы*. В данном случае селективные компоненты прилагательных строго блокируют недопустимую сочетаемость, предписывая нормативную. В таком случае селективный компонент отражает узус.

Ряд слов обладает весьма узкой или единственной сочетаемостью: *скалить зубы, жмурить глаза, кивать головой, русые волосы, сильный голос* и т.д. В этих примерах прослеживается связь между единичной сочетаемостью и узким значением слова, что затрудняет разграничить селективный и собственно денотативный компоненты.

Однако, по мнению И.А. Стернина, существует множество примеров ограничения сочетаемости слова вне всякой связи с другими компонентами, что свидетельствует о самостоятельности селективного элемента в структуре значения. Селективный компонент значения резко отличает близкие значения в разных языках. Так, в английском языке можно сказать *to start a family*, в русском языке эквивалентом глагола *start* является глагол *завести* – *завести семью*. Таким образом, знание селективных компонентов слова играет важную роль в изучении иностранного языка, в противном случае это приводит к грубым речевым ошибкам.

Итак, рассмотрев концепции структуры лексического значения, можно сделать следующие выводы. Все исследователи в качестве основных

выделяют денотативный и/или сигнификативный компоненты значения, т.к. они определяют тесную связь языка с окружающей действительностью и понятием. Эти аспекты составляют ядро значения и обеспечивают соединение слов друг с другом в первую очередь на основе предметно-логических связей. Относительно коннотативного и прагматического компонентов следует сказать, что исследователи, как правило, отдают предпочтение или коннотативному, или прагматическому аспекту, вероятно в силу того, что их функции, по некоторым концепциям, несколько схожи.

Что касается компонентов, играющих главенствующую роль в соединении слов в речевой цепи, можно заключить следующее. Большинство учёных едины во мнении, что в значении слова есть определённый, а именно синтагматический компонент (аспект), способствующий реализации семантических связей (Морковкин 1979, 1990; Новиков 1982; Гак 1972; Васильев 1990 и др.). В то же время почти все из них указывают на то, что наряду с этим компонентом в значении слова присутствует некий «антонимичный» компонент, ограничивающий (лимитирующий) сочетаемость лексем до какого-либо предела: ряда слов, ЛСГ, нескольких слов, только одного-двух слов (Михайлова 1998, Морковкин, 1990, Гак 1972, Шведова 1970 и др.).

В терминах О.А. Михайловой денотативно-ограничительный (селективный) макрокомпонент непосредственно соотнесен с денотатом и состоит из лимитирующих сем, которые лишь дополняют структурное значение и относятся к совпадающей части семантической компетенции для контингента определённого языкового коллектива. Однако по типу универсальных языковых отношений, по которому разграничиваются семы (парадигматические и синтагматические), нельзя однозначно квалифицировать лимитирующие семы, т.к. в семемах глаголов и прилагательных они однозначно являются синтагмемами, а в семемах существительных их нельзя считать синтагматическими, т.к. они не определяют валентности соответствующей семемы.

Непосредственно селективный компонент значения выделяют Б.И. Косовский и И.А. Стернин: оба исследователя связывают данный компонент с ограничениями на сочетаемость. Однако их точки зрения не совсем совпадают. Б.И. Косовский структурный синтаксический тип значения (валентность) соотносит в основном с синтаксической синтагматикой, а селективный тип значения - с семантическими ограничениями. И.А. Стернин подчёркивает, что селективный компонент – это имеющиеся в значении знака указания на правила его употребления в речи, т.к. он отражает языковую действительность. В ряде случаев наблюдаются примеры ограничения сочетаемости вне какой-либо связи с денотативным или коннотативным содержанием слов, что подтверждает самостоятельность селективного компонента в структуре значения.

Резюмируя изложенное выше, следует подчеркнуть, что механизмами сочетаемости в структуре значения слова являются синтагматический и

селективный компоненты. Синтагматический компонент позволяет реализацию сочетаемости слов, в то время как селективный компонент «контролирует» этот процесс и разрешает сочетаться словам в речевой цепи исключительно по принципу избирательности.

Вслед за И.А. Стерниным мы констатируем: «селективный компонент значения – это компонент, выводящий значение слова в синтагматику, включающий значение в процесс передачи информации, но не передающий сам в акте коммуникации какой-либо информации слушающему» (1979: 42).

-
- Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1995.
- Апресян Ю. Д. Синонимия и синонимы // Вопросы языкознания. 1969. № 4.
- Васильев Л.М. Значение и его отношение к системе языка. Уфа, 1985.
- Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. М.: Высшая школа, 1990.
- Гудавичус А. Сопоставительная семасиология литовского и русского языков. Вильнюс: изд-во «Мокслас», 1985.
- Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики 1971. IV. Вопросы грамматики и семантики. М., 1972. С. 367-195.
- Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вы. 1 М., 1960.
- Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969.
- Косовский Б.И. Типы значений слов. // Методы изучения лексики. Минск: изд-во БГУ им. В.И. Ленина. 1975. - С. 22-38.
- Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. М., 1989.
- Мельчук И.А. Русский язык в модели «Смысл ⇔ Текст». М., Вена, 1995.
- Михайлова О.А. Ограничения в лексической семантике. Семасиологические и лингвокультурологические аспекты. Екатеринбург: изд-во Уральского университета, 1998.
- Морковкин В.В. Сочетаемостные свойства слова и проблема их системной лексикографической интерпретации // Проблемы сочетаемости слов. V. Сочетаемость слова и проблемы лексикографии. М., 1979. С. 129-137.
- Никитин М.В. Лексическое значение слова. Владимир, 1983.
- Новиков Л.А. Семантика русского языка. М., 1982.
- Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. М., 1956.
- Степанов Ю. С. Номинация, семантика, семиотика. // Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977.
- Стернин И.А. Из наблюдений над вероятностными семами в значении слова // Сопоставительно-семантические исследования русского языка. Воронеж: изд-во Воронежского университета, 1980. С. 14-20.
- Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж: изд-во Воронежского университета. 1979. – 155с.
- Шведова Н.Ю. Несколько замечаний по поводу статьи Ю.Д. Апресяна «Синонимия и синонимы» // Вопросы языкознания, 1970. № 3.
- Шмелёв Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.

Номинация события (словообразовательный аспект)

Основу называния в любом языке составляют понятийные или ономазиологические категории: формирование нового слова происходит прежде всего в опоре на самые общие грамматические классы, представленные в данном языке, - части речи. В языках типа славянских или германских, то есть с установившимися традициями и развитыми грамматическими системами, необходимость в новом обозначении будет реализована прежде всего в выборе того формального класса, которому обозначаемое принадлежит по природе: так, какой-либо процесс будет скорее всего обозначен с помощью глагола, а новый предмет – с помощью существительного и т.п.

Понятие словообразования как такового относится в первую очередь к словам полнозначным, и оно начинается со знаменательных частей речи: глагола, существительного, прилагательного и наречия. Ономазиологические категории, существующие на этом уровне и имеющие грамматический характер выражения, получают на уровне словообразования дальнейшее развитие и уточнение в более конкретных терминах. Дифференциация слов, начатая их распределением по частям речи и представляющая собой прежде всего осмысление того, что подлечит означиванию, в категориях предметности, процессуальности и признаковости, получает на уровне словообразования еще более дробный и более конкретный характер.

Как уже указывалось, общая категория наименования элементов окружающей нас действительности во всей её сложности и многообразии получает членение прежде всего через призму частей речи и уже вторично – в многочисленных производных. Главными ономазиологическими категориями языка следует считать те, благодаря которым слова формируются как слова разных формальных классов и как знаки разной природы (собственно наименования, или полнозначные части речи, в противовес незнаменательным частям речи, а также местоимениям и числительным).

В свою очередь основными ономазиологическими категориями, реализующими собственно наименования, можно считать категорию субстанции в широком смысле этого понятия (иногда ее также называют категорией предметности), отражающуюся в грамматике в виде такой части речи, как существительное, и категорию признака, охватывающую три прочих знаменательных части речи: глагол, прилагательное и наречие. Значения, выражаемые данными частями речи, можно считать наиболее абстрактными общекатегориальными значениями.

Среди полнзначных частей речи доминантную позицию с точки зрения их номинативной значимости занимают существительные: только они могут приобретать функцию собственно наименований (*nomina propria*) (J. Kuhar 1968: 96). Имея в своей основе “понятие субстанции, предмета в широком смысле слова”, существительные развивают обычно множество разнообразных словообразовательных категорий, конкретизирующих предметность в терминах лица/не-лица, одушевленности/неодушевленности, производителя действия/его адресата, обладателя или носителя какого-либо действия и т.п. Обычно именно существительные обладают наибольшей способностью дифференцироваться по разным основаниям.

Ономасиологические категории предметности элементарны, так как они неразложимы на другие составные части. Их реализуют производные единицы, ономасиологическая структура которых двучленна и состоит из двух компонентов – базиса и признака.

Базисом производного является то, что фиксирует его принадлежность к классу, другими словами, к наиболее общей из тех понятийных категорий, которые выражаются данным словом. Так, базисом слова *мальчишник* является понятийная категория признака как носителя определенного свойства.

Ономасиологическим признаком, который всегда имеет более конкретную сравнительно с базисом семантику, является переменная для каждой словообразовательной модели величина, способствующая уточнению или конкретизации базиса; ономасиологический признак в таких производных, как *мальчишник*, *девичник*, выражен основой существительного. Ономасиологический признак может иметь и более сложную форму, ср. *междусобойчик*, *новоселье*, *культпоход*, *бракосочетание* или англ. *garden party*. Про такой сложный признак говорят, что он составлен из ономасиологического мотива (производящей основы) и связующего (ср. *междусобойчик* -> “между собой” (приятельская встреча), *новоселье* -> “новое вселение”, *культпоход* -> “культурный поход”, *бракосочетание* -> “сочетаться браком”, *garden party* – “party held in a private garden” (вечеринка в саду) и т.п.).

В случае префиксации сущность названия заключена в мотивирующем слове, а префикс только уточняет основу, но не указывает на класс предметов – класс предметов задан именно определяемым словом (основой), например, *застолье*.

В так называемых сочиненных сложных существительных (англ. *a house party*) представлено по два равноценных ономасиологических признака: *a house party* – a party held at a big house (вечеринка в доме) и наоборот: a big house where a party is held (дом, в котором проходит вечеринка). Ономасиологический базис таких слов фиксируется самой словообразовательной моделью и её принадлежностью к определенному семантическому классу производных.

Сложный вопрос о соотношении ономасиологического базиса и признака встает применительно к безаффиксным производным. Анализ

безаффиксного словопроизводства может пролить свет на более широкое явление – транспозицию. С ономасиологической точки зрения безаффиксное словопроизводство направлено на выражение самых общих – грамматических, категориальных, частеречных значений (например, выражение категории предметности теми основами, для которых первично выражение процессуальности или признаковости; категории процессуальности – основами, для которых первично выражение предметности или признаковости и т. д.).

Ономасиологическая специфика безаффиксного словопроизводства состоит в том, что оно отражает видение, восприятие, понимание обозначаемого в новом ракурсе, в новой категориальной проекции. Это подведение старой основы под новую категориальную группу. Безаффиксное словопроизводство служит поэтому в первую очередь целям транспозиции и созданию мостиков между разными частями речи.

С формальной же точки зрения словообразовательным средством здесь служит смена морфологических показателей при одной основе – показателей как грамматических классификаторов. Соответственно этому безаффиксное словопроизводство можно было бы именовать парадигматической или морфологической редистрибуцией основ, или просто редистрибуцией.

Смена морфологических показателей имеет глубокие семантические основы: использовать глагольное слово со всеми признаками процессуальности в качестве обозначения какого-либо предмета можно только при одном условии – лишив его этих свойств глагольности или, по крайней мере, нейтрализовав те из них, которые противоречили бы его предметному восприятию. Такие же по своей сущности мотивы играют роль и при “переводах” субстантивных основ в класс атрибутов или же при использовании атрибутивных основ для характеристики действия или состояния. Поэтому можно утверждать, что категориальные значения кардинальных частей речи (предметность, признаковость, процессуальность) суть ономасиологические категории языка, и даже простая редистрибуция основ по этим категориям приводит к изменению присущих им значений. Смена морфологических показателей, т.е. замена одних морфологических показателей на другие, выступает поэтому как способ формального выражения категориальной редистрибуции основ.

Итак, в то время как все остальные способы словообразования направлены на конкретизацию и модификацию трех главных ономасиологических категорий, т.е. семантические видоизменения в пределах этих категорий (предметности, атрибутивности и процессуальности), – безаффиксное словопроизводство существует в первую очередь для того, чтобы обеспечить выражение самих этих значений (когда какая-либо готовая лексема служит для выражения нового, вторичного для нее значения) и, следовательно, для того, чтобы обеспечить редистрибуцию основ по ономасиологическим категориям. Соответственно, ономасиологическая сущность безаффиксного

словообразования – в редистрибуции основ, в их общекатегориальном переосмыслении.

Общеизвестны положения Е.Куриловича о синтаксической и лексической деривации; при синтаксической деривации производное слово отличается от производящего не своим лексическим значением, а только своими синтаксическими свойствами (Курилович 1962: 206).

Точно такое же определение давал Ш.Балли транспозиции, отмечая, что “языковой знак, полностью сохраняя свое семантическое значение, может изменить грамматическое значение, приняв на себя функцию какой-нибудь лексической категории (существительного, глагола, прилагательного, наречия)” (Балли 1965: 130).

Следовательно, при необходимости любое существительное может мотивировать новый глагол, послужить источником образования отглагольного имени. Простейшим средством осуществления этой задачи и является безаффиксное словопроизводство. Есть также некоторые основания полагать, что эти формы транспозиции были известны уже на ранних стадиях развития индоевропейских языков (Кубрякова 1963: 43).

При развитых системах словообразования они продолжают действовать и в современных языках. Исследователи отмечают, что свобода образования глаголов от существительных и существительных от глаголов является одной из самых характерных черт словообразования в английском языке. Например, *to picnic* (глагол) и *picnic* (существительное). Целью словообразовательного акта является создание нового наименования как новой части речи. Аналогичные утверждения обоснованно высказывались относительно немецкого и других языков. Естественным также предположить, что в связи с разнообразием и семантической неоднородностью возможных исходных единиц безаффиксного словообразования, вторичные наименования, полученные в результате этого способа деривации, тоже могут быть производными самых разных лексико-семантических разрядов. Этот факт, по-видимому, никаких сомнений не вызывает: безаффиксные производные могут реализовать примерно тот же круг значений, что и другие типы производных, и модифицировать (вторично) ономаσιологические категории предметности, процессуальности и атрибутивности в тех же отношениях, что и прочие типы производных. Нельзя только забывать о том, что подобная модификация внутри значений частей речи для транспозиции вторична.

Таким образом, мы приходим к выводу, что явление, которое должно быть названо, всегда включается в определенный понятийный класс, а затем в рамках этого класса оно маркируется некоторым признаком; понятийный класс входит в ономаσιологическую структуру понятия как определяемое (ономаσιологический базис), а признак как определяющее (ономаσιологический признак). Применительно к безаффиксным производным, о которых говорилось выше, это положение может быть раскрыто следующим образом: их ономаσιологическим базисом является

такой понятийный класс, как часть речи, их ономаσιологическим признаком – указанная основой конкретная разновидность данной части речи. Вместе с фиксацией слова в качестве определенной части речи при безаффиксном словообразовании происходит также фиксация определенной разновидности выбранной части речи.

Изучение производных слов имеет для теории номинации особое значение. Производное есть номинация с определенной отсылкой к существующему знаку или знакам языка. Словообразовательный процесс – это всегда акт номинации с определенными специфическими чертами.

Апресян Н.Д. Лексическая семантика. М., 1977.

Арутюнова Н.Д. Синтаксис // Общее языкознание. М., 1972.

Кубрякова Е.С. Именное словообразование в древних германских языках. // Сравнительная грамматика германских языков. - Т.3. - М., 1963.

Кубрякова Е.С. Деривация, транспозиция, конверсия // Вопросы языкознания. - 1974 - № 4.

Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая. – В кн.: Е.Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962.

Лихтман Р.И. К вопросу об основных понятиях словообразования. // Изв. АН СССР. – ОЛЯ. - 1973. -т.32.-Вып.2.

Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977.

J. Kuhar. К общей характеристике номинации // TLP- 3. - Prague, 1968.

А.А.Припадчев

Семиотический аспект речи

В начале XX века Ф. де Соссюр выявил системность языка на семиотическом уровне. Исследователь указал, что язык – это семиологическое явление. Именно в семиотическом аспекте он оказывается системой. И это – система значимостей (Соссюр 1977: 106, 110, 113). Значимость обнаруживается в отношениях одного знака с другими знаками, то есть характеризует класс слов. Значение выявляется в отношениях акустического образа и понятия внутри знака, то есть характеризует одно слово (Соссюр 1977: 147).

Для определения значимости недостаточно констатировать, что слово имеет то или иное значение. Его надо сравнить с другими словами, которые можно ему противопоставить. Значимость создают различия между знаками, а значение – тождество означающего и означаемого внутри одного знака (Соссюр 1977: 148, 154, 147). Без значимостей значения не существовало бы. Материал, заключенный в конкретном знаке, менее важен, нежели то, что есть вокруг него в других знаках. Значимость члена системы может измениться без изменения его значения и звукового облика (Соссюр 1977: 150, 153).

В течение XX столетия предложенное Ф. де Соссюром понимание языка как системы различающих значимостей не было в должной мере востребовано. Более того, выделившись в самостоятельное научное направление, семиотика стала акцентировать не семиотическое означивание через значимость, а семантическое через значение (Бенвенист 1974: 87). Кроме этого, из теории внутренней лингвистики семиотика, постулируя прагматику, вышла в теорию внешней лингвистики.

Все это видно из положений, сформулированных семиотикой об отношениях между знаками (не значимостями!) – синтактика, об отношениях между знаками и предметами – семантика, об отношениях между знаками и человеком – прагматика. На это же указывают и законы семиотики: эквивалентность знаков, различение ступеней знаковости наблюдателем знаковой системы и ее участником, обращение планов содержания и выражения (Степанов 1971: 81 – 143).

Большой вклад в возвращение семиотического аспекта языка из сферы общей семиотики в русло теории языка внес Ю.М.Лотман. Разрабатывая основы исторической семиотики культуры, ученый пишет: «Семиотические системы, каждая в отдельности и все они в интегрирующем единстве семиосферы, синхронно и всей глубиной исторической памяти, осуществляют интеллектуальные операции, хранят, перерабатывают и увеличивают объем информации. Мысль – внутри нас, но и мы внутри мысли, подобно тому как язык – нечто порождаемое нашим сознанием и прямо зависящее от механизмов мозга, но и мы внутри языка» (Лотман 2001: 389).

По мере накопления лингвистами наблюдений над текстом возникла настоятельная потребность возвратиться в семиотическом аспекте языка от понимания его как системы знаков к соссюрговскому толкованию его как системы значимостей, ибо «знак не является необходимым для выражения понятия; язык может ограничиться противопоставлением чего-либо ничему» (Соссюр 1977: 119).

Длительная недолжная востребованность понятия «значимость» как сущности семиотики языка и его системности объясняется тем, что в теории языка важнее понятие «значение», отделяющее одно слово от другого. Значимость в теории языка не рельефна, так как может отграничивать лишь один заведомо закрытый языковой класс слов, например глаголы, от другого тоже заведомо закрытого языкового класса слов, например местоимений, как объединений единиц одной части речи.

В теории же речи понятие «значимость» приобретает особый вес, ибо только благодаря ему один принципиально открытый речевой класс слов отделяется от другого, также принципиально открытого речевого класса слов (серий) как объединения синтаксем различных частей речи.

Задача теории языка – «установление принципов, лежащих в основе любой системы, взятой в данный момент времени, и выявление конститутивных факторов любого состояния языка» (Соссюр 1977: 133).

Понятия «факторы» и «принципы» приложимы и к теории речи, но в ней они получают другое содержание.

В анализе языка как системы значимостей актуализируется единица языка. Это – «грамматический факт». Он всегда выражает противопоставление членов системы. Язык же целиком основан на противопоставлении (Соссюр 1977: 154, 139).

А «чтобы убедиться в правильности выделения речевой единицы, нужно, сравнив целый ряд предложений, убедиться в каждом отдельном случае в возможности ее выделения из контекста и удостовериться, что такое выделение оправдано по смыслу» (Соссюр 1977: 137).

Как видим, введенные Ф. де Соссюром в научный оборот понятия семиотики языка (система – значимость – значение – знак – грамматический факт) приобретают особую актуальность при анализе текста как целого. Более того, они важны и для семиотики речи, так как именно в тексте и прежде всего на семиотическом уровне выявляются различительное языковое означивание и сходное речевое означивание и тем самым обнаруживаются не только система языка, но и система речи.

Факторы и принципы семиотического аспекта речи и ее системности сообщались нами в других работах (Припадчев 2006: 55 – 63; Припадчев, 2006: 112 – 117; Припадчев 2007: 66 – 76). Подтвердим их универсальность анализом текста «Плач слуг князя Святополка» (Успенский сборник XII – XIII вв, М., 1971, с. 49).

Факторы речевой системности текста

Фактор центрации речевого пространства

Данный фактор проявляется в центрации множества денотатов семантическими «фокусами» - значениями оценки, лица, отрицания, утверждения, факта действия («это было»), времени («сейчас»).

Центрация семантикой отрицательной оценки (самооценки) обозначается одним междометием горестного чувства *оувы*, уходит на периферию семантико-структурных моделей строения текста и становится приметой зачина жанровой формы плача.

Центрация значением положительной оценки выражается серией аллегорических сочетаний *водителю слепымъ – одеже нагымъ – старости жьзле – казателю не наказанымъ*.

Центрация семантикой лица обозначается одним личным местоимением *намъ*, уходит на периферию моделей строения текста и становится приметой зачина жанровой формы плача в формуле «оувы намъ».

Центрация имплицитными значениями отрицания и утверждения выражается серией вопросительных местоимений *кто* – «никто» - *къто* – «все» - *къто* – «все».

Центрация семантикой факта действия обозначается серией местоименных наречий *како* – *како* – *како*, исчисляющих факты действий «это было» - «это было» - «это было».

Центрация значением настоящего времени «сейчас» выражается указательными местоимениями *сего – въ семь*.

Фактор неекторности речевого времени

Данный фактор обнаруживается в том, что денотаты не отнесены к прошлому, настоящему или будущему.

Неекторность проявляется в распределенности фаз оценки, отрицания и утверждения, времени, фактов действий по имплицитным модусам речевого времени - модусам последовательности «сначала – затем - потом», модусам перечисления «во-первых – во-вторых – в-третьих», модусам уточнения «общее - частное» («сначала» - *водителю* слепымъ – «прозрение слепых», «затем» - *одеже* нагымъ – «одежда нагих», «потом» - старости *жъзле* – «опора старости»).

Фактор формирования семантического «разреза»

Данный фактор проявляется в том, что при вертикальном развертывании текста семантические «фокусы» многократно соотнесены с одними и теми же денотатами.

Обнаружением такого развертывания текста в плане речевого пространства являются семантические «разрезы»:

аксиоцентрический (*водителю* слепымъ – «положительная оценка»);
логоцентрический (*къто* – отрицание «никто» и утверждение «все»);
фактоцентрический (*како* – не въсхоте – «факт действия: это было»);
темпоцентрический (*сего* – «сейчас»).

Обнаружением вертикального развертывания текста в плане речевого времени являются:

отношения последовательности фаз оценки («сначала» – водителю слепымъ, «затем» - одеже нагымъ, «потом» - старости жъзле);

отношения перечисления фактов действий, фаз отрицания и утверждения («во-первых» - кто вься исправить – *никто*, «во-вторых» - къто – не почюдить ся - «все», «в-третьих» - къто – не съмерить ся – «все»);

отношения уточнения «общее - частное» («общее» - не въсхоте славы *мира* сего, «частное» - не въсхоте величия *въ житии* семь).

Фактор тематической модификации синтагмы

Данный фактор проявляется в том, что семантические «разрезы» несимметрично распределены в соответствии с темой и ремой синтагм.

В теме синтагм концентрируется основное количество способов организации семантического пространства (семантических «фокусов»):

аксиоцентрический (одеже нагымъ – *не въсхоте* – «положительная оценка»);

логоцентрический (кто – вься *исправить* – «имплицитное отрицание: никто», къто – *не съмерить ся* – «имплицитное утверждение: все»);

фактоцентрический (*како* – *не въсхоте* славы *мира* – «факт действия: это было»).

В реме синтагм явно обнаруживается лишь один семантический «разрез» - темпоцентрический (*не въсхоте* славы *мира* – сего – «ты не

захотел славы сейчас, в этой жизни на земле»; *не въсхоте* величия въ житии – семь – «ты не захотел власти сейчас, в этой жизни на земле»).

Фазы указанных семантических «разрезов» организуются в вертикали текста в соответствии с имплицитными модусами речевого времени – модусами последовательности «сначала – затем – потом», модусами перечисления «во-первых – во-вторых – в-третьих», модусами уточнения по линии «общее – частное».

Фактор сходного означивания

Данный фактор проявляется в том, что на основе центрации речевого пространства, неекторности речевого времени, формирования семантических «разрезов», тематической модификации синтагмы в словесных рядах текста обнаруживаются речевые серии релятивов и речевые серии полнозначных синтаксисом их речевого окружения со сходным означиванием.

Речевыми в тексте являются:

серия полнозначных слов вторичного номинирования – аллегорий *водителю слепымъ – одеже нагымъ – старости жьзле* (сходное в означивании – семантика положительной оценки);

серия релятивов *кто – кѣто – кѣто* (сходное в означивании – имплицитная семантика отрицания и утверждения), а также их речевое окружение – серия полнозначных синтаксисом *исправить – почюдить ся – съмерить ся* (сходное в означивании – семантика активности, центростремительности и субъектной версионности действий);

серия релятивов *како – како – како* (сходное в означивании – семантика исчисления фактов действий), а также их речевое окружение – серия полнозначных синтаксисом *въсхоте – въсхоте – въсхоте* (сходное в означивании – семантика активности, центростремительности и субъектной версионности действий);

релятивы *сего – въ семь* (сходное в означивании – семантика настоящего времени «сейчас»), а также их речевое окружение – полнозначные синтаксисомы *мира – житии* (сходное в означивании – семантика инактивности).

В группе синтагм элементы серий характеризуются сходным означиванием, выступают уже и фактом речи и важны для текстообразования. Речевое в тексте связано с однородной системной вертикалью, языковое – с разнородной структурной горизонталью.

Принципы речевой системности текста

Принцип нейтрализации локальных значений релятивов темпоральными

Например, под влиянием текста у разноразрядных местоимений *кѣто*, *сего* этимон «здесь» (**тъ**: в.-луж. **tón** – «этот») может нейтрализоваться семантикой «тогда», что подчеркивается глаголами будущего времени (кто – «тогда, в будущем» - исправить).

У местоимения *сего* этимон «здесь» (лат. **се** – «тут») может нейтрализоваться семантикой «тогда», что подчеркивается глаголами прошедшего времени (не *въсхоте* – «тогда, в прошлом» - *сего*).

В связи с этим между разными сериями релятивов на основе разных степеней нейтрализованности конкретных локальных значений абстрактными темпоральными выявляются речевые системные отношения функциональной иерархии (результат процесса системообразования в речи – уровень, отношения, функции).

Принцип нейтрализации разных смыслов единым содержательным «мотивом»

В частности, под влиянием текста смысловая нетождественность сочетаний *водителю слепымъ – одеже нагымъ – старости жьзле* из-за представленности в них разных лиц (*слепые, нагие, старые*) нейтрализуется на речевом уровне выполнением ими роли обозначений *аксиоцентрического* семантического «разреза».

Смысловая нетождественность слов *кто – кѣто – кѣто* из-за отнесенности их к разным лицам (неопределенному «никто» и обобщенному «все») нейтрализуется на речевом уровне выполнением ими роли обнаружений *логоцентрического* семантического «разреза».

Смысловая нетождественность слов *сего – въ семь* из-за отнесенности их к разным денотатам («миру», «жизни») нейтрализуется на речевом уровне выполнением ими роли обнаружений *темпоцентрического* семантического «разреза».

В связи с этим между элементами одной серии релятивов и полнозначными словами *водителю слепымъ* и др., *кѣто* и др., *сего* и др. выявляются речевые системные отношения функционально-речевой синонимии (результат процесса системообразования в речи – уровень, отношения, функции).

Принцип нейтрализации языковых значений полнозначных слов речевыми релятивными значениями

Например, серия *кѣто* и др., выражающая логоцентрический семантический «разрез» отрицания и утверждения, индуцируется речевым классом слов *въся – не почюдить ся – не съмерить ся*, элементы которого объединяются благодаря нейтрализации их языковых параметров речевыми релятивными значениями *активности, центростремительности и субъектной версионности* действий.

Серия *како* и др., обозначающая фактоцентрический семантический «разрез», индуцируется речевым классом слов *не въсхоте – не въсхоте – не въсхоте*, элементы которого объединяются в силу нейтрализации их языковых примет речевыми релятивными значениями *активности, центростремительности и субъектной версионности* действий.

Серия *сего* и др., выражающая темпоцентрический семантический «разрез», индуцируется речевым классом слов *мира - житии*, элементы которого объединяются по причине нейтрализации их языковых свойств речевым релятивным значением *инактивности*.

В связи с этим между элементами одной серии однозначных слов (речевого класса как объединения синтаксисом разной лексической семантики, разных грамматических признаков и разных частей речи) выявляются речевые системные отношения нейтрализации (результат процесса системообразования в речи – уровень, отношения, функции).

Принцип нейтрализации языкового различительного означивания сходным речевым

У принципа нейтрализации языковых значимостей, отделяющих одно слово от других, речевыми значимостями, уподобляющими одно слово другим, два проявления. С одной стороны, разные слова могут выполнять одну и ту же речевую функцию, что приводит, как уже говорилось, к одному результату – к речевым системным отношениям функционально-речевой синонимии.

В частности, языковое различительное означивание междометием *увы* (категориальное языковое значение – выражение эмоций и чувств), существительными *водителю – одежде – старости – жэзле* (категориальное языковое значение – предметность), прилагательными *слепымъ – нагымъ* (категориальное языковое значение – признак) и страдательным причастием *наказанымъ* (категориальное языковое значение – признак по действию) нейтрализуется в речи выполнением ими одной и той же речевой функции – функции обозначений *аксиоцентризации* семантического пространства в вариантах отрицательной и положительной оценки.

Языковое различительное означивание местоимениями *сего – въ семь* (языковые параметры *сего*: м.р., ед.ч., Род. пад.; языковые параметры *въ семь*: ср.р., ед.ч., Местн. пад.) нейтрализуется в речи выполнением ими одной и той же речевой функции – функции выражения *темпоцентризации* семантического пространства.

С другой стороны, одно и то же слово может выполнять разные речевые функции, что вызывает системообразующее явление полифункциональности слова в речи, которое приводит к другим системным речевым отношениям – отношениям пересечения, объединения, дополнения.

Например, элемент серии *къто* и др. (языковые параметры: категориальное значение – указание на предметность, функция – *подлежащее*) выполняет следующие речевые функции:

выражает *логоцентризацию* семантического пространства значением отрицания (кто – «никто» – *всья исправить*) и утверждения (къто – «все» – *ли не съмерить ся*);

близкодействие объекта в пространстве «здесь» (къто – «здесь» – *не почюдить ся*);

далекодействие объекта в пространстве (къто – «там» – *ли не съмерить ся*);

прямонаправленное указание на «неизвестное» (кто → *исправить* – «никто»);

ментальность как память читателя о референциальном денотате именно этого релятива (кѣто – предполагаем, что это неверующие, которые смирением князя Бориса могут приобщиться к вере);

невекторное время в модусах «сначала – затем - потом».

Элемент серии *како* и др. (языковые параметры: категориальное значение – указание на признак признака, функция - *подчинение*) выполняет следующие речевые функции:

обозначает *фактоцентрацию* семантического пространства значением факта действия «это было» (како – не въсхоте – «это было» - славы);

даледействие объекта в пространстве «там» (како – «там» - не въсхоте веселити ся);

обратнонаправленное указание на «известное» (къняже ← како – не въсхоте величия);

ментальность как память читателя о референциальном денотате именно этого релятива (како – вспоминаем, что это обоснование гибели лица его нежеланием земных благ);

реальность семантического пространства как исчисленность фактов действий («во-первых» - како – не въсхоте славы, «во-вторых» - како – не въсхоте веселити ся, «в-третьих» - како – не въсхоте величия);

невекторное время в модусах «сначала – затем - потом».

В связи с явлением полифункциональности на уровне слова и с возможностью слова входить в разные серии между сериями релятивов и однозначных слов обнаруживаются речевые системные отношения пересечения, объединения, дополнения (результат процесса системообразования в речи – уровень, отношения, функции).

Итак, факторами семиотического аспекта речи и ее системообразования, судя по тексту «Плач слуг князя Святополка», являются:

- а) центрация речевого пространства;
- б) не векторность речевого времени;
- в) формирование семантического «разреза»;
- г) тематическая модификация синтагмы;
- д) сходное означивание.

Принципами семиотического аспекта речи и ее системообразования, судя по тексту «Плач слуг князя Святополка», являются:

- а) нейтрализация локальных значений релятивов темпоральными,
- б) нейтрализация разных смыслов единым содержательным «мотивом»;
- в) нейтрализация языковых значений однозначных слов речевыми релятивными значениями;

г) нейтрализация языкового различительного означивания, языковых значимостей, сходным речевым, речевыми значимостями – это основной принцип (закон) речеобразования и системного аспекта речи.

Речевая системность именно текста «Плач слуг князя Святополка» в семиотическом аспекте выявляется через семантико-структурные модели его строения – аксиоцентрическую, логоцентрическую, фактоцентрическую и темпоцентрическую.

Система речи текста «Плач слуг князя Святополка» в сравнении с другими текстами в семиотическом аспекте выявляется через:

а) структуру – уровни речи (межжанровый – уровень разных серий релятивов, внутрижанровый – уровень одной серии релятивов, внутритекстовый – уровень одной серии однозначных слов, словесный – уровень полифункциональной синтаксемы);

б) отношения единиц речи (функциональная иерархия – отношения 1 уровня, функционально-речевая синонимия – отношения 2 уровня, нейтрализация – отношения 3 уровня, пересечение, объединение, дополнение – отношения 4 уровня);

в) функции речи (сопряжения коммуникативных речемыслительных действий отправителя и адресата сообщения через семантико-структурные модели текста как его знаковые основы – аксиоцентрическую, фактоцентрическую, логоцентрическую, темпоцентрическую).

Одним из показателей речевой системности текста «Плач слуг князя Святополка» является *закрепленность* за ним *жанровомаркирующего*, судя и по третьему тексту, *аксиоцентрического* способа организации семантического пространства (аксиоцентрической модели отрицательной оценки как знаковой основы текста).

Анализ древнерусского материала показывает, что онтогенез текста повторяет многие этапы филогенеза речи. Из содержательных категорий большие текстообразующие возможности у пространства, меньшие у времени. Пространство древнее времени.

Если взять имена и глаголы, то в текстообразовании участвуют прежде всего имена. Они древнее глагола. Имена проецируются на текст по значениям активности-инактивности. Они древнее и шире одушевленности-неодушевленности, рода и числа. Из синтаксемных признаков имен больший текстовый потенциал у косвенных падежей в сравнении с именительным, а из косвенных – у родительного и винительного. Эти падежи по форме древнее именительного.

Глаголы проецируются на текст больше по значению центростремительности и субъектной версионности действий, меньше по семантике центробежности и объектной версии действий. Эти показатели глаголов древнее и шире переходности-непереходности. Из синтаксемных признаков глагола большие текстообразующие потенции у 1-го и 2-го лица. Третье лицо в этом плане не активно. Это не лицо, а указание.

Если обратиться к предикативности, то из ее составляющих большие текстообразующие возможности у модальности. Лицо, особенно 3-е, и время, особенно прошедшее и будущее, слабо семантически реализованы в тексте. Из синтаксических единиц текстообразующий потенциал – за синтагмой.

В синтагме реализуется прежде всего левая компонента (тема). Тут зона поиска, вариативного, маркировки жанра. В правой компоненте синтагмы (реме) обычно фактоцентризация, антропоцентризация.

Исторически речевая системность заметна в преобладании семантико-структурных механизмов текстообразования произведений разных эпох.

Думается, что у системы речи более широкий исторический «шаг» в сравнении с системой языка. В обозримом прошлом просматриваются три реализации последней, а именно: древнерусская, старорусская и национальная русская. Механизмы же формирования системности речи оказались устойчивыми по меньшей мере на протяжении десяти веков.

Бенвенист Э. Семиология языка / Э. Бенвенист // Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.

Лотман Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – Санкт-Петербург: Искусство СПб, 2001.

Степанов Ю.С. Семиотика / Ю.С. Степанов. – М.: Наука, 1971.

Припадчев А.А. Текст как поле взаимодействия системы языка и речи / А.А. Припадчев // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2006, №1.

Припадчев А.А. Теоретические основы исследования речевой системности текста / А.А. Припадчев // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2006, № 2.

Припадчев А.А. Системный аспект речи / А.А. Припадчев // Идеи Фердинанда де Соссюра в современной лингвистике. Воронеж: НПП ВГУ, 2007.

Соссюр Ф. Труды по языкознанию / Ф де Соссюр. – М.: Прогресс, 1977.

О.В.Скуридина

Современные направления исследования вербальной коммуникации

За последнее время изучение вербальной коммуникации претерпело глубокие изменения. Традиционно объектом изучения были лексические средства письменной коммуникации. В настоящее время исследуется коммуникация устная, или коммуникация средствами звучащей речи. «Традиционный формально грамматический подход сменился более широким подходом, принимающим во внимание социо-, психо- и нейролингвистические факторы в дополнение к чисто лингвистическому. Более того, в настоящее время центр исследований сместился с проблем чисто лингвистического описания высказывания к проблемам описания и интерпретации всего процесса речевой коммуникации в целом» (Потапова 1990).

Система человеческого общения – это сложная целостность, включающая вербальный и невербальный каналы коммуникации. Причем в разных ситуациях общения эти каналы взаимодействуют различным образом (Потапова 1990: 92).

Сознание необходимости включения в той или иной форме в сферу лингвистического исследования факторов, непосредственно

сопровождающих речь (звуковые средства, мимика и жесты), в современном языкознании было сформулировано еще в «Тезисах Пражского лингвистического кружка» (ПЛК 1967). Теоретически мыслимая речевая коммуникация в «стерильных» условиях сопряжена с экспликацией чисто логического языка, где однозначность структуры строго определяет характер информации независимо от любых условий общения. Полное же изучение процессов вербальной передачи информации всегда должно опираться как на лингвистические, так и на нелингвистические (пара- и экстралингвистические факторы) (Потапова 1990). В связи с этим актуальным представляется изучение способов включения паралингвистических средств в процесс вербальной коммуникации или разработка механизмов супrasegmentных средств.

В реальной ситуации человек окрашивает свою речь в связи со своим эмоциональным состоянием. «**Эмоции** - ... повседневный спутник человека, оказывающий постоянное влияние на все его дела и мысли» (Рейковская 1976). По П.В. Симонову, «**эмоция**» есть отражение мозгом человека и животных какой-либо актуальной потребности (ее качества и величины) и вероятности (возможности) ее удовлетворения, которую мозг оценивает на основе генетического и ранее приобретенного индивидуального опыта (Симонов, 1966). Эмоциональных состояний может быть выделено почти неограниченно много. Попытки классифицировать эмоциональные состояния, переживания и чувства предпринимались неоднократно. Однако, как правильно указывает П.В.Симонов, ни одна из предложенных когда-либо классификаций не получила широкого распространения.

Проводя классификацию эмоциональных состояний, Б.И. Додонов утверждал, что эмоции уже определенным образом смоделированы и классифицированы в самом языке, которым мы пользуемся (Додонов 1987).

Проблема эмоций в разных отраслях исследовались по-разному.

Эмоции различаются:

- по модальности: 1) радость, 2) горе, 3) гнев, страх;
- по силе и интенсивности их влияния на поведение человека;
- продолжительности;
- глубине;
- осознанности;
- генетическому происхождению;
- сложности;
- условиям возникновения;
- выполняемым функциям;
- воздействию на организм (стенические, астенические);
- форме своего развития;
- по психическим процессам, с которыми они связаны;
- потребностям;
- по предметному содержанию и направленности и др.

Существующие классификационные схемы различаются соотношением своей теоретической и эмпирической обоснованности.

Эмпирические классификационные схемы иногда не имеют единого основания, заменяя его перечислением специфических отличий выделяемых классов или состояний. Такие схемы являются скорее попытками систематического описания, чем собственно классификацией эмоций (Вилюнас 1976: 20). Примером эмпирической классификации может служить различие десяти «фундаментальных эмоций, выделенных на основе комплексного критерия, охватывающего их нервный субстрат, экспрессию и субъективное качество (Изард 1980: 83).

Кроме того, можно выделить классификационные схемы, опирающиеся на представление о генетическом развитии и взаимодействии эмоций. Таким схемам свойственно стремление указать некоторое число базовых исходных эмоций и далее проследивать одно за другим условия и закономерности, по которым развиваются те или иные их сочетания и разновидности (Вилюнас 1976: 21). По мнению Джона Уотсона, эмоции представляют собой специфический вид реакций, проявляющихся в трех основных формах: страха, ярости и любви». Производными эмоциональными категориями прогрессивной зоны умеренной субъективной ценности можно считать радость, веселье, восторг, ликование, бодрость, уверенность и т.п.

Структура эмоций может быть весьма сложной, и это неотделимо от познавательного опыта личности. Прогрессивно развивающиеся эмоции дают гамму чувств и волеизъявлений, во внешних проявлениях которых первостепенное значение имеют нарастающие по интенсивности семантические реакции.

Например, радость – положительное эмоциональное состояние, связанное с возможностью достаточно полно удовлетворить актуальную потребность, вероятность чего до этого момента была не велика или не определена. «Радость как эмоциональное переживание всегда тождественна сама себе и может быть противопоставлена грусти, гневу, боязни и т.п., но рассматриваемая вместе с предметным содержанием она может объединяться с грустью в разряд, например, этических эмоций и противопоставляться радости как эстетической или родительской эмоции (Вилюнас 1976: 21).

Эмоции любой модальности выражаются комплексами эмоционально-выразительных паралингвистических проявлений: мимических, жестикулярных, интонационных, пантомимических (Винарская 2003:28). Паралингвистическая кинесика (мимика, жесты) также может рассматриваться как составляющая компонента вербальной коммуникации. Паралингвистическая кинесика, являясь некоторой семиотической подсистемой поведения человека со своими специфическими признаками, непосредственно и опосредованно связана с языковой структурой.

Преобладание у человека вербального выражения эмоций связано с особым значением членораздельного языка. Эмоции (изумление, восторг и т.п.) могут быть выражены словами посредством коротких восклицаний и более развернутых высказываний. Выражение эмоций может проявляться в эмоциональной окраске речи. В этом случае речь пестрит словами, оборотами, фразами, имеющими эмоциональную нагрузку (Рейковская 1976:159). Под эмоциональной нагрузкой понимаются те свойства языковых единиц, благодаря которым они выражают и вызывают эмоции.

Известно, что эмоциональные состояния выражаются единицами различных уровней: лексического, грамматического, синтаксического и других. Но прежде всего эмоциональные переживания выражаются средствами, звучащей речи, в том числе, единицами супrasegmentального уровня языка. «Любую эмоцию можно выразить, используя свойства человеческого голоса», считает Э.А. Нушикян (1986: 49).

Е.Н. Винарская считает, что единой концепции эмоциональности нужен междисциплинарный подход. При этом должны быть учтены следующие факторы:

- факторы состояния человека;
- системное понимание эмоции;
- системное изучение средств выражения эмоциональности.

Как указывает В.К.Журавлёв, уже в лингвистике Н.С.Трубецкого просматривается стремление вскрывать механизмы связанности системы в нечто целое. ... Лишь став вполне самостоятельной дисциплиной, фонология смогла оказать революционирующее влияние на многие области знания (Журавлев 1993: 172).

Новая концепция фонологических исследований (Черкасов 1996) дает возможность предполагать развитие достаточно новой стадии в фонологии – системной фонологии. Системная фонология достаточно четко отличается от других направлений фонологии, в частности от функциональной. Звуки, не образующие оппозицию, рассматриваются в системной фонологии с учетом определения их связей со значением морфемы. При этом могут обнаруживаться новые явления, скрытые при функционально-фонологическом подходе.

Как показывает анализ, в лингвистической литературе полностью отсутствует системное эмпирическое изложение коннотации средствами произносительной паралингвистики, нет исследований, в которых разрабатывалась бы теория коннотации для практических потребностей.

Если рассматривать сегментные особенности, связанные с паралингвистикой, то можно предположить, что речевые фонация и артикуляция также дифференцируются в функциональном аспекте. В данном случае особая роль принадлежит сегментному тембру, коррелирующему со спектральной структурой звуковых сегментов.

Ведущим произносительным паралингвистическим средством для выражения коннотативных значений выступает просодическая организация речевого высказывания.

Паралингвистическую вариативность речевого высказывания можно рассматривать как функцию концептуальной установки говорящего.

Произносительные паралингвистические средства тесно связаны с эффектом воздействия речевого сообщения, с так называемой прагмафонетикой (Потапов 1990).

Воздействие звучащего текста находится в прямой зависимости от использования арсенала всех уровней языка, которые формируют прагматическую структуру текста и образуют функционально-семантическое поле воздействия. Воздействующая информация экспрессивно окрашена и условно распадается на эмоциональную, оценочную и рациональную.

Лингвистические средства выступают в комбинаторике с паралингвистическими, которые берут на себя коннотативную функцию.

На сегодняшний день еще недостаточно исследованы принципы взаимодействия интра- и интерпаралингвистических средств при формировании коннотативных значений речевого высказывания.

Для теории и практики лингвистики значительным представляется исследование способа включения паралингвистических средств в процессе вербальной коммуникации. Основная задача исследования (Потапов 1997а) заключалась в выявлении и определении специфики паралингвистических (произносительных и кинетических) средств передачи коннотативных значений устного речевого сообщения.

Как уже указывалось, эмоциональные переживания выражаются средствами звучащей речи, в том числе единицами супraseгментного уровня языка. Очевидным является тот факт, что при восприятии эмоционально окрашенной речи человека важную роль играют интонация и мелодика, являющаяся важными компонентами звучащей фразы.

Одним из основных средств передачи эмоционального значения является интонация. Она играет важную роль в процессе коммуникации. С ее помощью передается множество оттенков того или иного языка.

Что касается мелодики, то таковая является важнейшим компонентом интонации и представляет собой движение основного тона голоса. Мелодика может выполнять различные функции в выражении эмоционального состояния говорящего или собеседника, находящего отражение в речевых действиях, может влиять на структуру диалога и на направление его развертывания.

Ритм определяется как некая периодичность. Периодичности противопоставляется аритмичность. «Ритмичность и аритмичность противопоставлены, но в то же время образуют единство, не могут существовать друг без друга. Оба явления взаимопроникающи (Антипова 1984:14). Все многообразие ритмов можно свести к следующим основным типам: механическому, биологическому, социальному, художественному и речевому (Антипова 1984:14). Между всеми типами ритма существует взаимосвязь.

Наблюдения Е.Н. Винарской за речью людей дают основание полагать, что существуют программы ритмических структур. В языках с акцентной ритмической структурой существует программа на уровне ритмических групп. Многочисленные исследования, связанные с изучением темпоральных характеристик речи, дают основания полагать, что человек обладает четким внутренним стандартом для темпа и способен удерживать его независимо от внешних заданных стандартов. Темпоральный стандарт служит своеобразным фоном, на котором разворачивается все многообразие речевых форм различных языков мира. Э. Леннеберг называет эту темпоральную закономерность основным речевым ритмом.

Анализируя такие эмоциональные состояния, как **ярость, страх, радость, тоска, тревога**, по параметру «громкость», можно сделать вывод, что контрастно протипоставлены по данному параметру крайние члены ряда: **ярость-тоска**.

Оценивая данный ранговый ряд по темповым характеристикам, можно прийти к выводу, что наиболее четко противопоставлены не отдельные эмоциональные состояния, а две группы эмоциональных состояний:

- 1) **ярость, страх, тревога;**
- 2) **радость и тоска.**

Первая группа характеризуется быстрым темпом, вторая – замедленным. По оценке высоты основного тона:

- 1) **ярость, страх, тревога;**
- 2) **радость и тоска**

первая группа коннотативных эмотивных значений характеризуется широким высотным диапазоном, вторая – средним и в отдельных случаях узким.

По оценке уровня высоты основного тона в анализируемых экспериментальных стимулах-фразах коннотативные эмотивные значения можно разбить на три группы:

- 1) **ярость**, характеризующаяся высоким высотным уровнем;
- 2) **радость, страх, тревога**, имеющие, по оценкам auditors, в одних случаях высокий, в других – средний высотный уровень;
- 3) **тоска** – состояние, характеризующееся низким или средним высотным уровнем.

Сопоставление фраз, произнесенных с эмотивной коннотацией **ярость, страх, тревога, радость, тоска** с учетом параметра «количество выделенных слогов» показало, что наиболее последовательно в односинтагменных фразах выделяется слог – носитель фразового ударения, а в двусинтагменных – слог-носитель синтагматического ударения во второй синтагме.

Фразы, произнесенные в состоянии страха и ярости, в целом ряде случаев характеризуются наличием дополнительно выделенных безударных слогов: заударных и преударных. В других эмоциональных состояниях выделение безударных слогов не отмечалось. Для состояний **радость** и особенно **тоска**, характерно еще более дробное деление на

минимальные синтагмы по сравнению с остальными эмоциональными состояниями.

Сопоставление фраз, произнесенных в различных эмоциональных состояниях, показывает, что высотный компонент выделенности не выступает в качестве ведущего ни в одном из эмоциональных состояний.

Компонент «напряженность» («громкость») наиболее ярко выступает в качестве ведущего для эмоционального состояния *ярость*, образующего все реализации второй группы. Компонент «длительность» наиболее последовательно характеризует слоги фраз, произнесенных с коннотацией *тоска*. Для слогов с фразовым ударением, произнесенных с коннотацией *радость*, характерна в первую очередь выделенность по длительности, а во вторую – по напряженности (громкости).

Одновременное участие двух компонентов выделенности (длительности и напряженности) отмечается также во фразах, произнесенных с коннотацией *тревога*. В данном случае ведущее место занимает параметр «напряженность».

В выделении слогов-фраз, произнесенных с коннотацией *страх*, участвуют все три компонента выделенности, причем наиболее часто ведущей оказывается напряженность, второе ранговое место занимает высотный компонент и третье – длительность.

Противопоставленным по данному параметру эмоциональным состоянием оказалось только состояние *ярость*. В выделенных слогах фраз часто отмечались в качестве выделенного сегмента как слогиноситель, так и весь слог.

Таким образом, речевая деятельность – один из сложнейших видов деятельности человека. Только комплексный подход к изучаемому объекту с учетом всех его связей может продвинуть вперед наши знания и представления об этом объекте.

-
- Антипова А.М. Неречевые формы ритма. - М., 1984.
 Вилюнас В.К. Основные проблемы психологической теории эмоций. Москва. 1976.
 Винарская Е.Н. Выразительные средства текста.- Воронеж: Изд-во ВГУ, 2003.
 Додонов Б.И. В мире эмоций. – Киев, 1987.
 Журавлёв В.К. Н.С.Трубецкой и современная филология.- М., 1993.
 Изард К.Е. Эмоции человека. - М., 1980.
 Нушикян Э.А. Типология интонации эмоциональной речи. – Киев, 1986.
 ПЛК 1967. - М., 1967.
 Потапова Р.К., Потапов В.В. Язык, речь, личность. - М., 2006.
 Рейковская Я. Экспериментальная психология эмоций. - М., 1976.
 Симонов П.В. Что такое эмоция. - М., 1966.
 Черкасов Л.Н. Теория лингвистических систем и системная фонология. – Ярославль, 1996.

К вопросу о типах концептов в художественной концептосфере

Как известно, национальная картина мира – это целостная модель, свойственная определенному типу культуры, некий инвариант, проявляющий себя через варианты: научную, религиозную, художественную и т. д. картины мира. Существенную грань концептуального образа действительности составляет наряду с научной, социальной и психологической картинами художественная картина мира. А. Б. Мигдал определяет художественную картину мира как некое единство на основе создания ее средствами различных искусств (Мигдал 1986: 18). В литературе художественная картина мира запечатлена в текстах.

Анализ корпуса художественных текстов русской литературы позволяет утверждать, что в них репрезентируется особого рода концептосфера, включающая несколько типов концептов, всю совокупность которых следует прежде всего разделить на две группы: а) национальные и б) индивидуально-авторские. Концепты обоих типов выполняют в художественной концептосфере определённое назначение и могут выступать в нескольких разновидностях. Так, *национальные* концепты можно в свою очередь разделить на *немодифицированные* и *модифицированные*.

Немодифицированные национальные концепты составляют базовую часть художественной концептосферы. Важно отметить, что набор концептов указанного типа, репрезентируемый в рамках того или иного художественного текста, не является случайным, поскольку обусловлен релевантностью в отражении авторского мировосприятия и максимальным соответствием прагматическим задачам. Например, для Л.Н.Толстого с его пристальным вниманием к «диалектике души» чрезвычайно актуальным является включение в концептосферу произведения концептов, воплощающих эмоциональное состояние человека (и его динамику). Причем каждый герой связан с определенной группой концептов, репрезентируемых определенными лексическими единицами. Так, в романе «Анна Каренина» при сопоставительном анализе лексической структуры образов выявляется, что для выражения эмоционального состояния Анны Л.Н.Толстой использует 40 глаголов, называющих чувства, а для характеристики Каренина – всего 4.

Помимо немодифицированных национальных концептов художественная концептосфера включает и *концепты, подвергшиеся авторской модификации* в соответствии со спецификой творческой интерпретации объективного мира и художественными задачами каждого из художников слова. Подобные модификации выявляются посредством анализа

семантической структуры репрезентирующих данный концепт лексических единиц.

Стало уже общепризнанным положение о том, что путь к выявлению структуры концепта лежит через выявление семантики выражающих его лексем. Концепт имеет слои, лексемы имеют семемы. Концепт содержит концептуальные признаки, семемы – семантические признаки (семы). Полисемичное слово репрезентирует один многослойный концепт. Поэтому анализ семантики – это путь к выявлению когнитивных структур.

На основе семантико-когнитивного анализа лексем-репрезентантов, можно выделить следующие типы модификации национального концепта в художественной концептосфере.

1. Используя национальный концепт, автор акцентирует, выдвигает на первый план определенные признаки данного концепта, что при их лексической репрезентации делает возможным возникновение таких явлений, как контекстуальная синонимия и антонимия. Например: «Есть, есть еще выход... *Затеряться* среди людей, *раствориться* в них, *исчезнуть* ... *уподобиться*, *сравняться*...» - чем больше находил он смирения в глаголе, тем больше он устраивал его (А.Битов).

В приведённом примере выделенные курсивом глаголы объединяет значение «стать незаметным», актуализированное в данном контексте. При этом семантические признаки, различающие глагольные лексемы, затушёвываются, отходят на второй план, что позволяет рассматривать представленные лексические единицы как контекстуальные синонимы.

Подобным образом возникает и контекстуальная антонимия. Появление контекстуальных антонимов является следствием не закреплённого общенародным употреблением индивидуально-авторского использования того или иного слова. Такого рода антонимы выражают не полярную противоположность референтов, а всего лишь релевантное для определенной речевой ситуации противопоставление. Например:

Возникают, стираются лица,
Мил сегодня, а завтра далек... (А.Ахматова).

Языковым антонимом глагола *возникать* является глагол *исчезать*, а глагол *стираться* не имеет в системе языка полярно противопоставленной ему лексической единицы. Но в данном контексте стало возможным их противопоставление по семам «появляться / исчезать».

Возникновение контекстуальных синонимов и антонимов становится возможным потому, что нерелевантные для данной ситуации концептуальные признаки репрезентируемых этими лексемами концептов нейтрализуются, а на первый план выходят и вступают в отношения сходства или противоположности наиболее значимые для картины мира художника признаки единиц национальной концептосферы.

2. В случае, когда концепт национальной концептосферы имеет сложную, многослойную структуру и репрезентируется в языке полисемичным словом, автор может особым, только ему присущим

способом совмещать, комбинировать признаки такого многослойного концепта. В качестве примера можно привести строки Б.Л. Пастернака, обращенные к замечательной актрисе Алле Тарасовой:

*Сколько надо отваги, / Чтоб **играть** на века, / Как **играют** овраги, / Как **играет** река. // Как **играют** алмазы, / Как **играет** вино, / Как **играть** без отказа / Иногда суждено.*

В данном контексте реализованы следующие семемы глагола *играть*: 1. участвовать в сценическом представлении, выступать на сцене; 2. забавляться, резвиться, развлекаться; 3. переливаться разными цветами; 4. пениться, кипеть, искриться (о вине и шипучих напитках). Сопоставляя разные лексико-семантические варианты одного глагола, автор достигает эффекта совмещения наиболее важных сем каждого из представленных значений в семеме, обозначающей артистическую деятельность, давая яркое и многогранное представление об удивительном даровании актрисы.

Подобное столкновение в одном контексте лексико-семантических вариантов одной лексемы, обусловлено тем, что репрезентируемый данной глагольной лексемой концепт, актуализируясь в сознании художника, предстает комплексно и динамично, высвечивается одновременно несколькими своими гранями, уровнями, слоями. Специфика их соотношения между собой, как и наличие специфических концептуальных признаков, определяется индивидуальной картиной мира данного автора, отличительными особенностями его индивидуальной концептосферы.

3. Модификация национального концепта в рамках художественной концептосферы может быть осуществлена посредством включения в его структуру индивидуально-авторских концептуальных признаков. Например, в лирике С.Есенина семантика авторского образа вбирает в себя семантику соответствующего общенародного наименования и обогащается дополнительными индивидуально-авторскими коннотациями. Так, концепт, репрезентируемый словом «клен», включает признаки национального концепта, представленные в словарной дефиниции (клен – дерево с широкими, у большинства видов фигурными листьями), а также индивидуально-авторские концептуальные признаки «подобный мужчине», подобный коню или жеребенку»: «Где-то на поляне *клён танцует пьяный*», «Как будто бы *на корточки погреться / Присел наш клён* перед костром зари», «*Кленёночек маленький матке / Зеленое вымя сосет*».

4. Индивидуально-авторское совмещение двух национальных концептов в художественном сознании, может стать источником создания художественной метафоры. Поэтому концептосфера художественного текста включает авторские концепты-метафоры, образованные посредством совмещения концептуальных признаков двух концептов в одной, вновь сконструированной индивидуально-авторским сознанием оперативной единице или когнитивной структуре. Например: «*Я клавишей*

стаю кормил с руки...» (Б.Пастернак). В сознании автора произошло совмещение таких признаков, общих для национальных концептов, выражающихся лексемами *клавиши* и *стая* (*птиц*), как «чередование чёрного и белого», «множество», «звук».

Вероятно, метафорические концепты, хотя они и создаются на основе национальных, следует всё-таки отнести к индивидуально-авторским, поскольку данные ментальные образования сугубо специфичны и формируются только в художественном сознании определённой языковой личности.

Помимо метафоры, индивидуально-авторские концепты, то есть такие, для которых нет наименования в национальном языке, могут репрезентироваться: а) описательно, б) при помощи индивидуально-авторского неологизма.

В качестве примера использования описательного способа для репрезентации индивидуально-авторского концепта можно привести контексты из романа Л.Н.Толстого «Анна Каренина», где автор неоднократно прибегает к раскрытию сложных чувств своих героев способом развернутого описания. Вот несколько примеров:

«...он (Вронский) ...испытал неприятное чувство, подобное тому, какое испытал бы человек, мучимый жаждой и добравшийся до источника и находящий в этом источнике собаку, овцу или свинью, которая выпила и возмутила воду».

«Теперь он (Каренин) испытывал чувство, подобное тому, какое испытал бы человек, спокойно прошедший над пропастью по мосту и вдруг увидавший, что этот мост разобран и что там пучина».

«Присутствие этого ребенка вызывало во Вронском и в Анне чувство, подобное чувству мореплавателя, видящего по компасу, что направление, по которому он быстро движется, далеко расходится с надлежащим, но что остановить движение не в его силах, что каждая минута удаляет его больше и больше от должного направления и что признаться себе в отступлении – все равно, что признаться в гибели».

Концепты, воплощающие эти чрезвычайно сложные чувства персонажей, не могут быть выражены одной лексемой. На это указывает сам Л.Н.Толстой в следующем примере: «Она (Анна) чувствовала, что в эту минуту не могла выразить словами того чувства стыда, радости и ужаса перед этим вступлением в новую жизнь и не хотела говорить об этом, опошлять это чувство неточными словами».

И так же, как его героиня, не найдя в языке адекватно передающего данный концепт слова, автор прибегает к описанию.

Отсутствие в системе языка лексемы, адекватно репрезентирующей индивидуально-авторский концепт, может быть восполнено посредством лексемы-неологизма. Вот несколько примеров из поэзии И.Северянина.

Уже деревья *скелетеют*.

И румянеют, и желтеют.

Данная лексема выражает такой комплекс смыслов: теряют листья, оголяют ветки, открывая остов, вызывающий ассоциацию со скелетом.

О ты, чье сердце *крылит* к раздолю...

В лексеме совмещены значения: стремиться, лететь, как птица.

Фонтан, лук сабель влажно-певчих,

Ракетит ароматный жемчуг

И рассекает пополам.

Глагол передает значение: с силой выбрасывает вверх, заставляет лететь, как ракету.

Пьют вино, вдыхают лилии,

Цепят звенья пахитос...

Посредством данной лексемы передается значение: курят, выпуская колечки дыма, переплетающиеся между собой, словно цепь.

Опять звенит и *королеет*

Мой стих, хоть он почти старик!

Данный неологизм выражает значение «становиться сильным, могучим, прекрасным».

Кружевеет, розовеет утром лес.

Солнечные лучи, просвечивая сквозь листву, делают ее и отбрасываемую деревьями тень похожей на кружево.

В этих раскидистых кленах

Бурно *бравурит* Весна!

Ярко зеленеют, радостно качаются и шумят под весенним ветром верхушки кленов, радостно и громко, по-весеннему поют птицы.

Эти примеры показывают, что создание окказиональных лексем является чрезвычайно эффективным средством репрезентации индивидуально-авторских концептов.

При анализе драматических и эпических произведений выявляется особый тип художественных концептов, который можно определить как концепт *фасетной* структуры. Специфика такого концепта заключается в том, что он представляет собой макроструктуру (макроконцепт), состоящую из более мелких единиц (микроконцептов), каждая из которых в свою очередь является целостным образованием. Такая структура художественного концепта может быть обусловлена, во-первых, сюжетно-композиционными особенностями произведения. Например, в романе М.Ю.Лермонтова «Герой нашего времени» макроконцепт «Кавказ» в силу специфики композиции произведения, состоящего из пяти глав-повестей, формируется из микроконцептов, репрезентируемых языковыми средствами каждой отдельной главы.

Во-вторых, концепт такого типа может выступать как особая форма авторского сознания. В прозаическом произведении полифонического типа и в драматическом произведении каждый герой (персонаж, включая и рассказчика) представляет собой отдельную личность, воплощающую собственную картину мира. Как соотносится картина мира персонажа с картиной мира автора?

Справедливым представляется мнение А.Б.Удодова, который считает, что в подобных произведениях автор вступает со своими героями в отношения диалога особого рода, каждый по-своему они в чем-то близки автору, но в чем-то чужды, подчас «оппозиционны» ему. Интегрируя в своей позиции эти различные моменты «близости», отталкиваясь от чуждого, автор выступает как организатор хора не слившихся, но и не раздельных голосов.

«Такой хор как единое и множественное целое и есть собственно «голос» самого автора – его точка зрения, его картина мира, ибо полифонизм чаще всего возникает в произведениях с определенно выраженной художественно-философской проблематикой, где ставятся основные вопросы человеческого бытия, на которые как раз и не может быть ответов, представляющих истины в последней инстанции» (Удодов 1990: 27).

Указанная специфика обуславливает тот факт, что в произведениях такого типа художественный концепт часто имеет фасетную структуру, так как формируется из концептов, представленных в индивидуальных сознаниях персонажей. «От автора полифонического романа требуется не отказ от себя и своего сознания, а необычайное расширение, углубление и перестройка этого сознания ... для того, чтобы оно могло вместить полноправные чужие сознания» (Бахтин 1979: 86).

Аналогичное явление наблюдается и в драматическом жанре. Так, применительно к пьесе А.М.Горького «На дне» можно говорить о фасетной структуре ключевого концепта «правда», поскольку он формируется из микроконцептов, представленных в индивидуальных концептосферах персонажей, и в первую очередь – Бубнова, Луки и Сатина. Можно сказать, что каждый из них проповедует свою правду.

По мнению Бубнова, человек слаб и ничтожен и не заслуживает жалости. Поэтому в структуру его индивидуального концепта «правда» входят когнитивные признаки: «правда должна быть безжалостной, человеку надо говорить правду, даже если она убьет его». Ему противостоит мнение Луки: человек слаб и нуждается в жалости и утешении. Соответственно, индивидуальный концепт «правда» в концептосфере этого героя включает когнитивный признак: «жестокую правду человеку говорить нельзя». Для Сатина человек – высшая ценность мира. Сильный, свободный и прекрасный человек не нуждается в утешении. Поэтому он выделяет такой признак указанного концепта, выраженный в метафорической форме: «Правда – бог свободного человека!» Представив разные правды, А.М.Горький не даёт в пьесе однозначного определения признаков данного макроконцепта пьесы, который складывается из микроконцептов отдельных персонажей, то есть имеет фасетную структуру.

Таким образом, анализ практического материала позволяет утверждать, что художественная концептосфера формируется на основе интеграции когнитивных признаков, представленных в индивидуально-авторских

концептосферах художников слова, что обуславливает специфический характер составляющих её концептов по сравнению с национальной концептосферой, представленной в обыденном сознании народа.

Соотношение национальной и художественной концептосфер диалектично, поскольку национальные концепты являются неотъемлемой частью индивидуальной концептосферы, репрезентированной в любом художественном тексте, а когнитивные единицы индивидуально-авторского мировосприятия в свою очередь входят в национальную концептосферу, создавая так называемые фоновые знания данного языкового коллектива.

Бахтин М.М. Эстетика. Словесное творчество. М., 1979.

Мигдал А.Б. Некоторые параллели // Художественное творчество. – Л.: Наука, 1986. – С.18 – 23.

Удодов А.Б. О полифонизме в драме // Филологические науки, 1990, № 6. С. 22 – 30.

Национальная картина мира и её языковая репрезентация

Вахтель Н.М., Хади Али Х.

Стереотипы как компоненты языковой картины мира

Есть в языке любого народа слова и выражения, значения которых закрепляются в процессе речевой практики и становятся стереотипными. Такую закреплённость некоторых черт в обыденных характеристиках каких-либо объектов подтверждают существующие в языках устойчивые обороты, фразеологизмы, пословицы, различные клише и штампы. Они образуют так называемые языковые стереотипы.

Термин «стереотип» (от греч. *твёрдый*) первоначально возник в языке печатников, где он означал копию типографской формы. Позже под стереотипом стали понимать схематичный и односторонний «образ в голове человека» какого-либо явления, предмета – и одновременно мнение о них, усвоенное из окружающей среды ещё до познания самого объекта.

В теории речевой деятельности языковые стереотипы, как правило, оцениваются негативно. Они являются барьером для взаимопонимания, нарушающим нормальную коммуникацию. Действительно, стереотипизация приводит к тому, что мы ошибочно можем приписать человеку несвойственные ему характеристики только по какому-либо аксессуару в его облике. Так, если он в очках – значит, интеллигент.

Основной формой стереотипного мышления являются такие суждения, в которых говорящий неосознанно приписывает какое-либо свойство всем объектам класса, объединяемым с помощью данного названия. Например: собака кусается, англичане сдержанны, мужчины - обманщики, женщины непостоянны. В таких суждениях, семантических стереотипах, присутствует неточная субъективная генерализация. Они оформлены качественными предложениями, где в роли подлежащего выступает слово с показателем всеобщности (все, каждый), а сказуемое имеет характер постоянности, вневременности.

В языковом стереотипе сочетаются обиходные представления о предмете и добавочные лексические значения – коннотации, то есть образуется некий симбиоз энциклопедических коннотаций, вытекающих из знания о мире, и языковых коннотаций, принадлежащих языковому знанию. В результате рождается определённый культурно-языковой образ называемого предмета.

Для исследования языкового стереотипа особую ценность имеют языковые клише, то есть устойчивые и воспроизводимые в актах коммуникации формы. Например, в жанре анекдота постоянно используются стереотипы определённых социальных групп. На их базе создаются собирательные образы (злая тёща, глупый военный или милиционер).

На наличие стереотипа могут указывать следующие языковые явления: способ номинаций предметов и внутренняя форма их названий (немец – немой); отсутствующие в словаре переносные значения слов (обезьяна – человек, строящий какие-либо гримасы); специфические употребления некоторых дериватов (по-армянски – плохо); фразеологизмы (здоровый как конь), а также пословицы, поговорки и афоризмы (француз думает сидя, американец – стоя, а русский – на лестнице).

В данной статье будут рассмотрены образы-прототипы, представленные в компаративных устойчивых оборотах (яркий как солнце, быстрый как огонь, необходимый как воздух и др.). За основу принимается следующее определение языкового стереотипа: это некоторая ментально-языковая структура, репрезентирующая образ, представление, хранящееся в виде клише в сознании человека и его языке, функционирующее как эталон. Так, эталоном трудолюбия является пчела. Этот эталонный образ переносится на человека, отличающегося от других особым трудолюбием (он как пчёлка).

Показателями стереотипизации являются следующие факторы: 1) повторяемость характеристики предмета в различных высказываниях, что можно выявить посредством применения статистических методов; 2) закрепление этой характеристики в языковой системе. Использование статистического критерия показывает прямо пропорциональную зависимость между частотностью употребления и устойчивостью. Чем чаще представленный в компаративной конструкции признак приписывается предмету в спонтанных высказываниях или в ответах на

вопросы анкет в направленном ассоциативном эксперименте, тем выше его устойчивость в коллективном языковом сознании.

Нередко стереотипные сравнения считаются фальсифицированными, нереальными суждениями, поскольку они чрезмерно обобщены и коренятся в подсознании. Они являются не продуктом логического заключения, а результатом опыта, в котором доминирующую роль играют инстинктивные процессы. Однако именно они составляют мир значений. Можно сказать, что стереотипизация – это разновидность мифологического мышления, играющего не самую последнюю роль в общественных отношениях. Совокупность стереотипов представляет собой традицию, передаваемую из поколения в поколение.

Представление о предмете, сформировавшееся в рамках определённого коллективного опыта, воплощено в языке, доступно нам через язык и принадлежит знанию о мире. Через описание и оценку конструируются народные представления как о предметах, так и о самом человеке. В сравнениях не последнюю роль играют символические значения. Под символом мы понимаем такое представление о предмете, которое служит репрезентантом другого представления в рамках более широкого знакового поля. Известно, что народная традиция основана на стереотипах и символах; они закрепляются, фразеологизируются в результате процессов метафоризации и пополняют класс идиоматических выражений.

Идиомы – это семантически неразложимые сочетания слов, составляющие как бы одно слово (глуп как пробка). Это значит, что с точки зрения говорящего объект сравнения характеризуется чрезвычайно лёгкостью. На этом основании говорящий причисляет это обозначение к категории пустоты.

Сравнить – значит создать образ субъекта сравнения путём приписывания ему характерной черты объекта сравнения, руководствуясь выработанными обществом стереотипами. Сравнения экспрессивны, наглядны, образны. Они являются экономным и точным средством, воздействующим на человека, его поведение. Для построения сравнения в акте речи используется образный компонент значения прототипа, что даёт возможность носителю языка пользоваться чисто внешними его признаками, не прибегая к логическому осмыслению субъекта сравнения. Члены компаративного сочетания всегда являются предметами разнородными. Рассмотрим несколько подробнее образы- прототипы элементов Космоса в русских устойчивых сравнениях.

Космос трактуется разговорным языком с позиции «простого» человека и его обыденного сознания как Космос в докоперниковском представлении. Солнце, о котором люди говорят, что оно всходит и заходит, – прежде всего ясное, светлое и яркое, поэтому оно выступает образом-прототипом объекта сравнения *горячий как солнце, красный как солнце*. Звезда в обыденной картине мира прежде всего сияет, отсюда сравнение *глаза как звёзды*. Луна всё ещё воспринимается как далёкий от

Земли элемент Космоса, поэтому о рассеянном человеке говорят: *он как с Луны свалился*.

Огонь, горячий, яркий, светлый, хранит следы древней картины мира, застывшей в выражении: *бояться чего-либо как огня*. Стереотипными признаками огня являются также быстрота и красный цвет, отсюда сравнения: *быстрый как огонь, красный как огонь*. Признаки быстроты и яркого свечения положены в основу сравнения короткой жизни талантливого человека с образом-прототипом такого космического объекта, как комета. Воздух имеет закреплённые стереотипные признаки: необходимость для жизни человека, поэтому кто-то бывает нужен, необходим для человека *как воздух*.

Указанным семантическим стереотипам присущи некоторые общие черты, свидетельствующие о существовании своего рода системы стереотипов. Признаком стереотипов как подкласса понятий является то, что они сочетают в себе описательные характеристики субъекта сравнения с эмоциональными оценками.

Таким образом, человек видит мир сквозь призму языка, с помощью которого интерпретирует действительность. В результате формируется так называемая картина мира, одним из компонентов которой и являются стереотипы. Картина эта состоит из конкретных характеристик предметов, в которых устойчивые представления сочетаются с оценками и фиксируют нормы поведения. Анализ языковых данных позволяет выявить эти представления, установить, каким образом носитель языка интерпретирует облик человека, какие признаки его облика он отмечает, выделяет среди других, с кем или чем их сравнивает.

Е.А.Маклакова

Частотность употребления многозначного слова в тексте как средство разграничения его значений (на материале русского и английского языков)

Многозначность или полисемия слова - это естественное явление, существующее в любом языке, которое может возникнуть вследствие как языковых, так и внеязыковых факторов. Как известно, многозначность отражает асимметрию языкового знака посредством фиксации безграничного человеческого опыта ограниченными языковыми средствами, вследствие чего за одним звуковым комплексом закрепляется несколько значений.

Когнитивная трактовка полисемии позволяет предложить определение этого феномена знака в свете теории категоризации: многозначное слово, аккумулируя в одной звуковой оболочке несколько связанных друг с другом значений, представляет собой микросистемное образование, члены

которого организованы между собой на основе типизированных ассоциаций.

Существует зависимость между употребительностью слова и количеством его значений: чем реже в литературном языке употребляется слово, тем меньше значений оно имеет. Самые многозначные русские слова из списка наименований лиц характеризуются довольно высоким показателем частотности. Например, по данным Национального корпуса русского языка, слово отец (8 значений) встречается в 4769 документах, из которых зафиксирован 39761 контекст; лицо (6 значений) - 6083 документа - 47969 контекстов; голос (8 значений) - 4909 документов - 32778 контекстов; мать (6 значений) - 4227 документов - 31384 контекста; товарищ (5 значений) - 2450 документов - 16290 контекстов; голова (8 значений) - 3414 документов - 13815 контекстов; господин (4 значения) - 2311 документов - 13370 контекстов; человек (4 значения) - 15165 документов - 130485 контекстов.

Однозначное слово со временем может проявить заложенную в нем способность к полисемии. Например, в современных контекстах можно встретить второе значение слова *колхозник*, не включенное в вокабулу толкового словаря: «недалекий, малообразованный человек» (*«Полуграмотный колхозник знал о жизни больше них» [Александр Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 26-51, 1968]; «-Ну вот вы все учёные люди, - сказал он громко и насмешливо, - политики, а я, верно, как вы говорите, дурак, колхозник» [Юрий Домбровский. Хранитель древностей, часть 2 1964]; «А теперь я колхозник, серяк, красный лапоть, как говорят эти подонки [Василий Аксенов. Звездный билет // "Юность, №6, 7", 1961]* или слово *бюджетник* в значении «малообеспеченный человек, живущий на скромную зарплату» (*«Цены подстраиваются под более высокую зарплату промышленности, бюджетник чувствует себя ущемленным [Ираида Семенова. Александр Починок: Зарплата должна быть выше порога бедности // "Российская газета", 2003.07.07] «Но, к сожалению, там существует и наш незащищенный бюджетник и пенсионер» [Е. Ясин, Ю. Кораблин. Беседа Е. Ясина и Ю. Кораблина в эфире радиостанции "Эхо Москвы", Москва // (2003.07.16)]; «Бюджетник - это слово стало синонимом бедности» [Маргарита Спиричева. Такие разные бюджетники // "Богатей" (Саратов), 2003.10.16]; «А что у нас бюджетник может прожить на зарплату?» [Беседа с социологом на общественно-политические темы, Санкт-Петербург // ФОМ (2003.09.09)].*

Современная лексикология видит в многозначности слов их способность к семантическому варьированию, т.е. изменению значения в зависимости от контекста. Если обратиться к примерам многозначных слов из числа наименований лиц, то, несмотря на наличие в таком списке разнообразных и обширных тематических групп, структурно-семантические описания входящих в многозначное слово значений обладают рядом сходных черт, что позволяет отнести их по принадлежности к одной категории с условием максимального уровня абстракции, включающей в себя устойчивый комплекс таких семантических признаков, как: «одушевленность», «подобие человеку», «обладание разумом», «обитание в социуме», «способность к деятельности».

При решении проблемы выбора наиболее удобного варианта метаязыковой единицы в качестве архисемы, на наш взгляд, следует обратиться к варианту «лицо», так как данная метаязыковая единица удовлетворяет приведенным выше требованиям. Следующие за архисемой дифференциальные и интегральные семы уточняют и конкретизируют структуры семем одной и той же лексемы, что дает возможность более качественно и последовательно провести исследование контрастивных пар двух сопоставляемых языков и выявить присущие им национально-специфические сходства и различия в семантике. Подобный подход позволяет при необходимости достаточно легко и быстро описывать выявляющиеся по данным анализа текстов варианты значений одной и той же лексемы, каждое из которых обладает своим собственным набором переводных соответствий, например:

ЗАЩИТНИК - значение 1 - **лицо мужского или женского пола, защищает кого-либо/что-либо от нападения, ограждает, охраняет от посягательства, отстаивает что-л; нецензурное, неэмоциональное; межстилевое, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное;**

(«Тематика концерта в определенном смысле была для русских патриотическая - Александр Невский, знаменитый военачальник и **защитник** Древней Руси» [И. А. Архипова. Музыка жизни (1996); «И тогда Артюха Колотушкин - отец, командир и **защитник** солдата - взялся оборонять своё войско» [Виктор Астафьев. Обертон (1995-1996); «Но истинный патриот России, пламенный **защитник** русского леса А.Г. Грачев занимал среди них особое место» [Воин, лесовод, ученый // "Лесное хозяйство", 2004];

английские переводные соответствия: *defender, protector, advocate, environmentalist, supporter.*

ЗАЩИТНИК - значение 2 - **лицо мужского или женского пола, отстаивает интересы обвиняемого на суде;**

нецензурное, неэмоциональное;

межстилевое, общенародное, современное, юридическое, употребительное;

(«Свидетель уличает, **защитник** защищает, прокурор обвиняет, судья осуждает.» [Юрий Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 4 (1978); «Американец застрелил продавца пиццы, а его **защитник** настаивал на невиновности подзащитного» [Лекарство от преступности // "Криминальная хроника", 2003.06.24];

английские переводные соответствия: *counsel for the defense, lawyer, advocate, barrister, solicitor.*

ЗАЩИТНИК - значение 3 - **лицо мужского пола, играет в футбольной, хоккейной и т.п. команде, защищает участок поля;**

нецензурное, неэмоциональное;

межстилевое, общенародное, современное, спортивное, употребительное;

(«**Защитник** Тюрэм регулярно вступал в борьбу на своей половине поля, отбивал мяч, отдавал передачу и с какой-то ненормальной, нечеловеческой скоростью подключался к атаке.» [Филипп Бахтин. Первая кровь. "Интер" - "Ювентус": лидеры итальянского чемпионата играют вничью // "Известия", 2002.10.20];

английские переводные соответствия: *(full-/half-)back.*

Отвлечение от отдельных лексических значений проявляется в том, что лексико-семантические варианты, различающиеся только по смыслу и

лишь частично, не считаются отдельными лексемами, а образуют единую систему лексико-семантических вариантов данной лексемы. При контрастивном сопоставлении многозначные лексемы русского языка и их многозначные переводные соответствия, как правило, не совпадают по своим семантическим структурам полностью, что обусловлено национально-специфическими особенностями их семантики.

Как показывает практика исследования семантики слова в русле контрастивной лингвистики, многозначные наименования лиц русского языка при сопоставлении с переводными соответствиями в английском языке выделяются рядами векторных соответствий, количество которых определяется в значительной мере числом входящих в лексему семем.

Семантическая структура многозначного слова в словарной статье контрастивного толково-переводного словаря, описанная в рамках аспектного подхода к выявлению национальной специфики его семантики посредством контрастивного анализа при сопоставлении его значений и их переводных соответствий в языке сопоставления (в нашем случае английском), выглядит следующим образом (курсивом даны национально-специфические различия переводных соответствий, остальные не перечисленные семы совпадают):

АРТИСТ- значение 1

– **лицо мужского пола, занимается исполнением произведений искусства профессионально, в присутствии публики;**

неоценочное, неэмоциональное;

межстилевое, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное;

• ср. *artiste мужского или женского пола, вокальных или хореографических произведений;*

• ср. *artist мужского или женского пола, ролей или музыкальных произведений;*

• ср. *actor ролей в спектаклях или кинофильмах, в театре, в кино, на телевидении;*

• ср. *principal мужского или женского пола, ведущих ролей, в театре, в кино, на телевидении;*

• ср. *player мужского или женского пола, музыкальных произведений или ролей, устаревшее, малоупотребительное; отс.: профессионально, в присутствии публики;*

• ср. *performer мужского или женского пола, художественного или музыкального произведения, в присутствии публики или в кино; отс.: профессионально;*

• ср. *entertainer мужского или женского пола, песен или веселых историй, в эстрадном представлении;*

• ср. *play-actor ролей, в театре, устаревшее, малоупотребительное;*

• ср. *protagonist мужского или женского пола, главной роли, в театре, в кино, на телевидении, книжное;*

• ср. *lead мужского или женского пола, главной роли, в театре, в кино, на телевидении;*

• ср. *super-star мужского или женского пола, художественного или музыкального произведения, в присутствии публики или в кино, пользуется широкой известностью;*

• ср. *star мужского или женского пола, главной роли, в кинофильме, пользуется широкой известностью; отс.: профессионально;*

- ср. co-star мужского или женского пола, главной роли в паре с кем-л., в кинофильме или спектакле, пользуется широкой известностью; **отс.:** профессионально;

- ср. head-liner мужского или женского пола, художественного или музыкального произведения, в присутствии публики или в кино, пользуется популярностью, на афишах его(её) имя пишется крупными буквами, разговорное, американское;

- ср. utility-man выходных ролей, в театре, театральный жаргон, малоупотребительное.

АРТИСТ- значение 2

– **лицо мужского пола, достиг высокого мастерства в какой-л. области; неоченочное, неэмоциональное; разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное;**

- ср. artist мужского или женского пола, межстилевое;
- ср. artisan мужского или женского пола, в основном в ручном ремесле, межстилевое;
- ср. master мужского или женского пола, особенно в области искусства, межстилевое.

АРТИСТ- значение 3

– **лицо мужского пола, притворяется кем-л. или каким-л., скрывает истинные мысли и чувства в расчете на благоприятное впечатление;**

неоченочное, неэмоциональное; разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное;

- ср. sham мужского или женского пола; **отс.:** в расчете на благоприятное впечатление;

- ср. artist мужского или женского пола, преуспевает особенно в неблагоприятных делах; **отс.:**

притворяется кем-л. или каким-л., в расчете на благоприятное впечатление.

В отличие от многозначного слова, различные значения которого не изолированы, а связаны, омонимы в контрастивном анализе описываются раздельно, что в некоторой степени упрощает выбор и семантическое описание наименований лиц в подобных примерах, а именно:

СОВОК -I. лопатка с загнутыми кверху краями и короткой ручкой;

СОВОК -II... значение 2. – **лицо мужского или женского пола, гражданин Советского Союза, у которого сильны привычки и навыки, сложившиеся в условиях господства коммунистической идеологии;**

неодобрительное, презрительное; разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное;

(«Ну что сказать про нее: действительно, **совок** с большой буквы» [Женица + мужчина: Брак // Форум на eva. ru, 2005]; «Какой-то идиотский **совок**-архитектор вырезал из планировки кухню» [Николай Журавлев. М.В., или "Мы пахали!" // "Вестник США", 2003.10.15];

безэквивалентное (в английском языке переводное соответствие отсутствует).

БОРОВ -I ... значение 2. – **лицо мужского пола, толстое, неповоротливое; неодобрительное, грубое; разговорно-сниженное, общенародное, современное, общераспространенное, малоупотребительное;**

(«Так он задом упёрся, пыхтел, пыхтел, аж посинел - здоровый ведь **боров**, пьяный!» [Юрий Домбровский. *Факультет ненужных вещей*, часть 2 (1978)]; «**Боров** тупой!» [Александр Солженицын. *В круге первом*, т.1, гл. 1-25 (1968)];

английские переводные соответствия: *swine, pig, hog, oaf, obese man*.

БОРОВ -П. горизонтальная часть дымохода, соединяющая печь с дымовой трубой;

САЧОК -И. конусообразный сетчатый мешок на обруче с рукояткой для ловли рыб, насекомых, птиц;

САЧОК -П. – лицо мужского пола, уклоняющееся от работы;

неодобрительное, грубое;

разговорно-сниженное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное;

(«И тут они увидели, что, спрятавшись под матрац, прямо на железной сетке спал курсант - **сачок** Иванов» [Александр Зиновьев. *Русская судьба, исповедь отщепенца* (1988-1998)];

английские переводные соответствия: *skiver, loafer, idler, shirker*.

Поскольку многозначную лексему можно рассматривать как своеобразную базу данных, время от времени пополняемую и видоизменяемую, то существует вероятность, что использование методики дефиниционного анализа толковых словарей исходного языка далеко не всегда даёт исчерпывающие результаты. Несоответствия обуславливаются тем, что авторам толковых словарей не всегда своевременно удастся фиксировать все значения многозначных слов, отмеченных значительной частотностью употребления под влиянием различных факторов развития языка.

Исследование же контекстов Национального корпуса русского языка позволяет не только уточнить семантическое описание вариантов значений наименований лиц, раскрывающихся через языковую форму полисемии, но и выявить формирование новых, пока еще отсутствующих в словарных дефинициях, например:

ВЕТЕРАН - значение 1 - лицо мужского или женского пола, опытный в военном деле, участвовал во многих боях;

неоценочное, неэмоциональное;

межстилевое, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное;

ВЕТЕРАН - значение 2 - лицо мужского или женского пола, старый и заслуженный, проявил себя в какой-л. сфере производственной или общественной жизни;

неоценочное, неэмоциональное;

межстилевое, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное;

(«**Ветеран** минувшей войны и **ветеран** журналистики [Павел Летувет. *Фронтовая весна 45-го. // "Богатей" (Саратов), 2003.05.08*]; «К своему юбилею (70, 75, 80 лет и далее) каждый **ветеран** Дубны получает письменное поздравление (на специальном бланке, подписанном главой администрации и председателем Совета ветеранов) и "сладкий" подарок в виде коробки конфет» [Юрий Козлов. *Собственная старость тяжела, чужая - всего лишь обременительна // "Встреча" (Дубна), 2003.04.09*].

Отметим, что в современных контекстах семы «опытный в военном деле» и «старый и заслуженный» утрачивают свое ядерное положение и отходят на периферийный план, а иногда и полностью отсутствуют,

например: «**Ветеран** войны, которому нет еще и сорока лет, почувствовал себя куда лучше, чем до лечения военными медиками» [Владимир Князев. Я вас туда не посылал // "Спецназ России", 2003.02.15]; «Как "**ветеран** судебных войн", хочу сообщить, что закончились многолетние суды по искам бывших руководителей футбольного клуба ЦСКА» [Лариса Кислинская. "Читает ли В.В. Путин "Совершенно секретно"?" // "Совершенно секретно", 2003.02.06]; «Шестнадцать звезд (среди них Татьяна Овсиенко, Елена Проклова, Владимир Пресняков-младший, Крис Кельми, Лариса Вербицкая и **ветеран** игры "Что? Где? Когда?")» [Александр Митрофанов. Звезды сыграли героев. Дана Борисова истощена // "Известия", 2003.01.23]; «Вы, **ветеран** сборной России, не провели в ней и десяти матчей целиком» [Сергей Семак: "Наша команда стала злее" // "Известия", 2002.10.18]; «Максим, **ветеран** Кубка, до четвертого этапа был известен как самый быстрый пилот - у него, между прочим, рекорд Невского кольца для Polo - однако ему постоянно, по общему мнению, не везло» [Новости // "Автопилот", 2002.09.15];

английские переводные соответствия: veteran, master, trouper.

Семантическая структура следующей лексемы, по данным анализа её частотности в современных контекстах, не всегда включает в себя сему «происходящий по рождению из той или иной социальной среды, сословия», что говорит, возможно, о расширении полисемии и появлении нового, третьего значения, например:

ВЫХОДЕЦ - значение 1 - **лицо мужского пола, переселившийся из другой страны, края;**

неоценочное, неэмоциональное;

межстилевое, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное;

(«Интересно, что Потемкин - **выходец** из Грузии, жена его грузинка, Манана, младшая дочь - самый молодой налогоплательщик в России» [Сергей Есин. Выбранные места из дневника 2001 года // "Наш современник", 2003]; «В-третьих, г-н Боски - **выходец** из России (он уехал на Запад в возрасте 16 лет, задолго до перестройки)» [Татьяна Гурова. Магистраль их мышления // "Эксперт", 2004];

английские переводные соответствия: emigrant, immigrant.

ВЫХОДЕЦ - значение 2 - **лицо мужского пола, происходящий по рождению из той или иной социальной среды, сословия;**

неоценочное, неэмоциональное;

межстилевое, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное;

(«Петербургский огородник Ефим Андреевич Грачев, **выходец** из ярославских крестьян, получил 60 медалей на различных выставках в России и за границей за наилучшие сорта картофеля» [Л.И. Шустова. Путешествие по стране Агрос // "Биология", 2003]; «В это общество его ввел граф Вольф Генрих фон Гельддорф - **выходец** из аристократической прусской семьи» [Владимир Абаринов. Личный Распутин фюрера // "Совершенно секретно", 2003.07.07];

безэквивалентное;

ВЫХОДЕЦ - значение 3 - **лицо мужского пола, занимавшийся деятельностью в какой-л. сфере производственной или общественной жизни;**

неоценочное, неэмоциональное;

межстилевое, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное;

(«В Красноярском крае губернатор - **выходец** из крупного бизнеса: проще ли работать с такими губернаторами?» [Александр Попов. "Теракты менее негативны для бизнеса, чем изменение системы власти" // "Континент Сибирь" (Новосибирск),

2004.12.17]; «**Выходец из "особистов"**» [Вячеслав Морозов. Адмирал ФСБ // "Наш современник", 2004]; «Насколько мне известно / Ходорковский / как и многие как из монополистов наших богачей **выходец из комсомола**» [Беседа с социологом на общественно-политические темы, Самара // ФОМ (2003.07.08)]; «Это - Азрет Юсупович Беккиев, **выходец из Кабардино-Балкарского высокогорного института, подведомственного Росгидромету**. [Максим Бирюков. Управляемое разбазаривание "оборонки" // "Советская Россия", 2003.06.15];

безэквивалентное.

Основываясь на примерах, приведенных ниже, можно сделать вывод, что толкование лексемы *компаньон* также нуждается в корректировке как с точки зрения порядка, в котором даны значения в толковых словарях, учитывая их частотность в текстах, так и с позиции некоторого переосмысления семантической структуры её компонентов. На наш взгляд, как наиболее часто встречающееся в текстах, следует одним из первых выделить значение, которое не приобрело еще четкой формулировки в словарных дефинициях, а именно:

КОМПАНИОН - значение Н - лицо мужского или женского пола, сотрудничает с кем-л. в каком-л. бизнесе;

неоценочное, неэмоциональное;

межстилевое, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное;

(«Степан Иванович устремил на брата испытующие, холодные глаза, и Мижуев невольно подумал, что это не брат, а **компаньон** по фирме. [Михаил Арцыбашев. Миллионы (1912)]; «Он - **компаньон** одного из крупных рыбопромышленников и ужасно любит говорить о том, какие огромные убытки он терпит благодаря дурной погоде» [В.М. Дорошевич. Сахалин (Каторга) (1903)]; «Его главный **компаньон** мистер Кремфлоу тоже находится в отъезде» [Роберт Штильмарк. Наследник из Калькутты (1950-1951)];

английские переводные соответствия: *associate, cooperator, partner*.

При этом толкование двух других значений следует сохранить без изменений:

КОМПАНИОН - значение 1 - лицо мужского пола, проводит время вместе с кем-л., участвует в чем-л.;

неоценочное, неэмоциональное;

межстилевое, общенародное, современное, общераспространенное, малоупотребительное;

(«Вот нам и еще один **компаньон** для пикника» [А.И. Куприн. Поединок (1905)]; «Куза и его толстый **компаньон** вылезли из лодки и стали вытаскивать поставленные на ночь крючки с приманками» [Юрий Елагин. Укрощение искусств (1952)];

английские переводные соответствия: *companion, comrade, fellow*.

КОМПАНИОН - значение 2 - лицо мужского пола, участвует в торговой или промышленной компании;

неоценочное, неэмоциональное;

межстилевое, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное;

(«Дело в том, что **компаньон** по пароходству Галактион держал себя самым странным образом, и каждую минуту можно было ждать, что он подведет» [Д.Н. Мамин-Сибиряк. Хлеб (1895)]; «Я тоже скромный **компаньон** этого заведения, сударь» [Роберт Штильмарк. Наследник из Калькутты (1950-1951)];

английские переводные соответствия: *associate, companion, stockholder, shareholder*.

В заключение необходимо подчеркнуть, что показатель частотности многозначных слов является немаловажным фактором, который необходимо учитывать не только как средство разграничения значений одного и того же слова, но и при формировании порядка расположения этих значений в вокабуле, особенно при составлении контрастивных толково-переводных словарей. Как показывает практика, такой принцип не всегда принимается во внимание авторами толковых словарей и тезаурусов. Например, в некоторых случаях частотность употребления и первичность расположения значения совпадают, а в других - нет:

МАТЬ (из 90 контекстов)

1. *женщина по отношению к рожденным ею детям (78);*
2. *о том, что является родным, близким, представляя собой к-л. духовную ценность (5);*
3. *самка по отношению к своим детенышам (4);*
4. *о том, от которого или в котором зарождается, образуется ч-л. новое или подобное ему (1);*
5. *о женщине, жене (1);*
6. *о жене священника или монахине (1).*

ХУДОЖНИК (из 100 контекстов)

1. *человек, создающий произведения искусства красками, карандашом и т.п. (75);*
2. *тот, кто создает произведения искусства, творчески работает в области искусства (15);*
3. *тот, кто достиг высокого совершенства, в какой-л. работе, проявил большой вкус и мастерство в ч-л (10).*

ГОСПОДИН (из 120 контекстов)

1. *правитель, облеченный высшей властью (3);*
2. *человек, принадлежащий к привилегированным слоям общества, состоятельный человек (33);*
3. *тот, кто может, умеет, способен и т.п. распоряжаться чем-л. по своему усмотрению (0);*
4. *форма вежливого упоминания или обращения к мужчине, обычно употребляется перед фамилией или должностью (84)..*

МУЖИК (из 130 контекстов)

1. *деревенский, обычно женатый, мужчина, крестьянин (17);*
2. *о любом мужчине (98);*
3. *муж, супруг, сожитель (10);*
4. *о грубом, невежественном, невоспитанном, неопрятном мужчине (5).*

Подводя итог вышеизложенному, следует подчеркнуть следующее: для семантического описания многозначных слов в интересах контрастивного анализа существует необходимость сочетания анализа словарных дефиниций лексемы с анализом её значений в текстовых словоупотреблениях. Подобный подход к лексикографической фиксации проявлений полисемии не только совершенствует методику семантического описания многозначных лексем из списка наименований лиц, но и позволяет более мобильно реагировать на современные тенденции в её развитии и корректировать порядок последовательности толкований значений многозначных слов, основываясь на данных об их частотности в тексте. А это в свою очередь упрощает и ускоряет создание

контрастивных словарей разных типов, делает их удобными и более доступными для широкого круга пользователей.

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь рус. яз./С.А.Кузнецов. – СПб: НОРИНТ, 2002. – 1200 с.

Национального корпуса русского языка [Электронный ресурс] / - Электрон. дан. – Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН - Режим доступа: // [w.w.w.ruscorgpora.ru](http://www.ruscorgpora.ru), свободный. – Загл. с экрана.

Мюллер В.К. Новый англо-русский словарь: 200 000 слов и словосочетаний / В.К. Мюллер. – 12-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2005. - 945 с.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений /С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова.– 4-е изд., дополненное.– М.: «ИТИ Технологии», 2003. – 941 с.

Контрастивная лексикология и лексикография [Текст]: монография / под ред. И.А. Стернина и Т.А. Чубур. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2006. – 341 с.

Т. Н. Панкова

Метафорические значения некоторых лексем в русской и английской языковой картине мира

Картина мира представляет собой центральное понятие концепции человека, выражающее специфику его бытия. Безусловно, значимым становится изучение форм существования картины мира, её функционального предназначения, основных характеристик, а также рассмотрение проблемы отражения картины мира в языке.

Картина мира – целостный образ мира, складывающийся в голове человека в процессе познавательной деятельности. Это гетерогенные (то есть разнородные, имеющие разную природу), гетерохронные (то есть познаваемые в разный отрезок времени), гетеросубстратные (то есть имеющие разную когнитивную основу) сведения о мире.

Как известно, “картина мира” – один из ключевых терминов понятийно-терминологического аппарата. В системе средств объективации картин мира язык занимает наиболее глубинное и базисное положение, так как является семиотической системой, опосредующей все другие картины мира, синтетически воплощающей народное мирозерцание. Проблематика языкового моделирования внеязыковой действительности осознаётся как наиболее актуальная, так как позволяет разрешить вопрос о соотношении в таком моделировании общечеловеческих ментальных механизмов и этнического своеобразия. В то же время языковая картина мира является наименее отрефлексируемой научным сознанием.

Современные исследователи полагают, что специфика миромоделирующей функции метафорической номинации предопределяется особенностями её семантической структуры: в качестве определённой, относительно самостоятельной миромоделирующей силы

выступают все три элемента смысловой структуры метафорической номинации. Для исследования специфики этноязыкового отражения мира значимым является выявление совокупности метафорических наименований, систем **результативных значений метафорических переносов**. При этом результативное, собственно метафорическое значение также может интерпретироваться в качестве своеобразной призмы, высвечивающей культурно значимые смыслы **исходных баз метафорических номинаций**.

В свете всего вышесказанного представляется целесообразным рассмотреть метафорические значения некоторых русских лексем и их английских эквивалентов.

В соответствии с поставленной целью выявления языковых закономерностей метафорического моделирования в качестве первичных источников избираются изданные словари современного русского и английского языков, а в качестве вспомогательных, дополнительных источников – тексты современной художественной, публицистической и др. литературы, представляющие информацию о порождающих потенциях языковых метафорических моделей.

Лексическая единица **сок** имеет несколько значений:

- жидкость, содержащаяся в клетках, тканях и полостях растительных и животных организмов // напиток из жидкости, отжимаемой из ягод, фруктов, овощей.
- (перен., устар.) лучшая часть кого-либо, чего-либо // основное, главное в чём-либо.

Думается, что в данном случае при образовании переносного значения чётко прослеживается положительная коннотация, метафорический перенос происходит по признаку «основной, лучший компонент».

Выражение «*в самом (полном) соку*» означает «в полном расцвете физических сил». Вероятно, данная метафора связана с тем, что самое большое количество сока содержится внутри плода или растения, когда они находятся в оптимальной фазе биологического развития, а процесс увядания обусловлен потерей внутренней жидкости.

«*Выжимать (жать, тянуть, сосать) сок (соки) из кого-либо*» означает «лишать сил, доводить до изнеможения, мучая, изводя или поработывая, эксплуатируя кого-либо». В данном случае метафорический перенос происходит по признаку «лишать необходимого компонента биологического существования организма».

Лексема **сочный** в русском языке имеет следующие значения:

- содержащий много сока;
- свежий, полный, ярко окрашенный (о губах, рте).

Можно предположить, что переносное значение образовалось на основе ассоциации с плодом, находящимся в оптимальной фазе своего развития, имеющим выпуклую форму вследствие скопления большого количества внутренней жидкости. Думается, что основным признаком данного

метафорического переноса является признак «содержащий большое количество внутренней жидкости».

- (перен.) яркий, глубоких, чистых тонов (о цвете, красках и т. п.).

В данном случае в основе метафорический перенос происходит на основе ассоциации «цвет», поскольку спелые, а следовательно, сочные плоды имеют яркую окраску.

- (перен.) выразительный, образный, яркий (о языке, литературном произведении, сценической игре).

Данная ассоциативно-признаковая метафора образована по признакам «яркий», «выделяющийся».

- (перен.) звучный (о голосе, звуках).

Вероятно, это ассоциативно-психологическая метафора. В данном случае метафорический перенос происходит по признакам «насыщенность», «густота».

Таким образом, в русском языке метафорический перенос происходит по следующим признакам:

- 1) «содержащий большое количество внутренней жидкости»,
- 2) «цвет»,
- 3) «яркий»,
- 4) «выделяющийся»,
- 5) «насыщенность»,
- 6) «густота».

Лексема **juice** (сок) имеет несколько значений:

- 1) сущность, основа чего-либо.
- 2) (амер. сленг) электрический ток, электроэнергия.

Думается, что в данном случае метафорический перенос осуществляется по признакам «находящийся внутри» и «движение», так как сок находится внутри растения и движется.

- 3) (сленг) бензин, горючее.

Вероятно, это тоже ассоциативно-признаковая метафора, перенос происходит по признакам «жидкость» и «движение», так как бензин или горючее является жидкостью, необходимой для существования (работы) чего-либо, в данном случае – мотора.

Лексема **juicy** (сочный) имеет несколько иных значений:

- 1) (разг.) сырой, дождливый (о погоде);
- 2) (разг.) колоритный, сочный;
- 3) (разг.) прекрасный, превосходный, первоклассный.

Вероятно, при образовании данных производных значений метафорический перенос произошёл по следующим признакам: в первом случае это – «влажная субстанция», во втором – «яркий цвет» и в третьем – «яркий, выделяющийся».

Таким образом, при сопоставлении метафорических значений исследуемых лексем в русском и английском языках можно выделить как общие, так и национально-специфичные значения.

Для обоих языков общность образования метафорических значений проявляется в следующих признаках: 1) «цвет», 2) «яркий», 3) «выделяющийся на общем фоне», 4) «жидкость».

Национально-специфичными признаками метафорического переноса в английском языке являются:

- 1) «находящийся внутри»,
- 2) «движение жидкости»,
- 3) «влажная субстанция».

Национально-специфичными признаками метафорического переноса в русском языке являются:

- 1) «содержащий большое количество внутренней жидкости»,
- 2) «насыщенность»,
- 3) «густота».

Следовательно, при сопоставлении метафорических значений исследуемых лексем в русском и английском языках можно говорить о том, что существует как нечто общее, так и различное в способе и частоте образования многозначных единиц, что обусловливается спецификой системы конкретного языка, отражающего национальную картину мира.

Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Изд. 2., перераб. и доп. Воронеж, 2007.

Попова З. Д., Стернин И. А., Чарыкова О. Н. К разработке концепции языкового образа мира. // Язык и национальное сознание. Материалы региональной научно-теоретической конференции. Воронеж, 1998. С. 21 – 23.

Сыров В.Н. Значение картины мира в современной науке и философии / В.Н. Сыров // Картина мира. Модели, методы, концепты: сб. научн. трудов. – Томск, 2002. – С. 17-22.

Телия В.Н. Объект лингвокультурологии между Сциллой лингвокреативной техники языка и Харибдой культуры (к проблеме частной эпистемиологии лингвокультурологии) // С любовью к языку. – Москва-Воронеж: ИЯ РАН, ВГУ, 2002. – С. 89-97.

Титов В. Т. Общая квантитативная лексикология романских языков. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2002. – 240 с.

Хуссейн Тума М.

О некоторых аспектах значения слова *язык* в русской языковой картине мира

Невключение некоторых узкопрофессиональных лексических значений в толковые словари является распространённой и вполне обоснованной практикой современной лексикографии. В то же время следует признать совершенно необходимым и своевременное внесение в словари тех значений, которые в силу различных обстоятельств утрачивают локальный характер, становясь фактом общеупотребительного языка. Однако обзор

лексикографических источников показывает, что современные словари (толковые и фразеологические) не всегда «поспевают» за стремительно меняющейся речевой практикой.

В процессе анализа устойчивых сочетаний, образованных с использованием слова «язык», нами было выявлено значение данной лексемы, до сих пор не прокомментированное лексикографией (включая и специальную), однако уже в достаточной степени общеупотребительное. В толковых словарях среди значений слова «язык» осталось совершенно неучтённым следующее: 'подиум, выдающаяся в зрительный зал дорожка, на которой манекенщики и манекенщицы демонстрируют образцы одежды'.

Кроме того, возросшая в последние десятилетия популярность (особенно среди женской части молодёжи) профессии манекенщицы, «модели» придала общезыковой характер не только ранее узкопрофессиональному значению слова «язык», но и двум фразеологизмам (идиоме и фразеосочетанию) с данным лексическим компонентом: *ходить по языку* - 'работать манекенщицей, манекенщиком, «моделью»' и *большой язык* - 'сфера, в которой демонстрируют образцы одежды модельеры мирового уровня (обычно подиумы Парижа, Рима и других «столиц» мировой моды)'.

Данные выражения присутствуют в речи молодёжи, без пояснений, как понятные телезрителю, используются на российском телевидении. Ср. примеры из телепередач: «Я *хожу по языку* ('работаю манекенщицей'. -Х. Т. М.) уже два года, так что могу кое-что посоветовать начинающим моделям...» (Из телепередачи на канале НТВ); «Рост 174 см (одной из манекенщиц. -Х. Т. М.) — не для *большого языка*» (Из телепередачи «Русские золушки: выйти замуж за принца» на «Первом канале» ТВ) - 'с таким «маленьким» ростом девушке-манекенщице трудно получить работу на престижных мировых подиумах'.

Учитывая распространение этих выражений (ранее, видимо, носивших узкопрофессиональный характер), мы полагаем целесообразным дополнить толковые словари русского языка данным значением лексемы «язык» в составе семантемы омонима «Язык» - 'мышечный орган' (если принять существующее в современной русской лексикографии разделение на 3 слова-омонима «язык») - например, в таком виде: «ЯЗЫК, -а, *мн.* -и, -ов, *м.* 1. Подвижный мышечный орган <...> 2. ...кушанье <...> 3. В колоколе: металлический стержень <...> 4. *проф.* Подиум, выдающаяся в зрительный зал и возвышающаяся над ним дорожка, на которой манекенщицы и манекенщицы демонстрируют образцы одежды. ♦ *Большой язык* - сфера высокой моды, модельеров и манекенщиц мировой известности. *Ходить по языку* - работать манекенщицей, "моделью"».

Следует добавить, что лингвокультурологический анализ семантики слова «язык», выступающий в качестве одной из вспомогательных задач при исследовании фразеологизмов с данной лексемой, предполагает сопоставление семантемы слова «язык» с семантемой этого слова в других языках. Нами уже осуществлено такое сопоставление на основе сравнения

русских и арабских лексикографических источников в работе «К вопросу о национальной специфике значения слова «язык» (по данным лексикографии)».

Применительно к рассмотренному здесь значению слова «язык» – 'подиум' можно утверждать, что оно с лингвокультурологической точки зрения является специфически европейским или американским, поскольку в арабском (преимущественно мусульманском) языковом сознании появление этого значения не представляется возможным. Как известно, мусульманская мораль негативно относится к фактам демонстрации женщиной своего тела, и это обуславливает невысокую вероятность метафорического переноса *язык - подиум*. Таким образом, актуализация значения 'подиум' у слова «язык» в современной русской речи усиливает различия между семантикой этой лексемы в русском и арабском языках, уже отмеченные нами в другой статье.

Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И.Молоткова. – М., 2001.

Фразеологический словарь современного русского языка: В 2 т. /под ред. А.Н.Тихонова. – М., 2004.

Фразеологический словарь русского языка /Под ред. М.И.Степановой. – Спб., 2003.

Художественный текст

Дионк Камаль М.

Лексика, создающая образ Кавказа в повести М.Ю.Лермонтова «Бэла»

В романе «Герой нашего времени» образ Кавказа играет большую роль в выражении идейного замысла писателя. Особенно полно этот образ раскрывается в повести «Бэла». Анализ показал, что для создания образа Кавказа употребляются лексические единицы нескольких тематических групп.

Это прежде всего онимы, среди которых можно выделить:

а) топонимы: *Азия, Кавказ, Грузия, Кабарда, Чечня, Арагва, Байдара, Кубань, Терек, Койшаурская долина, Чёртова долина, Крестовая гора, Койшаурская гора, Гуд-гора, Ставрополь* (в XIX веке главный город Северного Кавказа), *Тифлис, Каменный Брод, Коби*;

б) антропонимы: *Казбич, Азамат, Бэла* (показательно, что данная глава романа получила название по имени героини – жительницы Кавказского региона, где происходит действие);

в) зооним: *Карагёз* – кличка лошади Казбича.

Близкую функцию выполняют в произведении и этнонимы: *грузин, кабардинец, осетин, татарин, черкес, чеченец, грузинка, татарка, черкешенка*, например:

*-Поверите ли? Ничего не умеют. Не способны ни к какому образованию! Уж по крайней мере наши **кабардинцы** или **чеченцы**...*

*Я имел гораздо лучшее мнение о **черкешенках**.*

Кроме собственно этнонимов, в повести встречаются наименования человека по региону проживания: *азиат, кавказец, горец*, например:

*Тут толпилось шумно десятка два **грузин** и **горцев**...*

Для создания образа Кавказа используются также иноязычные вкрапления-тюркизмы. Например:

*-Эй, Азамат, не сносить тебе головы ...**яман** (тюрк. плохо) будет твоя башка!*

*И уж не один кабардинец на неё (лошадь) умильно поглядывал, приговаривая: «**Якши тхе, чек якши!**» (тюрк. якши – хороший, тхе – лошадь, чек – очень).*

***Иок**, не хочу, - отвечал равнодушно Казбич. (тюрк. иок – нет).*

Хотя подобных вкраплений в повести немного, но их роль в создании образа Кавказа очень велика.

Важную роль в создании образа Кавказа играет также лексика, называющая элементы пейзажа: *горы, вершина, скалы, обрывы, хребет, долина, ущелья, утёс, камни, река, поток, промоина, овраг, балка, лес, поляна, опушка*, например:

*Ночь уже ложилась на **горы**, и **туман** начинал бродить по **ущельям**.*

*И, тоскуя, просиживал я на **утёсе**...*

и природные явления: *туман, снег, метель, туча.*

*На **вершине горы** нашли мы **снег**.*

*...А на **вершине** лежала чёрная **туча**...*

Использование лексических единиц данной тематической группы создаёт яркие картины кавказской природы. Этой же цели служат и номинации растений и их частей: *трава, кусты, кустарники, пни, карагач, сучья, ветви, листок, колючки*. Например:

*Кой-где из-под снега выглядывали **кустарники**, но ни один сухой **листок** не шевелился.*

*Сухие **сучья карагача** били меня по лицу.*

Хотя количество флористической лексики невелико, она служит важным дополнением характеристики изображаемых пейзажей.

Невелико в повести и количество лексических единиц, называющих животных: *бараны, барс, быки, кабаны, козы, козёл, корова, кошка, овцы, собака*, а наименование птицы встречается только один раз: *коршун*. Например:

*Я велел положить чемодан в свою тележку, заменить **быков** **лошадьми**.*

На фоне наименований других животных обращает на себя внимание большое количество лексем, называющих лошадей: *лошадь, лошаде́нка, кляча, конь, кобыла, скакун*, части их тела: *копыта, шея, ноздри, ноги, хребет, глаза*, название масти: *вороной*; даётся подробное описание внешнего вида и поведения этого животного; также используется лексическая единица *табун*.

-Если б у меня был табун в тысячу кобыл, то отдал бы тебе его весь за твоего скакуна!

Это свидетельствует о важности данной группы лексики для отражения мировосприятия жителей Кавказа.

Помимо названных, в рамках проанализированного материала выделяются также тематические группы существительных, называющих:

а) строения, ограды, жилища и помещения (*сакля, духан, кунацкая, плетень, хлев, конюшня, навес*), населённый пункт: *аул*;

б) широко представлены лексемы, объединённые семантическим компонентом «оружие»: *оружие, кинжал, шашка, гурда, ружьё, винтовка, кольчуга*;

в) единицы, называющие одежду: *кафтан, бешимет, лохматая черкесская шапка*;

г) употребляется также лексика, называющая характерные для быта горцев предметы: *кабардинская трубочка, обделанная в серебро, аркан, плетъ* (для понукания лошади), *буза* (хмельной напиток) и явления: *кунак, калым, абрек, джигит, мирной* (горец, присягнувший на верность русскому правительству).

Важная роль принадлежит единицам, выражающим сакральные понятия: *аллах, пророк, пери*.

Использование лексики указанных тематических групп позволяет автору создать природный и культурно-бытовой фон для описываемых событий, помогает читателю в постижении идейного содержания произведения.

Камаль Зейнаб А.

Номинации деревьев в ранней лирике С.Есенина

В лирике С.Есенина тонко и глубоко представлен мир природы, важную часть которого составляют растения. Анализ лирических произведений поэта показал, что лексика, объединённая семантическим компонентом «растение», широко представлена в его творчестве. Посредством метода сплошной выборки из произведений первого тома выписаны лексические единицы, которые по своей семантике были распределены в следующие тематические группы, представленные по степени убывания: а) древесные растения и их части; б) травянистые растения; в) злаки; г) цветы; д) ягоды и фрукты; е) овощи; ж) грибы.

Наиболее широко представлена в раннем творчестве поэта лексика, объединённая компонентом «древесное растение». К числу древесных растений в ботанике относят деревья и кусты. Наиболее полное отражение получил в лирике С.Есенина мир деревьев. Интересно отметить, что родовое понятие «дерево» в ранней лирике поэта практически не встречается. Выделено только два примера в устаревшей форме «дерево» в контекстах, апеллирующих к сакральной символике, например: *Он смуглой горстью меж тихих **древ** /Бросает звезды – озимый сев.*

В остальных случаях используются наименования деревьев конкретного вида. В рамках выявленного материала наиболее частотным являются лексемы, называющие разновидности такого дерева, как *ива* (*верба*, *ракита ветла*) – 17 примеров. В мировосприятии поэта эти растения часто олицетворяются:

*Заслонили **вётлы** **сиротливо**
Косниками мёртвые жилища.*

Олицетворение осуществляется посредством употребления слов *косник* (лента или тряпочка, вплетенная в косу) и *сиротливо*, то есть деревья ассоциируются с девушками.

Подобные ассоциации прослеживаются и в других примерах: *Наклонивши лик свой **кроткий**, Дремлет ряд плакучих **ив**; Седые **вербы** у плетня/ Нежнее головы наклонят; Только **ивы** над красным бугром/ обветшалым трясут подолом.*

Интересно отметить, что часто данное дерево в мировосприятии поэта ассоциируется не просто с женщиной, а эта ассоциация имеет религиозный компонент: *В зелёной церкви за горой, / Где **вербы чётки** уронили...; И вызывают в чётки / Ивы – кроткие монашки.*

Другие ассоциации – радостного, светлого характера – вызывает у С.Есенина *берёза* – 15 примеров. Чаще всего она ассоциируется с красивой, весёлой и нарядной девушкой: *Улыбнулись сонные **берёзки** / Растрепали шёлковые косы; под **берёзкою-невестой**, на **берёзках** висят **галуны**, **серьги** звонкие повесила, меж **берёз** кудрявых **бус**, под **косницами** **берёз**.*

Такую же частотность употребления имеют лексемы, называющие *ель* – 15 примеров. Следует отметить, что только в четырёх случаях данное наименование употребляется в нейтральном контексте, в остальных оно приобретает коннотации следующего характера:

а) сакрального (*Ели словно **купина**...; в **елях** крылья **херувима**; ...**господь** на ёлочке / в аистовом гнёздышке /качался; запах **ладана** от рожи **ели** льют...);*

б) антропологического (*Пригорюнились **девушки-ели**...; Тёмным **елям** снится /гомон **косарей**; Под окном от скользких **елей** / Тень **протягивает** **руки**; Никнут ...**ели** и **кричат** ему «Осанна».);*

в) военного (*Роща грозит **еловыми** **пиками**; Ели, словно **копья**, уперлися в небо).*

Следующим по частотности является наименование другого хвойного дерева – *сосна* (11 примеров). Это дерево не даёт в рамках исследуемого материала устойчивых коннотаций. Однако в художественном мире С.Есенина и оно может олицетворяться, приобретая женские черты: *Словно белою косынкой / Подвязалась сосна.*

Эти черты может приобретать и *черёмуха* (6 примеров), которая «сыплет снегом», «машет рукавом» и «ветви золотистые, что кудри завилы». Иногда это дерево может вызывать у поэта сакральные ассоциации: *...кадит черёмуховый дым.*

Дуб не играет значимой роли в художественном мире С.Есенина. В 6-ти встреченных примерах используется номинация не отдельного дерева, а совокупности деревьев – *дубрава* или *дуброва*. Коннотации отсутствуют.

В ранней лирике С.Есенина используются также наименования таких деревьев, как *тополь* (4), *осина* (3), *рябина* (3), *липа* (2). Тополь и осина в художественном мире поэта тоже могут наделяться человеческими качествами:

А у низеньких околиц
Звонко чахнут тополя.

Хлёсткий ветер в равнинную синь
Катит яблоки с тощих осин.

Интересно отметить, что наименования фруктовых деревьев встречаются в рамках исследуемого материала очень редко: *яблоня* (2) и *вишня* (1). Причём можно указать на их метафорическое употребление, при котором происходит перенос, обратный олицетворению, то есть свойства этих деревьев приписываются человеку: *Все мы - яблони и вишни / Голубого сада.*

Таким образом, анализ представленного материала позволяет утверждать, что лексические единицы, называющие деревья, играют важную роль в выражении художественного мира поэта. Они не просто служат для описания пейзажа, но передают индивидуально-авторское восприятие окружающей лирического героя природы, в частности, такие его черты, как освящение и одухотворение древесного мира; показывают неразрывную связь природы и человека.

Национальная специфика русских местоимений *себя, свой, сам, самый* на фоне вьетнамского языка

(на материале повести К. Паустовского «Золотая роза» и ее перевода на вьетнамский язык)

Русское возвратное местоимение *себя* и однокоренные с ним притяжательное местоимение *свой* и определительные местоимения *сам, самый* отличаются определенной спецификой. Даже для носителей русского языка не всегда понятно, к какому лицу относятся в тексте эти местоимения и не всегда можно точно определить их значение.

Возвратное местоимение *себя* указывает на предмет (включая лицо), который является объектом своего собственного действия, т. е. на обращенность действия на самого его производителя. В предложении реальное значение местоимения *себя* обычно совпадает со значением субъекта действия (или состояния), обозначенного именем в именительном, или – реже – в косвенном падеже. Вторичным значением местоимения *себя* является значение обобщенно-личное (применительно к многим, к каждому) (Грамматика русского языка 1953: 392).

Возвратное притяжательное местоимение *свой* указывает на принадлежность предмета субъекту речи и может относиться ко всем трем лицам и обоим числам, напр.: *я взял **свою** книгу; ты взял **свою** книгу; он взял **свою** книгу; мы (вы, они) взяли **свою** книгу.*

Местоимение *свой* может употребляться и вне отношения к определенному лицу, выражая общее значение собственности, принадлежности, напр.: *своя ноша не тянет* (Попова 1982).

Определительное местоимение *сам* употребляется при именах существительных одушевленных и при личных местоимениях и имеет значение: «самостоятельно», «без помощи других» или выполняет роль усиливающего, подчеркивающего слова (*я **сам** не могу понять, как это произошло*).

К местоимению *сам* близко по образованию местоимение *самый*, которое, употребляясь, как правило, при именах существительных неодушевленных или местоимениях, подчеркивает в называемом предмете существенное, истинное, основное, напр.: *самое дело **расскажи***, т.е. «суть дела, его главное содержание». Местоимение *самый* может также указывать на близость определяемого им предмета, на непосредственное соприкосновение с ним, напр.: *подошли к **самому** обрыву*.

Местоимение *самый* входит как составной элемент в описательную форму превосходной степени имен прилагательных и наречий, напр.: *самый лучший, самое полезное* (Грамматика русского языка 1953: 402).

Уже в древнерусском языке местоимение *себя* имело неполное склонение. Оно имело формы, параллельные формам личного

местоимения 2-го лица ед. числа, но не различалось по числам и не имело именительного падежа.

В дат. и вин. падежах у этого местоимения различались, как и в старославянском, полные и энклитические формы. Последние употреблялись первоначально тогда, когда местоимение в предложении не несло самостоятельного ударения. Очень рано различия в употреблении между полными и энклитическими формами стали стираться (Кузнецов 1963: 214).

Местоимение *свой* склонялось по типу местоимения *мой*; местоимение *самъ* склонялось по типу указательного местоимения *тѣ*; местоимение *самый* склонялось по образцу прилагательного (Собинникова 1984: 161 – 162).

У всех этих местоимений была непростая история и, возможно, этим объясняется недостаточная строгость их употребления в современном русском языке.

Национальная специфика указанных местоимений хорошо видна на фоне другого, особенно неблизкородственного языка.

Покажем это на материале перевода повести К. Паустовского «Золотая роза» на вьетнамский язык.

Возвратное местоимение *себя*

(1) *Лучше было не видеть **себя** – эту неуклюжую образину, ковыляющую на ревматических ногах.*

*Thà đừng nhìn thấy **mình** còn hơn* (букв.: лучше не видеть **тело**), *cái thân hình góm ghiếc lê lét trên đôi chân tê thấp khắp khiêng.*

(2) *Я чувствую **себя** преступником по отношению к своим прежним вещам.*

*Tôi chỉ cảm thấy **mình** có tội đối với những tác phẩm trước kia của tôi* (букв. Я только чувствую **тело** преступником по отношению к моим прежним вещам).

(3) *Во время работы надо забыть обо всем и писать как бы **для себя** или для самого дорогого человека на свете.*

*Trong lúc làm việc cần phải lãng quên mọi sự và phải như thể đang viết **cho mình** hoặc cho người thân nhất của mình* (букв. Во время работы надо забыть обо всем и писать как бы **для тела** или для самого дорогого человека на свете).

(4) *Шамет притянул Сюзанну **к себе** и сделал то, на что не решился в Руане.*

*Samet kéo Xuyzan lại **gần mình** và làm cái việc mà anh không dám làm trước kia ở Ruăng* (букв. Шамет притянул Сюзанну **около тела** и сделал то, на что не решился в Руане).

(5) *Когда я писал этот рассказ, я все время старался сохранить **в себе** ощущение холодного ветра с ночных гор.*

*Khi tôi viết truyện ngắn này, lúc nào tôi cũng gắng giữ **cho mình** cái cảm xúc trước cơn gió lạnh thổi từ những núi đêm xuống* (букв. Когда я писал этот

рассказ, я все время старался сохранить **для себя** ощущение холодного ветра с ночных гор).

(6) Они были увлечены разговором и то и дело подливали **себе в стаканы** холодное пиво.

Họ đang mãi nói chuyện và thỉnh thoảng lại rót thêm bia **cho mình** (букв. Они увлекаются разговором и иногда подливают пиво **для тела**).

(7) Шамет все чаще ловил **на себе** недоумевающий взгляд девочки.

Càng ngày anh càng hay bắt gặp cái nhìn băn khoăn của con bé (букв. Шамет все чаще встречал недоумевающий взгляд девочки).

(8) Полина убежала **к себе**.

Polina chạy về **phòng** (букв. « в комнату »).

Видим, что возвратное местоимение «себя» в примерах (1), (2) переводится на вьетнамский язык лексемой *mình* (минь) – тело и в примерах (3), (4), (5), (6), к «*mình*» добавлены вспомогательные частицы: *cho* «чо», *gần* «ган» для перевода местоимения *себя* с предлогами. Слово *mình* почти во всех случаях используется при переводе возвратного местоимения «себя». В примере (7) возвратное местоимение *себя* вообще отсутствует в переводе; в примере (8) *себя* переводится существительным *комната*, в этом примере при переводе на вьетнамский язык дано эквивалентное соответствие значения словоформы возвратного местоимения *к себе* – то есть в свою комнату.

Притяжательное местоимение *свой*

(1) Иордан писал **о своей** дружбе со знаменитым датским скульптором Торвальдсеном.

Iordan viết về tình bạn **của ông** với nhà điêu khắc Đan Mạch Toosvanxen (букв. Иордан писал **о его** дружбе со знаменитым датским скульптором Торвальдсеном).

(2) И писатель уже не в силах справиться **со своим** волнением.

Và nhà văn đã không còn đủ sức nén xuống nỗi xúc động **của mình** (букв. И писатель уже не в силах справиться волнением **тела**)

(3) Вместо стихов я написал **свой** первый рассказ. У него была своя история.

Thay vào thơ, tôi viết chuyện ngắn đầu tiên. Nó có lịch sử của nó (букв. Вместо стихов я написал первый рассказ. У него была своя история).

Заметим, что только в примере (3) притяжательное местоимение *свой* отсутствует в переводе; а в остальных примерах местоимение *свой* переводится соответствующими вьетнамскими лексемами с частицей «*của*», которая является знаком принадлежности.

Определительные местоимения *сам, самый*

(1) До этого случая Шамет слышал много солдатского вранья, но **сам** никогда не врал.

Trước đó Samet đã nghe nhiều chuyện bịa đặt của lính tráng, nhưng **riêng anh**, anh chưa từng bịa chuyện bao giờ (букв. До этого случая Шамет слышал много солдатского вранья, но **лично**, он никогда не врал).

(2) Характерно, что все обстоятельства, все подробности, **самая** обстановка деревенского дома и осени – всё это было в полном соответствии с состоянием Катерины Ивановны.

Đáng chú ý là mọi hoàn cảnh, mọi chi tiết, **cả đến** cảnh ngôi nhà vùng quê và mùa thu đều thích ứng hoàn toàn với tâm trạng của bà Katêrina (букв. Характерно, что все обстоятельства, все подробности, **даже** обстановка деревенского дома и осени – всё это было в полном соответствии с состоянием Катерины Ивановны).

(3) Творческий процесс в **самом** своём течении приобретает новые качества, усложняется и богатеет.

Quá trình sáng tạo, **chính** trong dòng đi của nó, dần có thêm những tính chất mới, phức tạp thêm và giàu có thêm (букв. Творческий процесс **именно** в своём течении приобретает новые качества, усложняется и богатеет).

(4) Литература была для меня **самым** великопным явлением в мире.

Văn học, đối với tôi, là một hiện tượng đẹp đẽ **nhất** trên thế giới.

(5) Во время работы надо забыть обо всём и писать как бы для себя или для **самого** дорогого человека на свете.

Trong lúc làm việc cần phải lãng quên mọi sự và phải như thể đang viết cho mình hoặc cho người thân **nhất** của mình.

В примере (1) местоимение *сам* переводится на вьетнамский язык словосочетанием *riêng anh* («*риенг ань*») – лично он; местоимение *самый* в примере (2) переводится *cả đến* («*ка дэн*») – усилительная частица *даже*; *chính* («*тинь*») – *именно* в примере (3). В примерах (4) и (5) *самый* переводится словом *nhất* («*нят*»), которое выражает значение превосходной степени во вьетнамском языке. Итак, для перевода русских местоимений *сам*, *самый* на вьетнамский язык переводчик использует различные усилительные частицы.

На фоне вьетнамского языка национальная специфика русских местоимений *себя*, *свой*, *самый*, *сам* представляется следующим образом:

1. местоимения *себя* и *свой* являются средством обобщенного указания на любое лицо;

2. определительные местоимения *сам*, *самый* несут высокую степень экспрессии (что доказывается фактом их перевода посредством усилительных частиц).

Источники исследования

Паустовский К.Г. Избранные произведения. Том 2: Золотая роза: Повесть и рассказы. – М.: «Худож. лит.», 1977. – 429 с.

Konxstantin Pauxtopxki. Bông hồng vàng và bình minh mưa. Nhà xuất bản Văn học Hà Nội, 2002. – 722с.

Быстров И.С. Грамматика вьетнамского языка/И.С. Быстров, Нгуен Тай Канн, Н.В. Станкевич. – Л. – 1975. – 288 с.

Грамматика русского языка. Том I: Фонетика и морфология. – М.: Изд-во академии наук СССР, 1953. – 720 с.

- Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. – М.: Изд-во академии наук СССР, 1963. – 512 с.
- Мамонов В.А., Розенталь Д.Э. Практическая стилистика современного русского языка. – М.: Изд. Искусство, 1957. – 178 с.
- Попова З.Д. Грамматическая стилистика русского языка. Пособие для изучающих русский язык как неродной. – Воронеж.: Изд-во воронежского университета, 1982. – 73 с.
- Собинникова В.И. Историческая грамматика русского языка. – Воронеж, Изд-во Воронежского университета, 1984. – 295 с.

З.Д. Попова, В.А. Федоров

Категория *наблюдателя* в русском и французском тексте (на материале романа И. Ильфа и Е. Петрова “Золотой теленок” и его перевода на французский язык)

Категория наблюдателя в лингвистике была замечена еще А.М. Пешковским (Пешковский 1956: 7, 85 и др.) и в дальнейшем разрабатывалась Ю.Д. Апресяном (Апресян 1995: 629-650) и другими исследователями (Золотова 1982: 216-223; Падучева 2004; Левонтина, Шмелев 2000; Богуславская 2000: 9-18).

В настоящее время эта категория прочно вошла в лингвистику текста. Исследованию подвергаются определенные группы глаголов, на анализе которых делаются заслуживающие внимания частные выводы. Так, например, Е.М. Мещерякова, рассматривая фигуру наблюдателя на материале видо-временной семантики русского глагола, отмечает, что «не являясь реальным актантом ситуаций, описываемых рассматриваемыми глаголами, наблюдатель может выражаться достаточно регулярными средствами» (Мещерякова 2005: 37).

И.Ю. Кузина убедительно показала, что стратегия измерения объекта обусловлена позицией наблюдателя (Кузина 2007).

Но тем не менее средства репрезентации *присутствия наблюдателя* в тексте до сих пор в достаточной мере не выявлены, не описаны, четко не определены.

Контрастивное сопоставление синтаксических структур романа И. Ильфа и Е. Петрова “Золотой теленок” и его французского перевода позволило выделить 110 фрагментов текста для осмысления способов представления категории наблюдателя средствами русского и французского языков. Оказалось, что в русском тексте *наблюдатель* обычно “присутствует” имплицитно, то есть формально не выражен, а во французском переводе он регулярно сигнализируется неопределенно-личной структурой с местоимением ON и глаголами восприятия *voir* (видеть), *apercevoir* (замечать), *entendre* (слышать), *sentir* (чувствовать).

Даже простейшие высказывания типа *Идет дождь*, – пишет Ю.Д. Апресян, – подразумевают, что существует кто-то, кто этот дождь

воспринимает (Апресян 2000). В русском оригинале присутствуют языковые номинации восприятия, но, как правило, нет никаких языковых указаний на воспринимающее лицо. Французская структура содержит знак лица (местоимение ON), хотя и неопределенного.

Представим наш материал.

1. Глагол *entendre* при переводе используется для обозначения восприятия звуков и ассоциаций, связанных с ними (29% от всех случаев). В русском оригинале обычно употребляется глагол *слышаться*.

“Антилопе” было нехорошо. Она останавливалась даже на легких подъемах и безвольно катилась назад. В моторе *слышались* посторонние шумы и хрипенье, будто бы под желтым капотом автомобиля кого-то душили (с. 270).

L'Antilope était mal en point. Elle s'arrêtait même dans les petites côtes et répartait involontairement en arrière. *On entendait* (*слышал*) dans le moteur des bruits anormaux et une sorte de râle, comme si l'on étouffait quelqu'un sous son capot jaune (p. 270).

Но тут за плетнем, за которым стояли антилоповцы, *послышалось* гусиное гоготанье и бабий визг (с. 278).

On entendit (*слышал*) à ce moment derrière la haie bordant la ruelle ou se tenaient les voyageurs, le cri d'une oie et le glapisement d'une paysanne (p. 275).

Отметим, что в выше приведенных примерах под ON имеются в виду вполне конкретные группы людей, которых можно назвать поименно: в первом случае пассажиры «Антилопы» – Остап, Шура, Паниковский и водитель Козлевич; во втором случае те же антилоповцы, за исключением Паниковского.

Автор может обращаться непосредственно к читателю или любому лицу, участвующему в ситуации:

А еще позже, когда заснул и Ухудшанский, дверь с площадки отворилась, на секунду *послышался вольный гром колес*, и в пустой блистающий коридор, озираясь, вошел Остап Бендер (с. 294).

Un peu plus tard encore, alors qu'Oukhodchanski s'était à son tour endormi, la porte extérieure s'ouvrit, *on entendit* un bref instant *le libre chant des roues* et Ostap Bender entra précautionneusement dans le couloir brillant et désert (p. 291).

Тогда внутри балахона *слышалось бряканье*, какое издают сталкивающиеся друг с другом предметы (с. 375).

On entendit alors a l'intérieur de son suroît *le genre de cliquetis* que produisent des objets métalliques s'entrechoquant (p. 374).

В некоторых случаях глагол *entendre* (*слышать*) служит для перевода различных русских выражений, передающих смех, крик, бульканье и т. п.:

Снизу донесся *русалочный смех и плеск* (с. 134).

On entendait (*слышал*), venant d'en bas, *des rires et des clapotis d'ondine* (p. 137).

Машина была перегружена. Кроме экипажа, она несла на себе большие запасы горючего. В бидонах и бутылках, которые занимали все свободные места *булькал бензин* (с. 270).

La voiture était surchargée. En plus de l'équipage, elle transportait de grosses réserves d'essence; dans les bidons et bouteilles qui remplissaient tout l'espace libre on entendait son clapotis (*слышал его бульканье*) (р. 270).

В это время раздался сдержанный крик. С крыши вагона багажного вагона упал фоторепортер Меньшов. Он взобрался туда, чтобы заснять момент отъезда (с. 286-287).

On entendit alors un cri étouffé. C'était le photographe de presse Mienchov qui venait de tomber du toit du fourgon à bagages ou il s'était juché pour prendre le moment du départ (р. 284).

Сюда же относятся и ряд следующих выражений, встречающихся в тексте: *раздался горячий шепот* (*on entendait son délire*), *неслись молодые львиные голоса* (*on entendait les voix léonines des jeunes étudiants*), *раздались взрывы* (*on entendait les explosions*), *пробирался меланхолический бостон* (*on entendait seulement un boston mélancolique*), *звонили телефоны* (*on entendait la sonnerie irritée des deux téléphones*), *были слышны только короткие свистки* (*on n'entendait que les bref sifflements*) и т.п.

Иногда употребляются и другие глаголы, передающие звуковые ассоциации:

– Давай, давай! – *неслись* поощрительные возгласы из-за спиралей и крестов решетки, где уже собралась немалая толпа любопытных. – Ты им про римского папу скажи, про крестовый поход (с. 197).

– Vas-y, vas-y! *criait-on* (*кричал*) en signe d'encouragement derrière les croix et les spirales de la grille, où une petite foule de curieux s'était déjà ammassée. Parle-leur du pape et de sa croisade (р. 195).

Глагол *entendre* может сопровождаться инфинитивом:

В четвертом месте Остапу поперек дороги стал пионерский слет, и в номере, где миллионер мог бы нескучно провести вечер с подругой, *галдели дети* (с. 345).

Dans une quatrième ville, une rencontre de petits pionniers lui barra la route et, dans la chambre où il aurait pu passer agréablement la soirée avec une compagne, *on enendait brailler des mômes* (р. 341).

Анализ примеров с *entendre* показывает, что под ON имеются в виду вполне конкретные лица или определенные группы людей, воспринимающие звуковые ассоциации, т.е. *наблюдатель* присутствует эксплицитно, он вербализован как *лицо*, хотя и не конкретное.

2. Глагол *voir* (*видеть*) и производный от него *apercevoir* (*замечать*) передают, как правило, зрительное восприятие описываемой ситуации (66% от всех случаев). В русском оригинале возможен глагол *виднеться* но чаще – это разные «бытийные» глаголы:

Кстати, на горизонте, позади машин, *виднелась* цепочка верблюдов (с. 300).

On voyait (видел) d'ailleurs se profiler (вырисовываться) à l'horizon, juste derrière les véhicules une petite caravane de chameaux (p. 296).

Отражался и сам Птибурдуков, сидевший напротив жены в синей пижаме со шнурками (с. 232).

On y voyait (там видел) aussi Petibourdoukov en personne assis en face à sa femme en pyjama bleu fermé par des cordonnets (p. 231).

Так же переводятся и другие русские бытийные глаголы: *помещались галстуки и подтяжки - on voyait (видел) des cravates et des bretelles; возились там одни лишь фотографии - on ne vit plus que (не видел более как) l'activité fébrile des photographes; помещалось пылающее эмалевое сердце - on voyait (видел) un coeur flamboyant en émail; стояли две дубовые бочки (on y voyait deux tonneaux de chêne); висели портреты (on voyait aux murs des portraits); не было вывески (on ne voyait même plus d'enseigne) и т.п.*

В учреждениях *появились* пружинистые адвокатские диваны с зеркальной полочкой для семи фарфоровых слонов, которые якобы приносят счастье, горки для посуды, и этажерочки, раздвижные кожаные кресла для ревматиков и голубые японские вазы (с. 11).

Les bureaux se peuplèrent (заселились) de canapés d'avocats affublés d'étagères primitivement destinées à sept éléphants porte-bonheur en porcelaine reflétant dans des miroirs. On y vit (там увидел) des buffets à vaisselle, des rayonnages, des fauteuils en cuir dépliés pour rhumatisants, des vases bleus japonais (p. 20).

В этом примере одно русское предложение переводчик разбивает на два французских, и глагол *появились* переводится конструкцией *on y vit (там увидел)*. Обращает на себя внимание сочетание глагола *se peuplèrent* (заселились), несущего сему одушевленного актанта, с названиями мебели.

Тут *сохранились* дурацкие золоченые диванчики, ковры и ночные столики с мраморными досками. В некоторых альковах *стояли* даже панцирные никелированные кровати с шариками (с. 116).

On avait conservé (сохранил) en ces lieux de stupides petits canapés dorés et des tables de nuit à dessus de marbre. Dans certaines des alcôves on voyait (видел) même des lits monumentaux à carapace nickelée garnies de boules (p. 121).

Наряду с глаголом *conserver (сохранять)* используется также модель с глаголом *voir* – *on y voyait*.

Во всех подобных случаях, несмотря на разнообразие бытийных русских глаголов, в переводе все время присутствует глагол *voir (видеть)*: *видели, что стояли; видели, что помещалось; видели, что было/не было* и т.п. Всегда обозначен наблюдатель бытия объекта.

Следует отметить инфинитивную структуру *on vit (voyait) apparaître (видели появиться)*, которая имеется во французском, но отсутствует в русском. В нашем случае с ее помощью переводятся глаголы *показался, появился* (с семой *в поле зрения*); *поворачивался, колебался, рисовался* (воспринимался зрением):

Друзья уже спустились в неширокую желтую долину, а нарушитель конвенций все еще черно *рисовался* на гребне холма в зеленоватом сумеречном небе (с. 279).

Les amis étaient déjà descendus dans une espèce de petite plaine jaunâtre *qu'on voyait* encore *se détacher* au sommet d'une colline, dans le crépuscule verdâtre, la silhouette noire du ravisseur d'oies (p. 276).

Ветер метался во все стороны. В минуту все исчезло, и только долго *колебался и прыгал* в темноте рубиновый фонарик последней машины (с. 86).

Le vent battait dans tous les sens. En une minute tout disparut. *On vit* encore un certain temps *vaciller et sauter*, comme un rubis dans la nuit, le phare arrière de la voiture de queue, et puis ce fut tout (p. 90).

Наконец в дверях *появилась* девушка в бобриковом мужском пальто и гимнастических туфлях с тесемками, обвивавшимися вокруг шиколоток на древнегреческий манер (с. 360).

Finalement, *on vit apparaître* à la porte une jeune fille en canadienne bordée de carton portant aux pieds des sandales de lycéenne à lacets autour des chenilles (p. 357).

С *on vit* (*voit, voyait*) могут употребляться и другие глаголы в инфинитиве:

Briller (блестеть) – *on vit* encore *briller* les flancs de l'avion (в воздухе самолет блеснул ребрами).

Se mettre à courir (приняться бежать) – *on vit* les porteurs *se mettre à courir* (побежали носильщики).

S'approcher (приближаться) – *on voyait s'approcher* d'elle un citoyen (к нему подходил гражданин)

Во французском языке данные конструкции с глаголами *voir* (*видеть*), *regarder* (*смотреть*), *entendre* (*слышать*), *écouter* (*слушать*), *sentir* (*чувствовать*) + инфинитив другого глагола определяются как инфинитивные предложения (*propositions infinitives*) (Попова, Казакова: 352-353). Но присутствие глагола в инфинитиве не всегда обязательно, после глаголов восприятия может употребляться и существительное – прямое дополнение.

Глагол *apercevoir* (*замечать*) в неопределенно-личной схеме оказывается эквивалентным следующим русским глаголам:

Последним с перрона вышел пассажир в чистой одежде. Под расстегнутым легким макинтошем *виднелся* костюм в мельчайшую калейдоскопическую клетку (с. 343).

Le dernier voyageur à quitter le quai avait une mise soignée. Sous son léger manteau déboutonné, *on apercevait* (*замечал*) un costume à minuscules carreaux de toutes les couleurs (p. 338).

За ржавыми крышами, чердачными фонарями и антеннами *виднелись* синенькая вода, катерок, бежавший во весь дух, и желтая пароходная труба с большой красной буквой (с. 224-225).

Au-delà des toits rouilles, des plafonds vitrés et des antennes radio *on apercevait* (замечал) l'eau bleutée, une vedette qui filait à toute allure et une cheminée jaune de navire, avec une grosse lettre rouge (p. 223).

В конце улицы, внизу, за крышами домов, пылало литое, тяжелое море (с. 45).

Au bout de la rue, en contrebas, *on apercevait* (замечал) derrière les toits des maisons *la coulée lourde de la mer* (тяжелая тягучесть моря) (p. 52).

Во всех окнах были видны пишущие машинки и портреты государственных деятелей (с. 371).

A toutes les fenêtres *on apercevait* des machines à écrire, ainsi que des portraits de dirigeants (p. 369).

Другой глагол, который в данной схеме может заменить глагол *voir* для указания на наблюдателя – это *trouver* (находить):

Здесь уже было лучше: *стояли* платяные шкафы с зеркалами и пол был обшит рыжим линолеумом (с. 116).

C'était déjà un peu mieux: *on y trouvait* (там находил) des armoires à glaces, et le plancher était recouvert d'un linoleum roux (p. 120).

Подолгу стаивал Васисуалий перед шкафом, переводя взоры с корешка на корешок. По ранжиру *вытянулись* там дивные образцы переплетного искусства... (с. 140).

Vassissouali passait de longs moments debout devant la bibliothèque, à contempler les tomes de la célèbre encyclopédie. *On trouvait* (находил) là, ranges côte à côte, d'autres remarquables exemplaires de l'art de la reliure... (p. 142).

Глагол *voir* по сравнению с глаголом *entendre* как бы расширяет количество участников, воспринимающих ситуацию.

3. Глагол *sentir* служит для передачи обонятельных восприятий (5% от всех случаев), в частности, для перевода русской структуры *где пахнет чем*, аналога которой нет во французском синтаксисе.

– Остается проселок, граждане богатыри! Вот он – древний сказочный путь, по которому движется “Антилопа”. Здесь русский дух, *здесь Русью пахнет!* (с. 272).

– Il reste le chemin vicinal, citoyens chevaliers! Là voilà la vieille route des légendes, celle que prendra notre Antilope! C'est ici que *l'on sent la Russie*, ici que se trouve le véritable âme russe! (p. 272).

...в специально нагретом воздухе *носятся запах немецкой жевательной резинки*. (с. 28).

...*on sentait* dans l'air surchauffé *une odeur de chewing-gum made in Germany* (p. 38).

В словарных статьях находим глагол *sentir* со следующими переводами: *Les draps sentent la lavande* – простыни пахнут лавандой. *Ça sent le moisi (le roussi)* – пахнет плесенью (горелым). *Ça sent le renfermé* – пахнет затхлостью. *Elle sent bon* – от нее хорошо пахнет. *Ça sent mauvais* – плохо пахнет. (Гак, Триумф 2005: 907).

Таким образом, русский *наблюдатель* часто находится за кадром, но французский *наблюдатель* обязательно формально обозначен местоимением ON в неопределенно-личной конструкции ON + V_{3SING.} с глаголами чувственного восприятия *entendre, voir, apercevoir, sentir*.

Французский синтаксис предписывает переводчику вывести *наблюдателя* из подтекста в текст, из которого всегда понятно, подразумеваются ли под местоимением ON конкретное лицо + любые другие лица или любое лицо в данной ситуации, в том числе и читатель. Другими словами, местоимение ON выполняет особую роль, представляя всегда деятеля одушевленного; этот деятель может быть и конкретным известным, и групповым, и обобщенно-всеобщим агенсом (см. подробнее: Федоров 1992).

Рассмотренные примеры позволяют более наглядно и ярко разъяснить сущность *категории наблюдателя*, разрабатываемой в наши дни в лингвистике текста.

Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М., 1995.

Апресян Ю.Д. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй выпуск / Под общим рук. Ю.Д. Апресяна. – М., 2000.

Богуславская О.Ю. Словарные статьи БЛИЗКО 1.1.; БЛИЗКО 1.2.; БЛИЗКО 1.3.; ДАЛЕКО 1.1.; ДАЛЕКО 1.2. // Апресян Ю. Д., Богуславская О. Ю., Крылова Т. В. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй выпуск / Под общим рук. Ю.Д. Апресяна. – М., 2000.

Гак В.Г., Триомф Ж. Французско-русский словарь активного типа. Под редакцией В.Г. Гака и Ж. Триомфа. – М., 2005.

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М., 1982.

Кузина И.Ю. Геометрическая концептуализация пространства и способы представления глубины в языковой измерительной системе (на примере английского прилагательного *deep*) // Вопросы когнитивной лингвистики, №3, 2007. – С. 46-55.

Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Родные просторы // Логический анализ языка. «Языки пространства». – М., 2000.

Мещерякова Е.М. Фигура наблюдателя в семантике грамматики (на материале видо-временных форм русского глагола) – Московский лингвистический журнал. – Том 8 – №2. – М., 2005. – С. 22-38.

Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. – М., 2004.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. – М., 1956.

Попова И.Н., Казакова Ж.А. Грамматика французского языка. Практический курс. Учебник для институтов и факультетов иностранных языков. – 12 изд., стереотипное. – М., 2005.

Федоров В.А. Семантические типы неопределенного лица в синтаксических конструкциях (на материале русского, польского, немецкого, французского и английского языков). Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Воронеж, 1992.

Источники

Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. Роман. – Москва: Русская книга, 1992. – 384 с.

Л.В.Разуваева

Особенности выражения признака сравнения в компаративных конструкциях современной прозы

Языковая конструкция, фиксирующая сравнение, состоит, как правило, из двух членов, связанных между собой компаративными отношениями. Компаративное значение предмета и объекта сравнения оформляется при помощи показателя сравнения. При этом основой сопоставления членов сравнения служит общий для них признак, который, как показало исследование, может быть словесно обозначен в соответствующем высказывании или не иметь формального выражения. В результате все конструкции с компаративным значением, выявленные путем сплошной выборки из текстов современной прозы, распределяются по двум типам:

1. Сравнения с актуализированным признаком (эксплицитно выраженным основанием сравнения).
2. Сравнения с неактуализированным признаком (имплицитно выраженным основанием сравнения).

В абсолютном большинстве проанализированных в ходе исследования контекстов с компаративным значением в качестве предмета сравнения выступает тематическая сфера, которую условно можно назвать «Человек» (антропоморфная тематическая сфера). Среди выявленных конструкций присутствуют как высказывания с актуализированным признаком сравнения (эксплицитно выраженный признак сравнения – далее ЭПС), так и высказывания, в которых признак сравнения не получил актуализации (имплицитно выраженный признак сравнения – далее ИПС).

Тематическая сфера «Человек» представляется объемной по составу и структуре областью, включающей в себя ряд тематических групп, описывающих внешний вид, состояния, чувства человека. Морфолого-грамматический анализ словесных единиц, выражающих предмет сравнения, показывает, что в первую очередь, данная сфера представлена различными существительными (как с конкретным, так и с отвлеченным значением).

Группа, объединяющая контексты, в которых сравнение направлено на характеристику внешнего облика человека, является одной из самых многочисленных и разнообразных. Например:

Бантик увел маленькую блондинку, совсем хрупкую, как Дюймовочка (В. Токарева. Между небом и землёй, с.297); Таня среди ученик – как Гулливер среди великанов. «Ну и ну», -- подумала. В ней ведь тоже не полтора метра, а честных метр пятьдесят девять плюс каблучки. И все-таки с виду роста нет (Г. Щербакова. Вам и не снилось, с. 52); Человечек

был в комбинезоне, весь **круглый, как шарик**, с круглым личиком (В. Токарева. *Летающие качели*, с. 665); Вы посмотрите, он **такой худой, он совершенно как цыпленок**, на всей нашей улице нет такого худого ребенка (Л. Улицкая. *Медя и её дети*, с. 100); Душа моя была открыта пустыне, цыганскому крошке-младенцу, его матери, **красивой, как Софи Лорен в молодости** (Л. Петрушевская. *Тайна дома*, с. 196); Юлька и Ленка были **изящны, как комарики**, и вызывали в людях чувство умиления и опеки (В. Токарева. *Летающие качели*, с. 219).

Особую микрогруппу в составе рассматриваемой группы образуют конструкции, выражающие компаративное значение, в которых представлено описание внешнего вида того или иного человека с помощью характеристики частей его тела. Ср.:

У Шуры было совсем **бескровное, белое, как лист бумаги**, по которой я сейчас пишу эти буквы, **лицо** (Г. Щербакова. *Митина любовь*, с. 126).

В данном контексте в качестве предмета сравнения в широком понимании выступает человек (что в рамках предложения актуализируется посредством словоформы у Шуры), а в узком понимании – часть тела (что находит отражение в словоформе **лицо**). Признак сравнения обозначен прилагательными **бескровное, белое**, т.е. данное предложение рассматривается как конструкция с эксплицитно выраженным признаком сравнения. Объект сравнения – **лист бумаги**.

Как показал анализ, описание внешности человека путем использования сравнительных конструкций, в которых в качестве предмета сравнения выступают части тела, является широко используемым современными писателями средством создания образного впечатления о человеке. Поэтому в анализируемых контекстах представлены разнообразные наименования частей тела, в совокупности дающие детальную характеристику внешнего вида человека. Всего выявлено около 400 примеров подобного употребления. Представим некоторые из них.

– **брови:**

ЭПС: У меня глаза папины, у папы – бабушкины: карие, **бровки домиком** (В. Токарева. *Летающие качели*, с. 175);

– **виски:**

ЭПС: **Виски** у него **стройные, как у молодого коня** (В. Токарева. *Летающие качели*, с. 475);

– **волосы:**

ЭПС: Мы вместе кружимся, и нам весело. Я смотрю на ее зубы ... на **волосы – мягкие и взмокшие, как перышки**. Я люблю Витьку, а она любит меня (В. Токарева. *Летающие качели*, с. 318); Мои **волосы** в мгновение сделались **стеклянные, как трубки**, ресницы стали белые, длинные и пушистые (В. Токарева. *Летающие качели*, с. 422);

глаз:

ЭПС: Хотя во всей фигуре зубодёра было что-то пудовое, сам он старался подчеркнуть своё изящество, красоту, но красотой и силой дышали только природно чёрные, **сверкающие, как антрацит, глаза**

трезвенника (О.Павлов); У дяди Альберта не хватало трех пальцев на правой руке, а левый глаз был вылупленный, стеклянный, точно у филина с картинки (М.Палей. Поминование, с.28); Она постоянно торчала в окне, следила за Феликсом своими глазами, темными, как переспелая вишня (В. Токарева. Между небом и землёй, с. 10); Алкины глаза наполнились трагизмом и стали дымчато-серые, как дождевая туча (В. Токарева. Летящие качели, с. 719);

– **голова:**

ЭПС: *Маленькое изящное ухо, привычный изгиб волос, столб шеи, на которой крепилась маленькая, как тыковка, головка (В.Токарева. Между небом и землёй, с. 29); Рука жесткая, голова мелкая, как у породистого коня. Пахнет дождем (В.Токарева. Между небом и землёй, с. 313-314); У него был красивый рост, красивая голова, чуть мелкая и сухая, как белогвардейца (В. Токарева. Летящие качели, с. 721);*

– **грудь:**

ЭПС: *Ее груди упирались в него и были тоже жесткими, как из пластмассы (В.Токарева. Между небом и землёй, с. 300);*

ИПС: *Нечего было прелюбодействовать с чужой женой, даже если у нее груди, как два ягненка (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого, с. 210);*

– **губы:**

ЭПС: *Баскетболист наклонился и поцеловал Наташу. Губы у него были осторожные, мягкие, как у лошади (В.Токарева. Между небом и землёй, с.217); Он обнял Марьяну, поцеловал. Губы были крупные и теплые, как у коня (В.Токарева. Между небом и землёй, с.344);И он смотрел не на глаза, а на ее губы. Он их отчетливо запомнил – нежные, сиреневатые, как румяные дождевые червячки. (В. Токарева. Летящие качели, с.106); Есть, жадно вытянув вялые как тряпочки губы (Л. Петрушевская. Тайна дома, с.486);*

ИПС: *Начальница жила на сельмом этаже. Федькин совершал восхождение ... и дышал по всем правилам ...и, когда выдыхал, губы делал трубочкой (В. Токарева. Летящие качели, с. 485);*

В ходе проведенного исследования выявлено, что контекстов, в которых компаративная конструкция включает актуализированный признак сравнения, подавляющее большинство.

Исследование компаративных конструкций художественного текста играет важную роль в постижении индивидуально-авторской модели мира. Как известно, сопоставляя какие-либо предметы или явления, писатель, как правило, подбирает такой признак сравнения, который в максимальной степени проявляется в образе сравнения. Сравнимый предмет автор сопоставляет с хорошо известным ему явлением, при этом данный признак, постоянный или временный, реальный или только возможный, лежит в основе сравнения.

Другими словами, признак сравнения служит средством выражения образной информации – сведений о личности субъекта, автора или персонажа. «Субъективные моменты значения слов, выражающих признак

сравнения, есть не что иное, как компоненты их содержательной структуры, которые в художественном тексте передают сведения о состоянии сознания субъекта» (Морозов, Семенюк 1996: 33). Специфика авторского представления о предмете номинации обнаруживается в употреблении словесных единиц, выступающих в качестве признака (основания сравнения).

Морозов П., Семенюк О. Языковые единицы в художественном тексте. – Кировоград, 1996.

Источники

- Павлов О. Казённая сказка. Издательство «Вагриус». – М., 1999.
 Палей М. Поминование. Издательство «Вагриус». – М., 1987.
 Петрушевская Л. Тайна дома. Повести и рассказы. СП «Квадрат». – М., 1995.
 Токарева В. Летающие качели. Сб. повестей и рассказов – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
 Токарева В. Между небом и землёй: Повести, рассказы. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.
 Улицкая Л. Казус Кукоцкого: Роман. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001.
 Щербакова Г. Вам и не снилось. Повести. Издательство «Вагриус» - М., 2004.
 Щербакова Г. Митина любовь. Повести. Издательство «Вагриус» - М., 2002.

Л.В. Рыбачева

Соотношение вербальных и невербальных средств характеристики героя в художественном тексте

Известно, что использование невербальных средств, которые заменяют слова и включают в диалог те или иные дополнительные смыслы, приводит к сокращению вербального текста. Жест, сопровождая речь, обычно является показателем раскованности говорящего, он подчеркивает ту непринужденность, которая считается необходимым условием реализации разговорной речи. Многие жесты нашли отражение в фразеологических сочетаниях. Больше всего жестов связано с руками. Это объясняется тем значением, которое рука играла в трудовой деятельности человека.

В. Колесов пишет: «Рука в исходном славянском образе – хватающая, в заимствованном христианском символе – властная сила. Развитие признаков начиналось с типичных для символа, отсюда и *руководитель*, и *поручаться (брать под свою власть)*, и *ручной (прирученный)*, и даже основатель Москвы князь Юрий Долгорукий (*властный*)» (Колесов 2004: 20).

По своему лексическому составу исследуемые фразеологизмы делятся на 2 группы:

- 1) Жестовые фразеологизмы, в которых используется слово «рука»:

махнуть рукой; руки опустились; приложить руки к груди (сердцу); закрыть обеими руками лицо и др.

2) Жестовые фразеологизмы, в которых не используется слово “рука”, однако действие, описываемое этим фразеологизмом, производится с помощью руки: *послать “воздушный поцелуй; хвататься за голову; ударить кулаком по колену и др.*

Типы взаимосвязи вербальных и невербальных компонентов в коммуникативном акте должны иметь универсальный характер. По мнению исследователей, в речи жесты могут иметь следующее соотношение с речью: во-первых, невербальные средства могут дублировать цель речевого акта, во-вторых, невербальное действие может акцентировать ту или иную часть вербального сообщения, внося коррективы в вербальный текст, в-третьих, они могут использоваться вместо вербальных средств, сохраняя контакт между партнерами и регулируя поток речи. Рассмотрим соответствующие случаи.

1. Невербальные средства дублируют цель речевого текста. Так, например, указательные жесты, как правило, чаще всего используются вместе с предложениями, указывающими на объект разговора, например:

– *Вот и Крестовая!* – сказал мне штабс-капитан, когда мы съехали в Чертову долину, **указывая на холм** (М. Лермонтов);

– *Прикажи!* – сказал я, смеясь...

– *Эй, любезный!* – закричал часовой, **махая ему рукой**, – подожди маленько, что ты крутишься, как волчок? (М. Лермонтов);

– *Жалкие люди!* – сказал я штабс-капитану, **указывая на наших, грязных хозяев, которые молча на нас смотрели в каком-то ошолоблении** (М. Лермонтов).

В анализируемом материале часто встречаются случаи, когда невербальные средства сочетаются со словом-реакцией, или коммуникативом. Коммуникативы – это реплики, которые являются ответной реакцией на слова собеседника и обычно используются в разговорной речи. Как правило, эти слова имеют определенную интонацию, они нечленимы и не изменяются. Слова-реакции имеют ярко выраженное оценочное значение. В нашем материале встретились коммуникативы, выражающие согласие-несогласие, и слова со значением оценки, в основном это жестовые фразеологизмы, относящиеся к двум группам: жесты-символы (1) и симптоматические жесты (2).

1) Жест-символ обычно имеет абстрактное содержание. Среди условных жестов-символов назовем прежде всего жесты приветствий при встрече и прощании. Это следующие случаи:

(1) –*Хотите пари?*– сказал он, – *через неделю.*

–*Извольте!*

Мы ударили по рукам и разошлись (М. Лермонтов);

Коляска была уж далеко; но Печорин **сделал знак рукой**, который может было перевести следующим образом: *вряд ли! да и зачем?* (М. Лермонтов);

– *Достойный друг!* – сказал я, **протянув ему руку**. Доктор **пожал ее** с чувством и продолжал:

--Если хотите, я вас представляю...

(2) –*Помилуйте!* – сказал я, **всплеснув руками**, - разве героев представляют? Они не иначе знакомятся, как спасая от верной смерти свою любезную (М. Лермонтов);

2) Чаще всего дублируют вербальную речь так называемые симптоматические жесты. Жесты подобны интонации и в отношении передачи эмоциональных оттенков речи: они подчеркивают недоумение, огорчение, досаду, восторг, радость, выражая отношение говорящего (модус) к содержанию сообщения. Например:

– **Вот так-то!** – вскричал старик, **всплеснув руками** в знак одобрения.
– *Это лучше, чем смотреть друг на друга сентябрем!* (И. Лажечников);

–*Возницын? Коля Возницын?* – **радостно** воскликнула она, **протягивая ему руку** (Л. Толстой);

– **Ба-ба-ба!**— вскричал он вдруг, **расставив обе руки** при виде Чичикова.
– *Какими судьбами?* (Н. Гоголь); - *Спаситель мой!* – сказал Чичиков и, **схвативши вдруг его руку, быстро поцеловал и прижал к груди** (Н. Гоголь).

2. Вторую группу составляют случаи, когда невербальное действие может акцентировать ту или иную часть вербального сообщения, внося коррективы в вербальный текст.

При этом жестовый фразеологизм может либо уточнять реакцию собеседников (1), входить в противоречие с речью (2):

(1) *Не нервничай.* – Она вновь **провела рукой** по его щеке. (Лермонтов);
Дойдя до середины комнаты, она пошатнулась, я вскочил, подал ей руку, довел её до кресел (М. Лермонтов); - *Я вам удивляюсь,* – сказал доктор, **пожав мне крепко руку.** – *Дайте пощупать пульс! ... Ого! Лихорадочный!.. но на лице ничего не заметно, только глаза у вас блестят ярче обыкновенного* (М. Лермонтов);

(2) –*Завтра будет славная погода!* – сказал я.

Штабс-капитан не отвечал им слова и указал мне пальцем на высокую гору, поднимающуюся прямо против нас (М. Лермонтов);

Чаще всего используются фразеологизмы, отражающие определенные прагматические ситуации, в частности:

установление контакта (Они **обнялись**; капитан едва мог удержаться от смеха, – *Не бойся,* - прибавил он, хитро взглянув на Грушницкого, - *все вздор на свете!.. Натура – дура, судьба – индейка, а жизнь – копейка!* (М. Лермонтов); – *Ты видел?* – сказал он, **крепко пожимая мне руки**, – *это просто ангел!* (М. Лермонтов);

различные эмоции:

волнение (Тусклая бледность покрывала милое лицо княжны. Она стояла у фортепьяно, опершись одной рукой на спинку кресел: **эта рука чуть-чуть дрожала**; я тихо подошел к ней и сказал: – Вы на меня сердитесь? (М. Лермонтов);

искренность (Доктор посмотрел на меня и сказал торжественно, **положив мне руки на сердце**: – Она вам знакома! – Мое сердце точно билось сильнее обыкновенного (М. Лермонтов);

недоумение, удивление: (–Веди меня куда-нибудь, разбойник! Хоть к черту, только к месту! - закричал я. – Есть еще одна фатера, - отвечал десятник, **почесывая затылок**, - только вашему благородию не понравится; там нечисто! (М. Лермонтов).

3. Большая часть жестовых фразеологизмов может использоваться вместо вербальных средств. Это в основном этикетные (1), указательные (2) и симптоматические жесты (3):

(1) *Авось недолго буду гоняться за пулей или ударом шапки: тогда вспомни обо мне и прости меня. – Он отвернулся и **протянул ей руку на прощанье*** (М. Лермонтов); *Печорин встал, **поклонился ей, приложил руки ко лбу и сердцу** и просил меня отвечать ей; я хорошо знаю по-ихнему и перевел его ответ* (М. Лермонтов); *Он хотел кинуться на шею Печорину, но тот только **протянул ему руку*** (М. Лермонтов);

(2) – Осчастливил ты меня! – кричал Гаврила и, **схватив руку** Челкаша, тыкал ее себе в лицо (М. Горький); Она задумалась, **сделала** мне **знак рукою**, чтоб я подождал, и вышла (М. Лермонтов);

(3) *Он сделался бледен как полотно, схватил стакан, напил и подал ей. Я **закрыв глаза руками** и стал читать молитву, не помню какую* (М. Лермонтов);

Как правило, наряду с этикетными жестами в контексте часто встречается обращение. При этом говорящий выражает: просьбу:

–Наталья Алексеевна, вы уходите? Неужели мы так расстанемся? Он **протянул к ней руки**. Она остановилась. Его умоляющий голос, казалось, покомкал ее (И. Тургенев);

– Ольга, я об одном прошу вас, - сказал художник умоляюще и **приложив руку к сердцу**, - об одном: не мучьте меня! Больше мне от вас ничего не нужно! (А. Чехов);

просьбу с оттенком требовательности:

– Проводите меня, ради бога, вперед! – заговорила она, **хватая меня за рукав** (А.Чехов);

благодарность:

– Доктор, голубчик! Дорогой! – в экстазе твердила мать. – Вы понимаете ли, что вы для меня сделали? ... И она **схватила мои руки**, чтобы целовать их (В. Вересаев).

Как свидетельствуют наблюдения, жестовый способ позволяет обратиться к новому собеседнику в момент, когда производится словесная

речь, обращенная к прежнему собеседнику (например, жест «подождите» или «быстрее уходите» при беседе с другим). Во время разговора двух может быть установлен безмолвный этикетный контакт с третьим лицом, причем в чистом диалоге поверх речи может идти второй ряд общения. Кроме физического контакта возникает контакт этический. Приведем примеры.

– *Как раз к чаю пришел!* – говорит она ему. – *Умный ты у меня никогда не опаздываешь...Тебе со сливками или с лимоном? Вихленев, не ожидавший такой встречи, умиляется. Он с чувством целует жене руку, обнимает меня, и это объятие выходит так нелепо и некстати, что я и Ниночка, оба краснеем* (А.Чехов);

Маргарита крикнула ему: – Приветствую вас, король вальсов! – Человек от счастья вздрогнул и левую руку приложил к груди, правой продолжая махать оркестру (М. Булгаков).

Таким образом, невербальные средства в художественном тексте вступают в сложные взаимоотношения с семантикой речевого высказывания. Высказывание реагирует на присутствие жеста также и своей структурой. Как правило, жесты сокращают вербальный текст, вносят в высказывание новые смыслы. Выступая в роли самостоятельной реплики или включаясь в высказывание, состоящее из вербальных и невербальных элементов, жест обнаруживает богатейшие ресурсы как чисто информативные, так и экспрессивные. В процессе коммуникации жесты сопровождают речь или заменяют ее, при этом они говорят об отношении человека к какому-то лицу, событию, предмету.

Колесов В. В. Язык и ментальность / В. В. Колесов. – СПб. : Петербургское востоковедение, 2004. – 240 с.

О.В.Студенова

Особенности формирования романтического компонента коннотации в художественном тексте

В значении слова семасиологи различают денотативную (предметно-логическую) и коннотативную (субъективно-оценочную) части (И.В. Арнольд и др.). Соотношение этих частей определяет типы значений слова.

Существуют классификации типов значений слов по их участию в грамматических структурах, по способности выполнять ту или иную функцию в предложении и другие. В данной статье мы придерживаемся типологии М.М. Копыленко и З.Д. Поповой, которая разработана на основе теории В.В. Виноградова и включает следующие положения.

Лексема – это звуковая последовательность, фонетическая оболочка слова. Семема – это содержательная сторона.

Существуют денотативные и коннотативные семемы. Денотативные семемы – это семемы, ассоциированные с образами предметов реальной действительности в качестве их первичных, непроеизводных или вторичных, производных, но единственных для них знаков. Лексемы, несущие коннотативные семемы, служат дополнительным обозначением денотатов, уже имеющих прямые наименования.

Термин «коннотация» в работах исследователей получает неоднозначное толкование. Академик В.В. Виноградов считает, что коннотация – это потенциальная ассоциативная энергия слова (Виноградов 1941). По мнению профессора И.А. Стернина, коннотация – часть системного значения языкового знака (Стернин 1985).

Художественный контекст является одним из источников формирования дополнительных оттенков в коннотации слова. Коннотативный компонент слова играет большую роль при порождении речи, оценке ситуации, выборе слов, совпадающих по денотативному компоненту, но различающихся по стилистической окраске, привносимой оценке и т.д. Очевидность коннотации в слове хорошо осознается писателями (Стернин 1979).

В статье речь пойдет о романтическом компоненте коннотации значения слова. Словарь даёт следующие определения понятий «романтизм» и «романтика». Романтизм – умонастроение, мироощущение, проникнутое идеализацией действительности, мечтательной созерцательностью. Романтика – то, что содержит идеи и чувства, эмоционально возвышающие человека; условия жизни, обстановка, содействующие эмоционально-возвышенному мироощущению.

В рамках данного исследования были проанализировали микротексты из произведений русской художественной литературы XIX–XX веков, содержащие описания путешествий, с целью выявить этот компонент в значении лексем, относящихся к лексико-семантической группе «путешествие». Полученные результаты позволили сделать следующие выводы:

1. Романтический компонент – это сложный структурированный компонент значения, выделяемый у слова в контексте на основании такой лексической сочетаемости, которая отражает идеализированное отношение человека к действительности.

2. Романтический компонент пересекается с эмоциональным и оценочным компонентами и отражает интеллектуально-модальное (интеллектуально-эмпирическое) отношение человека к реальности.

3. Данный компонент выявляется у слов в том случае, если в контексте с этими лексемами присутствуют: названия эмоций, свидетельствующих об идеализации человеком действительности; слова, имеющие в словарях пометы «высокое», «народно-поэтическое», «торжественно-поэтическое», иногда – «устаревшее», «книжное»; художественно-выразительные

средства, с помощью которых автор формирует у читателя возвышенное, идеализированное отношение к окружающей действительности.

Так, интересны примеры, в которых романтический компонент приобретают лексемы, называющие виды дорог (путь, тропинка, аллея):

*Я робел душою непривычной
И радостно присутствие людей
Вдруг ощущал, сквозь этот гул упорный,
По погремушкам вьючных лошадей,
Тропинкою спускающихся горной...*
(Майков)

*И для нас вешним днем
Расцветет все кругом.
Мы рядом с тобою, родная,
Счастливой тропинкой пойдем*
(Глейзаров)

В примерах присутствуют упоминания эмоций, свидетельствующих о приподнятом настроении наблюдателя (*радостно* от *радость* – *веселое чувство, ощущение большого душевного удовлетворения*).

Лексемы, обозначающие виды дорог, приобретают романтический компонент коннотации в сочетании со словами, имеющими в словарях специальные пометы «высокое», «поэтическое», «торжественно-поэтическое», «устаревшее», «книжное». Например:

*Еду я по тропинке лесной
Воевать с **чародеем**-царем...*
(Полонский)

*Аллеи Павловского сада.
Серебряный нарядный день.
И стародавняя прохлада.
И нестареющая **сень***
(Балашов)

В этих контекстах *чародей* – *то же, что волшебник* (устаревшее и книжное), *сень* – *то, что покрывает, укрывает кого-что-н.* (устаревшее).

Не менее интересными представляются контексты, в которых романтический компонент коннотации создается за счет присутствия в микротекстах художественно-выразительных средств:

*Еще аллеи не сумрачен приют,
Между ветвей небесный свод синеет,
А я иду – **душистый холод** веет
В лицо – иду – и соловьи поют*
(Фет)

*Белый день. Убегающий путь.
Голос тающий **песни** забытой...*
(Казанцев)

*Я люблю бродить одна
По аллеям, полным **звездного огня**...*

(Ошанин)

Образными являются словосочетания «душистый холод» (*душистый–имеющий приятный сильный запах*), «голос...песни» (*песня – стихотворное и музыкальное произведение для исполнения голосом*), *звездный огонь* (*огонь – пламя*).

Как уже указывалось, основной составляющей романтического компонента является особое интеллектуально-модальное (интеллектуально-эмпири-ческое) отношение человека к действительности. Умонастроение романтизма характеризуется мечтательностью, поэтизацией реальности, восторженностью. Путешественник испытывает значительный подъем радостных чувств, у него появляется непреодолимое желание стремиться куда-то вдаль, к необычному, неповседневному, подчас – ощущение свободы от условных правил обыденности.

Интеллектуально-модальное восприятие зависит от следующих особенностей: 1. Характер человека. 2. Гармоничность развития личности (в частности, чуткость к искусству, осведомленность в живописи, музыке). 3. Жизненный опыт.

Примечательно, что формирование отношения субъекта к окружающей действительности происходит на основе развития ассоциаций. Так, слова и словосочетания в художественном тексте образуют некое сообщение. Изображая вымышленные события, они выстраивают как взаимосвязи внутри мира художественного, так и аналогии с миром действительным. А поскольку процессы в реальности многомерны и многовалентны, то само сознание человеческое достраивает эти отношения и в мире вымышленном (Завельский, Завельская, Платонов 2007).

Отметим также ту особенность, что некоторые слова приобретают романтический компонент «эмпирически» (это относится, например, к лексемам, называющим профессии, представители которых постоянно находятся в пути (моряк, геолог, летчик)). Но в контексте данные лексемы могут не актуализировать этот оттенок значения. Например:

*Смертельная опасность плывет за каждым **моряком** в течение каждого рейса* (Иванов).

*Партия **геологов** верхом на лошадях подъехала к горной реке. Они искали место для переправы* (Львов).

*Самолет легко и упруго пронзал воздух, послушно отвечал на каждое движение рычагов управления. Но Алексей боялся его. Он видел, что на крутых виражах ноги запаздывают, не достигается та стройная согласованность, которая воспитывается в **летчике** как своего рода рефлекс* (Полевой).

Но встречаются и противоположные случаи, когда слово, обозначающее сугубо прозаическую реалию, в общенародном языке не приобретает романтического компонента, однако в контексте он появляется (например, у лексем *самолет, машина*):

*Он (Алексей) снова верил в свое мастерство. Это как бы передавалось **самолету**, и тот, как живое существо, как конь, чувствующий хорошего ездока, становился все более покорным* (Полевой)

*В ветер леса шумят. Шум проходит по вершинам сосен, как волны. Одинокий **самолет**, плывущий на головокружительной высоте, кажется миноносцем, наблюдаемым со дна моря (Паустовский).*

*Мальцев сидел молчаливо,... наслаждаясь движением **машины**, ветром в лицо и работой. Кроткая радость осветила лицо этого человека, для которого ощущение **машины** было блаженством (Платонов).*

*Вот когда Алексей с торжеством ощутил совершенное слияние со своей **машиной**! Он чувствовал мотор, словно тот бился в его груди, всем существом своим он ощущал крылья, хвостовые рули...(Полевой).*

Следует указать, что романтическому настроению всегда свойствен оптимизм (бодрое и жизнерадостное мироощущение, при котором человек во все видит светлые стороны, верит в будущее, в успех). Появление романтического умонстроения у человека зависит от следующих особенностей: 1. Настроение в данный момент. 2. Характер обстоятельств, в которых оказывается герой. 3. Цель путешествия.

Существуют лексемы, у которых романтический компонент появляется лишь в определенных контекстах. Так, слово «ветер» приобретает романтический компонент только в поэтических текстах:

***Ветер** ты пьяный, трепли волоса!*

***Ветер** соленый, неси голоса!*

***Ветер** ты вольный, раздуй паруса!*

(Блок)

Не созданы мы для легких путей,

И эта повадка у наших детей:

*Мы с ними уходим навстречу **ветрам**,*

*Навстречу **ветрам**.*

(Долматовский)

В значении лексемы «машина» романтический компонент появляется в фрагментах прозаических произведений:

*А **машина** мчала, мчала. Мелькали побеленные и подкрашенные синькой хаты, телеграфные столбы, деревья. Поднимались и опускались пологими склонами взгорки, темнели кустарники. Над горизонтом уже мелькали звездочки. Ступала на землю ночь. Вот машина выкатилась из-за поворота—впереди темнел мост. Да это же родное село!(Чендей).*

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

— романтический компонент коннотативного значения слова формируется в определенном контексте, который характеризуется рядом особенностей;

— появлению авторского идеализированного отношения к референту, а через него — формированию романтического компонента в значительной степени способствует не только интеллектуально-модальное восприятие действительности, но и личный опыт автора;

— появление в значении слова романтического компонента в определенном контексте обусловлено стремлением автора передать

читателю интеллектуальное идеализированное отношение к денотату посредством различных художественных приемов.

Арнольд И.В. Эмоциональный, экспрессивный, оценочный и функционально-стилистический компоненты лексического значения. // XXII Герценовские чтения. Иностранные языки. Материалы межвузовской конференции. Ленинград, изд-во ЛГУ, 1970. – С. 86–104.

Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М., Наука, 1941. – 358 с.

Завельский А.А., Завельская С.И., Платонов С.И. Текст и его интерпретация. // Словарь литературоведческих терминов, 2007. www.lib.ru

Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, изд-во Воронежского ун-та, 1979. – 155 с.

Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, изд-во Воронежского ун-та, 1985. – 159 с.

Хамид Акрам Азиз

Ассоциативно-частотное ядро русского языка в художественной прозе А.Б.Мариной

На предварительном этапе анализа нами была выделена группа полнозначных лексем, входящая в частотное ядро русского языкового сознания (использовались данные частотных словарей Л.Н.Засориной и С.А.Шарова). Этими лексемами оказались (по убыванию частотности):

говорить, большой, дело, новый, человек, рука, жизнь, день, хотеть, работа, думать, глаз, земля, слово, свет, сила, народ, есть, вода, жить, голова, хорошо, война, друг, город, дом, лицо, дверь, много, путь, стол, молодой, голос, мать, вместе, маленький, ночь, быстро, бог, черный, белый, старый.

В художественной прозе А.Б. Мариной эти единицы имеют другую частотность (по убыванию):

работа, жизнь, дело, человек, день, слово, молодой, дом, голос, голова, лицо, дверь, новый, стол, думать, жить, мать, сила, вместе, хотеть, старый, рука, ночь, глаз, хорошо, много, быстро, путь, говорить, народ, город, свет, вода, бог, маленький, друг, война, черный, есть, большой, белый, земля.

Таким образом, наиболее частотными в прозе Мариной оказались единицы: работа, жизнь, дело, человек, что отличается от данных частотного словаря.

Малочастотными оказались единицы: *большой, земля, говорить, есть*, которые в частотном словаре обладают более высокой частотностью.

Различия отражают тематику произведений писателя, тематические и коммуникативные предпочтения автора.

Кроме того, была исследована совместная встречаемость единиц частотного ядра русского языка в художественной прозе А.Б.Мариной. Мы анализировали совместную встречаемость этих лексем в рамках предложения или двух тесно связанных по смыслу предложений.

Анализ показал, что совместная встречаемость исследуемых единиц довольно высока, особенно для отдельных групп лексем. Так, совместная встречаемость в текстах А.Мариной зафиксирована у следующих единиц:

Чувство вины в очередной раз кольнуло Чистякова. Отложенных на ремонт и покупку **новой** мебели наличных как раз хватило бы на уплату этого чертова налога, и Аська не переживала бы сейчас и не морочила себе **голову** черными мыслями (Мариная. Седьмая жертва. С.12).

Институт, где работал Чистяков, находился в Подмоскowie, там же **жили** его родители, и обычно Алексей оставался в Москве только тогда, когда не нужно было ходить **на работу** (Мариная. Седьмая жертва. С. 13).

Теперь же он чувствовал себя обязанным находиться **вместе** с женой там, где **жить** было практически невозможно, иначе это выглядело бы так, будто он втравил ее в этот ремонт (Седьмая жертва. С. 13.).

Она, подполковник милиции с высшим образованием и стажем работы шестнадцать лет, **старший** опер, столько получает за месяц службы, связанной, между прочим, с риском для **жизни** (Мариная. Седьмая жертва. С. 26).

С самого утра как начнет в кабинете «принимать», так до двенадцати **ночи** и выпивает, а жене вкручивает, что, дескать, **работы** у него **много**, совещания да собрания замучили (Мариная. Седьмая жертва. С. 33).

Но и сама **вместе** с ним ... Ему борову вонючему как с гуся **вода**, а со мной все **быстро** кончилось (Мариная. Седьмая жертва. С. 33).

Но ты ведь могла отказаться. Сказала бы, что не можешь, что у тебя много **дел**, вот и к подруге на **день** рождения идти надо (Мариная. Седьмая жертва. С. 39).

Да ты в любой **день** концы отдать можешь, ты же пьешь с утра и до **ночи** и не закусываешь (Мариная. Седьмая жертва. С. 41).

Во! – обиделся Бритый. – Ее и **дома**-то нет, а ты **говоришь** – заболела (Мариная. Седьмая жертва. С. 51).

И **дело** было не в том, что она пыталась, как **говорится**, сохранить **лицо** (Мариная. Седьмая жертва. С. 54.).

Ни один нормальный **человек**, а тем более бедствующий не отдаст такую сумму чужим людям под честное **слово** (Мариная. Седьмая жертва. С. 59.).

Это существо серьезное и с далеко идущими планами. Как ты **думаешь**, сколько дней пройдет, пока он снова подаст **голос**? (Мариная. Седьмая жертва. С. 60).

Колобок в последнее время частенько принимался массировать левую сторону груди или левую **руку**, на его рабочем **столе** то и **дело** можно было заметить упаковку валидола (Мариная. Седьмая жертва. С.60).

Ты стала **думать** о том, что кто-то **хочет** свести с тобой счета (Маринина Седьмая жертва. С. 63).

Мы с Николаем Венедиктовичем старались сохранить **лицо** и не быть невежливыми, однако после первого визита этого в наш дом постарались мягко дать понять Инессе, что такому странному **молодому человеку** вряд ли стоит посещать нашу семью (Маринина. Седьмая жертва. С. 68).

Конечно, он этого не заслужил, в этом **доме жили** и умирали твои предки (Маринина. Седьмая жертва. С. 70).

На пальцах остались **черные** следы порошка, значит, эксперты обработали фигурки на предмет выявления следов **рук** (Маринина. Седьмая жертва. С. 73).

Да ты погоди **голову**-то ломать, сейчас в Москву приедем – первым **делом** найдем Бритого и спросим....(Маринина. Седьмая жертва. С. 75).

Разве ж она теперь вспомнит, в своей новой-то **жизни**, сколько меж нами **хорошего** было? (Маринина. Седьмая жертва. С. 76).

Информатор Зарубин проживал в одной из двух оставшихся коммунальных квартир, **на работу** не ходил по причине инвалидности и от скуки наблюдал **за жизнью** немногочисленных жильцов (Маринина. Седьмая жертва. С. 78).

Через несколько секунд Настя подняла **голову**, и **лицо** ее снова было бесстрастным (Маринина. Седьмая жертва. С. 94).

Чтобы сберечь **жизни** этих людей, нам нужно понять, чего **хочет** Горшков (Маринина. Седьмая жертва. С. 95).

Теперь она придет только в семь, эти тарелки заберет, **новые**, с ужином, оставит, и **слова** не скажет, не посетует, на то, что Мискарьянц целый **день** ничего не **ел** (Маринина. За все надо платить. С. 5).

В последние дни Герман Мискарьянц стал чувствовать себя немного хуже, появилась неприятная слабость в ногах, кружилась голова, но зато работалось ему на удивление хорошо (Маринина. За все надо платить. С. 5).

Александр Иннокентьевич оказался приятным чуть полноватым человеком в очках с толстыми стеклами и с крупными, хорошей формы, холеными руками (Маринина. За все надо платить. С. 6).

Он как-то по-детски развел **руками**, словно ребенок, разбивший чашку и не понимающий, как это она могла упасть, если только что стояла на самой середине **стола** (Маринина. За все надо платить. С. 7).

Но у меня, в соответствии с моей методикой, такое правило: первые несколько **дней** пациент входит в тот режим, который я ему рекомендую, а потом уже решает, вписываются ли визиты родственников и **друзей** в этот режим (Маринина. За все надо платить, С. 7).

Она хотела выглядеть не юной восторженной студенточкой, а **человеком**, готовящимся к серьезной научной **работе** (Маринина. За все надо платить. С. 17).

Среди студентов, посещающих кружок, появился наконец **человек**, не похожий на других, **человек**, по-настоящему заинтересованный,

думающий, энергичный, предприимчивый (Маринина, За все надо платить. С. 19).

Она была достаточно умна, чтобы понять, что Бороданкин привык **жить** без хлопот и **не хочет** иметь их в будущем (Маринина. За все надо платить. С. 23).

На следующий день, в воскресенье, Михаил Владимирович Шоринов сидел за одним **столом** с **человеком**, который приходился ему родственником и у которого он собирался просить денег на то, чтобы выкупить архив Лебедева (Маринина. За все надо платить. С. 28).

От его бальзама **человек** не делался умнее и талантливее, чем был. Но уж что в **человеке** было, раскрывалось в полной мере (Маринина. За все надо платить. С.29).

Вероника стала подумывать о **новом** замужестве, на сей раз с иностранцем, а **молодой** резвый Штайнек подходил для этой цели как нельзя лучше (Маринина. За все надо платить. С. 33).

Вероника уже принялась составлять планы, как она поведет **дело** к разводу со **старым** профессором (Маринина. За все надо платить. С. 33).

Вероника была **дома** одна, когда в **дверь** постучали (Маринина. За все надо платить, С. 36).

На пороге стоял **молодой** человек, с блокнотом в **руках** (Маринина. За все надо платить. С. 36).

На получение разрешения на въезд придется потратить **много сил** и времени. А также денег (Маринина. За все надо платить. С. 37).

Конечно, есть надежда, что Николай проведет этот вечер с ней **вместе**, и даже **ночь**, но все равно завтра придется возвращаться в Гмунден (Маринина. За все надо платить. С. 48).

На самом **деле** в Вену, но в Визельбурге я должна встретиться с одним **человеком** (Маринина. За все надо платить. С. 49).

Мы будем **вместе** с папой, маленькой Анни и Большим Фредом справлять мой **день рождения** (Маринина. За все надо платить. С. 49).

Почему же ей так повезло, а меня **жизнь** возит мордой о грязный **стол**? (Маринина. За все надо платить. С. 50).

Он открыл **дверь** джипа и протянул **руку** с папкой внутрь (Маринина. За все надо платить. С. 52).

Михаил Владимирович, я не первый **день** на **свете** живу... (Маринина. За все надо платить. С. 60).

У него было такое чувство, будто пришел **старый** надежный **друг** ... (Маринина. За все надо платить. С. 66).

Но температуру я вам сбילה, и **голова** ближайшие полтора-два часа кружиться не будет, так что до **дома** вы доедете (Маринина. За все надо платить. С. 75).

Николай уехал от нее в два часа **ночи**, **дома** лег в постель и не вставал вот уже третий **день** (Маринина. За все надо платить. С. 76).

Жил он один, где-то в Подмоскowie, на теплой зимней даче жила его **мать** со своим третьим мужем, но Николаю и в **голову** не могло прийти позвать ее **Мать** он ненавидел (Маринина. За все надо платить. С. 76).

Под сокращение он не попал, считался **молодым** и перспективным, имел за плечами несколько удачно проведенных операций за рубежом, но с **новым** руководством Николай сработаться не сумел и его «вежливо попросили» (Маринина. За все надо платить. С. 78).

Значит, надо **день** и **ночь** наблюдать за светло-зелеными «жигулями» и ждать, пока к ним подойдет человек, с которым Тамара общалась после приезда из Австрии (Маринина. За все надо платить. С. 94).

Манфред Кнепке сдержал **слово**, нанял частного детектива, который проделал огромную **работу** (Маринина. За все надо платить. С. 94).

Он терпеть не мог давать деньги в долг и оказывать помощь менее удачливым финансистам, но мог, не задумываясь, потратить немалые суммы на организацию большого праздника в **городе**, на поддержку интерната для одаренных детей и на подарки **старым друзьям** (Маринина. За все надо платить. С. 96).

Женщина **молодая**, ей нужна своя семья, свои дети, свой **дом** (Маринина. За все надо платить. С. 98).

Вместе с ним в кабинет Эдуарда Петровича вошел невысокий, немного неуклюжий **человек** лет тридцати пяти с явно намечающейся лысиной и длинноватым носом (Маринина. За все надо платить. С. 99).

Он считает, что оружием пользуется только тот, кто **не хочет** и не умеет **думать** (Маринина. За все надо платить. С. 101).

Удобными считались стулья рядом со **столами**, где можно было вытащить бумаги и заниматься какой-то своей **работой**, деля вид, что внимательно слушаешь (Маринина. За все надо платить. С. 113).

Народ постепенно стал подтягиваться, комната наполнилась **голосами**, стало трудно сосредоточиться (Маринина. За все надо платить. С. 115).

Наконец с опозданием на пятнадцать минут появился завкафедрой Черненилов, **молодой** энергичный доктор наук, вечно занятый какими-то **делами** и ни разу никуда не пришедший вовремя (Маринина. За все надо платить. С. 115).

Прохоренко перечислила шесть **человек**, и на **лице** завкафедрой мелькнула явная тень недовольствия (Маринина. За все надо платить. С. 116).

Это не научные **работы**, они не тянут даже на обыкновенную курсовую **работу** (Маринина. За все надо платить. С. 117).

Все равно **день** пропал, решил Оборин, ну, ее, аспирантку эту, никуда она не убежит, лучше он сейчас доедет до Тамариного **дома** и заберет наконец машину (Маринина. За все надо платить. С. 125).

Он закрыл **глаза** и наслаждался тем, что любил **молодую** женщину, на которой страстно захотел жениться (Маринина. За все надо платить. С. 129).

Я хочу, чтобы ты была со мной каждый **день** и каждую **ночь** (Маринина. За все надо платить. С. 131).

Молодой человек, - донесся до него **голос** откуда-то издалека (Маринина. За все надо платить. С. 380).

Грудь словно сдавило чем-то тяжелым, в **глазах** то и **дело** темнело, и он совсем не мог **думать** о том, куда же ему ехать в таком состоянии, где ночевать и как добраться до милиции (Маринина. За все надо платить. С. 382).

Народ, вода закипела, кому чай наливать? (Маринина. За все надо платить. С. 403).

Материал показывает, что встречаемость слов частотного ядра русского языка в одинаковых контекстах весьма высока. В рамках исследуемого материала выявлено следующее:

Говорить – сочетается с 30% слов частотного ядра: Дом, Думать, Жизнь, Лицо, Дело, Большой, Старый, Дело, День, Голос, Дело, Лицо, Человек.

Большой - сочетается с 1 % - Говорить, Новый.

Дело - сочетается с 64% слов частотного ядра: День, Говорить, Лицо, Рука, стол, Голова, Говорить, День, Работа, Вместе, Сила, Сила, Сила, Путь, Стол, Голова, Старый, Мать, Мать Работа, Молодой, Говорить, Работа, Много Человек, Глаз, Город.

Новый - сочетается с 40% слов ядра: Голова, Молодой, Молодой, Старый, Слово, День, Есть, Жить, Дом, Молодой, Рука, Работа, Мать, Мать, Говорить, Вместе, Город.

Человек - сочетается с 64% слов ядра: Слово, Лицо, Лицо, Лицо, Молодой, Молодой, Молодой, Бог, Хотеть, Народ, Много, Много, Друг, Сила, Говорить, Рука, Рука, Работа, стол, Вместе, Старый, Старый, Голос, Слово, Быстро, Город.

Рука - сочетается с 28% слов ядра: Стол, Стол, Дело, Черный, Хотеть, Думать, Старый, Человек, Человек, Молодой, Дверь, Стол.

Жизнь - сочетается с 42% слов ядра: Старый, Работа, Хотеть, Говорить, Лицо, Рука, Ночь, Стол, Думать, Слово, Глаз, Глаз, День, Мать, День, Слово, Новый, Думать.

День - сочетается с 50% слов ядра: Жить, Слово, Дело, Дело, Ночь, Ночь, Ночь, Ночь, Работа, Хорошо, Хорошо, Голова, Друг, Жить, Свет, Дом, Дом, Жизнь, Город, Вместе, Много.

Хотеть - сочетается с 26% слов ядра: Думать, Думать, Думать, Жизнь, Человек, Бог, Рука, Глаз, Дом, Жить, Война.

Работа - сочетается с 50% слов лексического ядра: Жить, Жить, Много, Ночь, Ночь, Жизнь, Глаз, Слово, Война, Человек, Человек, Быстро, Дело, Дело, Дело, День, Жить, Город, Слово, Стол, Много.

Думать - сочетается с 33% слов лексического ядра: Голос, Хотеть, Хотеть, Говорить, Есть, Рука, Жизнь, Жизнь, Народ, Стол, Быстро, Молодой, Дело, Глаз.

Глаз - сочетается с 45% слов ядра: Работа, Слово, Человек, Голос, Хотеть, Дом, Стол, Лицо, Лицо, Дверь, Жизнь, Жизнь, Жизнь, Свет, Много, Мать, Слово, Дело, Думать.

Земля - сочетается с 1% -Ночь.

Слово - сочетается с 45% слов ядра: Жить, День, Человек, Человек, Голос, Быстро, Работа, Работа, Глаз, Глаз, Дом, Свет, Стол, Старый, Старый, Жить, Мать, Жизнь, Бог.

Свет - сочетается с 14% слов ядра: Слово, Много, День, Жить, Глаз, Лицо.

Сила - сочетается с 16% слов ядра: Хотеть, Старый, Старый, Много, Человек, Дверь, Вода.

Народ - сочетается с 14% слов ядра: Человек, Много, Молодой, Стол, Думать, Вода.

Есть - сочетается с 10% : Думать, Новый, Слово, День.

Вода - сочетается с 10%: Вместе, Быстро, Быстро, Сила, Народ.

Жить - сочетается с 45% слов ядра: Работа, Работа, Вместе, Вместе, День, День, Слово, Слово, Хотеть, Хотеть, Мать, Мать, Мать, Мать, Голова, Дом, Старый, Свет, Молодой.

Голова - сочетается с 21% слов ядра: Дело, Дело, Лицо, Дом, Новый, День, Мать, Хорошо.

Хорошо - сочетается с 14% слов лексического ядра: Маленький, Вместе, День, День, Голова, Город.

Война - сочетается с 1% - Работа, Хотеть.

Друг - сочетается с 11% слов лексического ядра: Человек, День, Город, Старый, Дверь.

Город - сочетается с 26% слов ядра: Хорошо, Старый, Друг, Дело, Новый, Работа, Жить, Бог, Вместе, Человек.

Дом - сочетается с 35% слов ядра: Говорить, Жить, Вместе, Вместе, Дверь, Дверь, Хотеть, Глаз, Голова, День, День, Ночь, Ночь, Молодой, Молодой.

Лицо - сочетается с 50% слов ядра: Говорить, Говорить, Человек, Человек, Человек, Молодой, Глаз, Глаз, Голос, Голос, Мать, Дело, Белый, Белый, Свет, Свет, Голова, Жизнь, Стол, Вода, Старый.

Дверь - сочетается с 21% слов ядра: Маленький, Голос, Друг, Друг, Сила, Рука, Глаз, Дом, Дом.

Много - сочетается с 21% слов ядра: Ночь, Работа, Человек, Человек, Народ, Сила, Сила, Свет, День.

Путь - сочетается с 1% -Дело.

Стол - сочетается с 38% слов ядра: Рука, Дело, Молодой, Молодой, Лицо, Глаз, Быстро, День, Рука, Человек, Жизнь, Маленький, Работа, Дом, Народ, Думать.

Молодой - сочетается с 35% слов ядра: Лицо, Человек, Человек, Человек, Человек, Новый, Новый, Новый, Стол, Стол, Старый, Рука, Маленький, Дело, День.

Голос - сочетается с 30% слов ядра: Думать, Человек, Человек, Глаз, Лицо, Лицо, Дверь, Друг, Народ, Молодой, Говорить, Работа, Старый.

Мать - сочетается с 33% слов ядра: Жить, Жить, Жить, Жить, Жить, Голова, Слово, Дело, Вместе, Вместе, Новый, Глаз, Лицо, Молодой.

Вместе - сочетается с 45% слов ядра: Жить, Быстро, Вода, Дело, Дом, Ночь, Маленький, Большой, День, Дом, Человек, Жить, Хорошо, Мать, Мать, Новый, Бог, День, Город.

Маленький - сочетается с 19% слов ядра: Большой, День, Хорошо, Стол, Молодой, Дом, Вместе, Дверь.

Быстро - сочетается с 23% слов ядра: Вместе, Вода, Вода, Бог, Слово, Человек, Человек, Работа, Стол, Думать.

Бог - сочетается с 16% слов ядра: Быстро, Хотеть, Человек, Город, Дом, Вместе, Слово.

Черный - сочетается с 1% -Белый, Большой, Рука.

Белый - сочетается с 1,5% -Лицо, Лицо, Черный.

Старый - сочетается с 47% слов ядра: Слово, Слово, Человек, Человек, Человек, Сила, Сила, Друг, Друг, Дело, Большой, Говорить, Новый, Рука, Вода, Жить, Лицо, Голос, Молодой, Город.

Ночь - сочетается с 21% слов ядра: Дом, Дом, Жизнь, День, День, День, Земля, Много, Работа.

Таким образом, в прозе А.Б.Марининой наблюдается широкая совместная встречаемость лексических единиц частотного ядра русского языка. Наиболее ярко совместная встречаемость проявляется у единиц *дело, человек, день, работа, лицо* – эти единицы демонстрируют совместную встречаемость более чем с 50-тью процентами единиц частотного ядра.

На основании полученных данных можно сделать вывод о существовании *центра* ассоциативно-частотного ядра русского языка, образуемого этими единицами, а также о том, что ассоциативно-частотное ядро объединяется в системе языка еще и по смысловым признакам: поскольку слова ядра активно встречаются в одинаковых контекстах, следовательно, у них есть некоторая смысловая общность, осознаваемая носителями языка и отражаемая как в их высокой частотности, так и в их совместной встречаемости.

Художественный дискурс

А.В. Варушкина

Сервантесовский дискурс в английском «готическом» романе конца 18-го – начала 19-го веков

Конец 18-го – начало 19-го веков зачастую ассоциируется с *«затишьем» в развитии романного жанра в Великобритании*. Так, 90-е годы 18-го века, по словам их современников, - время, когда английская литература «совсем недостойна внимания»: «теперь пишут здесь только самые посредственные романы», - заметил Н.М. Карамзин (Карамзин 1964: 574). Следовательно, репутация романа как жанра серьезного, глубокого, способного запечатлеть многообразие и сложность жизни, каковым он явил себя в произведениях предшественников (Д. Дефо, Г. Филдинга, Т. Дж. Смоллетта, Л. Стерна и др.), к концу 18-го века была в известной степени подорвана.

Возвращение английского романа на «большую» литературную сцену связано с творчеством представителей «готической» школы, расцвет которой пришелся на конец 18-го – начало 19-го вв. Талант К. Рив, А. Радклиф, М.Г. Льюиса, Ч.Р. Метьюрина и др. не только вернул английскому роману интерес серьезного читателя, но и принес общеевропейскую известность. При этом для английского романа рубежа веков, как замечают многие его исследователи (Н.П. Дьяконова, Н.А. Соловьева, М.Д. Ладыгин и др.), характерно обращение к классическому наследию - опоре на сюжетно-композиционные, жанрово-стилистические достижения предшественников, разного рода заимствования, в освоении которых кристаллизуются *новые формы и методы осмысления жизни*. В этой связи представляется интересным определение места и роли сервантесовского дискурса в «готическом» романе.

Отметим, что романисты 18-го столетия охотно учились у предшественников. Заимствования из Библии, мифологии, фольклорные мотивы, введение подлинного исторического, биографического материала, использование сюжетов классической европейской литературы - были призваны, как признавался У. Годвин, осветить «многообразие проявлений человеческого духа на сцене человеческой жизни» (Годвин 1961: 32). Одним из подобных кладезей человеческого «материала» стал для английской литературы «Дон Кихот» Сервантеса, который, наряду с произведениями Лесажа «к началу 19-го века ...полностью «натурализовался» в Британии» (Елистратова 1966: 84).

Так, вплетение сервантесовского дискурса в виде цитат, ссылок, аллюзий в ткань прозы английской 18-го века создает своеобразный параллелизм сцен, эпизодов, характеров, судеб, фабульных линий.

Думается, развитие, до-мысливание классического претекста позволяет романистам *естественно* и вместе с тем *тонко* раскрыть **многообразие человеческих эмоций, переживаний** (например, горе человека, утратившего осла в «Сентиментальном путешествии», 1768) и **характеров** (доброта Йорика в «Тристане Шенди», 1759-1767). Таким образом, сервантесовские персонажи выступают в романе 18-го века **носителями идеалов гуманности, человечности**, таких черт, как доброта, искренность, скромность.

Одновременно обращение к «Дон Кихоту» на страницах прозы 18-го века представляется **способом придать повествованию убедительность, правдоподобие**. Как признавались многие английские почитатели Сервантеса (а Британия была первой по времени европейской страной, творчески впитавшей наследие великого писателя), среди которых был и Л. Стерн, «Дон Кихот» являлся для них образцом естественности и искренности: «в этих словах для меня заключено больше и они говорят *моему сердцу и чувствам красноречивее*, нежели все диссертации на эту тему, выжатые из головы ученых, взятых вместе» (Стерн 2004: 282).

Аллюзии к роману Сервантеса прослеживаются и в произведениях представителей «готической» школы. Так, за образом Теодоро, отстаивающего честь своей возлюбленной в «Романе в лесу» А. Радклиф (1791) и много претерпевшего за свое «донкихотство» (Радклиф 1999: 167), легко угадывается образ сервантесовского «защитника невинности». Однако, если деяния Дон Кихота имеют трагикомический оттенок разлада идеала и реальности, то у А. Радклиф Теодоро изображается **в романтическом ключе, ему присущи романтическая устремленность к идеалу, готовность к борьбе со злом**.

Иными являются и способы введения сервантесовского текста в «готическое» повествование. Так, в «Мельмоте Скитальце» Ч.Р. Метьюрина (1820) встречается в основном *вольный пересказ отдельных сцен* «Дон Кихота». При этом прямой авторский комментарий - отступление, предлагающий свою интерпретацию параллелизма персонажей, сцен, сюжетных ходов (как, например, у Л. Стерна), в «готическом» романе сменяется **более тонким, психологически нюансированным изображением человеческих характеров**. В «Мельмоте» включение сервантесовского дискурса призвано **раскрыть сложность внутреннего мира героев, изображаемого в контрастах, противоречиях** (например, сочетание горя и радости, охватившего слуг, пирующих в доме умирающего старого Мельмота).

Следует отметить, что изображение реальности начала 18-го столетия глазами Дон Кихота, например, в таком произведении, как «Дон Кихот в Англии» Г. Филдинга, позволяет приподнять завесу чародейства лицемерия и показать «чудовищное» «преображение» «величайших людей» в «нелепых существах» (Филдинг 1954: 142). Таким образом, помещенный в обстановку 18-го столетия, сервантесовский герой становится **рупором автора, обличающим пороки времени, «чудовищ»,**

проистекающих от всеобщего лицемерия, неверного социально-политического устройства.

В «готическом» же романе выстраивание зачастую мало внешне между собой связанных параллелей с сервантесовским сюжетом таит в себе **причудливый внутренний контраст**. Так, схватка доньи Клары де Альяга с прекрасной бабушкиной шпалерой, заканчивающаяся безвозвратной гибелью последней от рук неумелой мастерицы, уподобляется подвигу Дон Кихота, отстаивающего честь доблестного дон Гайфероса, и оборачивающейся гибелью кукол-мавров в театре сеньора Маэсе Педро (Метьюрин 1983: 371).

Схожий прием используется автором «Мельмота» и в сюжете путешествия дон де Альяга через холмы Убеды, по местам подвигов дон Кихота. Однако, в отличие от знаменитого земляка, дон Франсиско странствует ради собственных торговых интересов; в туманах Убеды ему отнюдь не чудятся чудовища, ибо он полон здравого смысла и не верит в магию и колдовство (Метьюрин 1983: 389).

Между тем введение сервантесовских мотивов (холмы Убеды, постоянный двор) и образов позволяет постепенно «впустить» на страницы повествования о деловой поездке де Альяга **«иной» мир**, словно созданный воображением самого Дон Кихота; мир, лежащий за гранью обыденного представления; мир, пронизанный иррациональными силами. При этом, в отличие от дон Кихотов 18-го века, дон де Альяга сталкивается с **метафизическим Злом** в лице таинственного и зловещего Мельмота Скитальца, появление которого разрушает и основательное довольство жизни богатого и знатного купца.

В качестве **вывода** отметим следующее. Рубеж 18-19 веков представляется важной вехой в развитии английского романа, связанной с «утверждением его самоценности» (Дьяконова 1980: 39) как жанра глубокого, серьезного, смыслового и эмоционально насыщенного. Кристаллизация новых форм и методов отображения жизни в романе рубежа веков происходит путем «обдумывания итогов» предшествующих эпох (Соловьева 1988: 82), синтеза достижений классической романной прозы.

Думается, по сравнению с прозаиками первой половины 18-го века, стремившимися посредством введения сервантесовского дискурса изобразить многообразие человеческих эмоций, характеров, судеб, «готический» роман движется по пути не **экстенсивного** изображения внутреннего мира персонажей, а **интенсивного** – в сложности, контрастах, противоречиях. Это достигается и некоторым изменением способов включения сервантесовского претекста по сравнению с прозой первой половины 18-го столетия. Если предшественники посредством изображения классического героя – носителя гуманистического начала в реалиях современной им Англии – так или иначе **обличали несовершенство окружающей их действительности**, то причудливые вариации на тему «Дон Кихота» в «готическом» романе позволили

отобразить **разноплановое видение мира, лишенное однозначных оценок.**

Согласимся с мыслью Ю.М. Лотмана (Лотман 1996: 132) о том, что введение классических образов, сюжетов позволяет актуализировать особую «готовую» мировоззренческую модель, которая за ними стоит. Думается, осмысление сервантесовского наследия в «готической» прозе отражает тенденцию развития романа в направлении изображения пестрой и многогранной картины мира, многовариантного восприятия, интерпретации жизни.

- Годвин У. Последнее предисловие автора / Калед Уильямс. – М.: Худ. лит-ра, 1961
 Дьяконова Н.Я. Английская романтическая проза. – М.: Прогресс, 1980.
 Елистратова А.А. Английский роман эпохи Просвещения. – М.: Наука, 1966.
 Карамзин Н.М. Избранные сочинения в 2х т. – Т. 1. – М.: Худ. лит-ра, 1964.
 Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1996.
 Метьюрин Ч.Р. Мельмот Скиталец. – М.: Наука, 1983.
 Радклиф А. Роман в лесу. – М.: Ладомир, 1999. Метьюрин Ч.Р. Мельмот Скиталец. – М. Наука, 1983.
 Соловьева Н.А. У истоков английского романтизма. – М.: Изд-во МГУ, 1988.
 Стерн Л. Жизнь и мнения Тристама Шенди. – М.: Худ. лит-ра, 2004.
 Филдинг Г. Дон Кихот в Англии / Избранные сочинения в 2х т. – т. 1. – М.: Худ. лит-ра, 1954.

Лю Лицзюнь

Речевые тактики «искателя правды»

(на материале рассказа В.Шукшина «Дядя Ермолай»)

Сюжетно-композиционную основу рассказа В.М.Шукшина «Дядя Ермолай» составляет ситуация «сокрытия правды» и «достижения её признания». Анализ стратегии и тактик, используемых героями в этой ситуации, «описание коммуникативного поведения отдельных личностей позволяет создать коммуникативно-психологический портрет соответствующих людей» (Прохоров, Стернин 2006: 48), обнаружить ценностные приоритеты национальной языковой личности.

Сопоставляя слова «*правда*» и «*истина*», Н.Д.Арутюнова отмечает, что истина скрыта от человека по природе вещей, правда – по воле человека. Истина сокровенна, правда укрываема; истина есть тайна, оберегаемая миром, правда – секрет, хранимый человеком. Правда иногда противопоставляется идеалу, истина – никогда. Правда, по Н.Д.Арутюновой, подразумевает только конкретные высказывания (в выражении *сказать правду*), истина – только общие. Таким образом, основные различия между правдой и истиной коренятся в том, что эти концепты локализованы в принципиально разных пространствах: Истина относится к Божественному миру, истина и истинность – к

эпистемическому (логическому) пространству, правда – к миру человека. (Арутюнова 1999: 554-556).

Связь правды с миром человека естественно вводит это понятие в этический контекст. В нем правда составляет высшую ценность, а стремление жить по правде – первейший долг человека. Когда долг поднимается до доблести, человека называют праведником. Иначе говоря, правда в русском языковом сознании мыслится как некий идеал праведности и совершенства (Арутюнова 1999: 565).

В применении к речевому поведению используется слово *правда*. В зависимости от ситуации, как указывает Н.Д.Арутюнова, правда реализует две ипостаси: правда в интересах говорящего и правда в интересах другого. Первая ситуация содержит варианты: правда в глаза и за глаза, правда с глазу на глаз, правда откровенности и правда открытости, правда искренности, правда признания и правда исповеди (Арутюнова 1999: 604). В названных ситуациях правда высказывается человеком добровольно – по чувству долга, по склонности к дидактике или ради нравственного ощущения, поэтому речевое поведение говорения правды получает положительную оценку. Что касается второй ситуации – правды в интересах другого, то Н.Д.Арутюнова рассматривает её в контексте аномальной ситуации говорения правды – т.е. «сокрытия правды».

Типичная ситуация «сокрытия правды», по Н.Д.Арутюновой, характеризуется следующими чертами: 1) «носитель истины» знает некоторую информацию; 2) искатель информации знает о существовании этой информации, но не о ее конкретном содержании; 3) «носитель истины» заинтересован в ее сокрытии; 4) искатель – в ее получении; 5) он нуждается в ней для определенной цели; 6) он считает «носителя истины» наиболее удобным источником ее получения; 7) «носитель истины» прилагает усилия, чтобы ее скрыть, «искатель истины» – чтобы заставить его тем или другим способом сообщить нужную информацию (Арутюнова 1999: 605-606).

Сообщение правды ассоциируется с опасностью, которая вызывает у говорящего страх. Страх перед правдой, естественно, развивает технику ее сокрытия, с одной стороны, и добывания – с другой. Тактика искателя правды основывается на приемах вынуждения – силового, логического, эмоционального, нравственного, торгового (обменного). Это тактика наступления: сильная сторона обличает, уличает, изобличает, загоняет в угол (тупик), припирает к стенке, подлавливает, запутывает, сбивает с толку, выводит на чистую воду, угрожает, запугивает, блефует, апеллирует к совести, убеждает, сулит награды. Носитель информации обороняется, стараясь не отступить: он отпирается, умалчивает, утаивает, увиливает, юлит, лжет, врет, обманывает, прикидывается, симулирует, оправдывается, наводит на ложный след, сваливает вину на другого, вводит в заблуждение, фальсифицирует, искажает правду, прибегает к уловкам, сбивает, запутывает, сообщает частичную правду (Арутюнова 1999: 607).

«Нравственность есть правда» – главная формула творчества В.М.Шукшина и его героев – правдолюбив-чудиков. Во многих ситуациях она проявляется в «добывании» героем правды или в стремлении отстоять свое «я», свою правду. Нередко эти ситуации, по мнению Н.Д.Голева, весьма конфликтны, поскольку в этом добывании и стремлении приходится сталкиваться с непризнанием, непониманием, неприятием, открытой враждебностью. При помощи классификаций ситуаций говорения правды мы обращаем внимание прежде всего на художественно-речевые формы, отражающие речевое поведение носителей языка в конфликтных ситуациях, на такое поведение, которое создает конфликтную ситуацию, поддерживает, усиливает или разрешает ее (Голев 1999: 109-112). Иначе говоря, предметом данной статьи являются речевые стратегии и тактики коммуникантов («искателя правды» и «носителя информации»), а также реализующие их высказывания в конфликтной ситуации «сокрытия правды».

В рассказе В.М.Шукшина «Дядя Ермолай» мальчики Гришка и Васька, посланные дядей Ермолаем – бригадиром колхоза – сторожить ночью ток, заблудились, не добрались до тока и заночевали в скирде. А наутро стояли на своем, доказывая дяде Ермолаю, что до «точка» дошли и всю ночь провели на нем. Мальчики говорили неправду: оказывается, сам дядя Ермолай в эту ночь, не доверяя полностью детям, отправляется им вдогонку и действительно ночует на «точке». Мальчики как «носители информации» прилагают усилия, чтобы скрыть правду, а дядя Ермолай как «искатель правды» хочет заставить их тем или другим способом сообщить нужную информацию.

Диалог дяди Ермолая и мальчиков делится на 4 этапа: 1) этап испытания; 2) этап запроса информации; 3) этап обличения; 4) этап эмоциональной настройки. На стыке этапов происходит смена тактики. В центре нашего внимания будет стратегическая линия дяди Ермолая с учетом речевого поведения реакций мальчиков.

Стратегическая цель дяди Ермолая – заставить мальчиков сказать правду о том, что они не были на точке. А мальчики, наоборот, скрывают эту правду. Диалог стартует с несимметричных позиций: дядя Ермолай – взрослый, бригадир колхоза – в вышестоящем положении, поэтому он захватывает инициативу и контролирует ход диалога. Дядя Ермолай использует два типа речевых тактик: кооперативную и конфронтационную. На каждом этапе происходит смена тактики, причем на первом и втором этапах используются тактики кооперативного типа, на третьем – конфронтационные, на четвертом – комбинирование тактик кооперативных и конфронтационных. Стимулом к смене тактик является отсутствие запланированного результата на каждом этапе. При этом смена речевых тактик отражается в речевом поведении говорящего и слушающего, которое полностью соответствует их внутреннему состоянию.

На первом этапе дядя Ермолай, будучи инициатором диалога, находится в легком и уверенном состоянии, поскольку его потенциальный «противник» – Гриша и Васька – малоопытные мальчики, а он человек взрослый, опытный, тем более точно знает то, что произошло. «Искатель правды» совсем не сомневается в добывании правды от мальчиков: либо «носитель информации» сам скажет правду, либо его вынудят сказать её. Используя кооперативные тактики, дядя Ермолай надеется, что мальчики сами могут сказать ему правду о том, что они не были на точке, не выполнили поставленной бригадиром задачи. Но «искатель правды» узнает правду от «носителя информации» не путем прямых вопросов, а косвенными вопросами с подтекстом, провокацией и испытанием: *Как ночевали? Все там в порядке? На точке-то? Зерно-то целое?* Соблюдая принцип Вежливости, тактично задавая вопросы, дядя Ермолай терпеливо ждет от мальчиков нужного ответа. Вопреки ожиданиям дяди Ермолая мальчики избирают тактику отказа от признания и проверяют, знает ли правду дядя Ермолай. Проверка проявляется в два раза повторяющемся вопросе «*А что?*», который тем временем обнаруживает внутреннее беспокойство мальчиков.

Косвенные вопросы с подтекстом вызывают у мальчиков беспокойство, но не могут помочь дяде Ермолаю добиться стратегической цели – добывания правды. Дядя Ермолай переходит к этапу запроса информации, к тактике прямого вопроса, в котором глагол «*были*» два раза повторяется, прямо передает мальчикам свое намерение и желание узнать правду. Два возвратных вопроса («*как это «не были?»*» и «*а где же мы были?»*») показывают, что мальчики чувствуют, что что-то не так, но пытаются продолжать проверять дядю Ермолая.

Не получая запланированного результата, на третьем этапе – этапе обличения – дядя Ермолай начинает терять терпение и выражать недовольство и возмущение, которое находит отражение в конфронтационных тактиках: обличении, загоне в угол, упреке, брани, угрозе, проклятии, которые реализуются в его речевом поведении.

Не дождавшись самопризнания мальчиков, сам дядя Ермолай начинает оказывать давление на мальчиков с целью добывания правды. Но оказание давления представляет постепенный процесс, который находит отражение в тактиках «искателя правды». Сначала дядя Ермолай мальчиков обличает («*да не были вы там*», «*вы где-то под суслоном ночевали, а говорите – на точке*»), ругает («*сукины вы сыны*»), угрожает («*сгребу вот сейчас обоих да носом – в точок-то, носом, как котов пакостливых*»), пытается заставить их говорить правду. Но вопреки желанию «искателя правды» эти тактики не действуют, наоборот, укрепляют позицию непризнания мальчиков, которые оба твердо на вопросы дяди Ермолая «*Где ночевали?*» отвечают: «*На точке*». Если на первых этапах мальчики так отвечает для того, чтобы проверить, знает ли правду дядя Ермолай, то теперь это уже обозначает, что они готовы «стоять насмерть». Они отвечают тактике обличения тактикой непризнания, которая еще более злит дядю Ермолая.

Продолжая ругать мальчиков (*«да растудят вашу туда-суда и в ребра»*), дядя Ермолай загоняет их в угол: *«Да не было вас на току, не было-о! Я ж был там! Ну?! Обормоты вы такие, обормоты! Я ж следом за вами пошел туда – думаю, дошли ли они хоть? Не было вас там!»* Дядя Ермолай пытается фактом *«я ж был там»* обескуражить и обезоружить мальчиков с тем, чтобы добиться от них правды. Но тем не менее в репликах мальчиков не видно никакого следа волнения и смирения (*«Мы тоже были. Мы, значит, маленько попозже... Мы блудили»*).

Мальчики не только не собираются говорить правду, но и начинают оправдывать свою ложь. Тут вроде бы незаметно происходит изменение ситуации. Замечая, что дядя Ермолай ничего не может сделать с ними, бывшая слабая сторона – мальчики – постепенно перестает волноваться и обретает уверенность в себе от бессилия вышестоящего. Выражения *«маленько попозже»* и *«блудили»* ярко выражают относительно спокойное, легкое внутреннее состояние у мальчиков. А дядя Ермолай, наоборот, слушая многократную ложь, всё более охвачен возмущением и досадой, что подчеркивается метакоммуникативными показателями (*«дядя Ермолай взвился»*, *«дядя Ермолай аж за голову взялся и болезненно сморщился»*, *«дядя Ермолай ошалел»*). Дядя Ермолай возмущается потому, что мальчики должны сказать честно, а они *«в глаза смотрят и врут»*. Он досадует, потому что перед отпирательством мальчиков правдолюб чувствует себя бессильным и беспомощным, ругань (*«обормоты»*), проклятие (*«Штыбы бы вам околеть, не доживая веку! Штыбы бы вам... жены злые попались!»*) и угроза (*«по пять трудностей снимаю»*) являются для него единственной реакцией на ложь и поступок мальчиков.

Однако дядя Ермолай не собирается сдаваться и совершает последний бой за добывание правды, настраивая свое эмоциональное состояние. Чтобы мальчики признались, взрослый, намеренно понижает свой статус перед ребятами, выбирает относительно мягкую речевую тактику просьбы (*«Гришка, Васьк... сознайтесь: не были на точке»*) и обещания награды (*«по пять трудодней не сниму»*). Но и эти тактики оказываются тщетными – мальчики настаивают на лжи. Потерпев полную коммуникативную неудачу, взрослый *«сдался»* в бою за правду (*«Дядя Ермолай ушел за скирду... Опять, наверно, всплакнул. Он плакал, когда ничего не мог больше»*).

Итак, дядя Ермолай как «искатель правды» ради достижения своей стратегической цели – добывания правды – использует ряд речевых тактик. Если одна конкретная речевая тактика не достигает успеха, то применяется вторая, затем третья, четвертая, может иметь место возврат к первой и т. д. Скомбинировав несколько речевых тактик, «искатель правды» пытается добиться изменений в информированности, эмоциональном состоянии, взглядах и оценках «носителя информации» и влияет на его поведение.

Таким образом, в структуре диалога центральное место занимают речевые тактики, направленные на достижение правдивого признания, что

актуализирует этот смысл в образной структуре рассказа. Представление ситуации в коммуникативном режиме вводит концепт «правда» имплицитно, на концептуально-смысловом уровне. Хотя, к сожалению, речевые тактики не всегда достигают желаемой цели, однако их настойчивый повтор дает ключ к пониманию фундаментальных ценностей языковой личности главного героя – честного человека, правдолюбца.

Нельзя не отметить, что само слово «*правда*» не вербализовано, не появляется в диалоге между «искателем правды» и «носителем информации». Но весь строй диалога, коммуникативное поведение говорящих, используемые ими речевые тактики «добывания» правды (как следствие нетерпимости к обману, лжи) концептуализируют этот феномен, выводя его в центр мировидения и личности главного героя.

Однако признание правды как важнейшей жизненной составляющей в конечном счёте оказывается свойственным и героям, получившим в детстве нравственный урок. Повествование строится от первого лица как воспоминание уже повзрослевшего Васьки, в жизни которого этот эпизод детства оставил серьёзный след. Ложь и отпирательство, с одной стороны, и искреннее неприятие, сопротивление им, с другой, открыло юным героям рассказа ценность правды в мире цельной личности дяди Ермолая. Много лет спустя во внутреннем монологе героя у могилы дяди Ермолая звучит признание правды («*И дума моя о нем простая: вечный был труженик, добрый, честный человек*»), раскрывающее уважение к правдолюбцу – дяде Ермолаю.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1999.

Голев Н.Д. Речевой жанр ссоры и инвективные фреймы в рассказах В.М. Шукшина // Культура. Образование. Духовность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 60-летию Бийского госпединститута. Ч.2. – Бийск, 1999.

Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. 2-е изд., испр. и доп. – М., 2006.

Т. В. Морозова

Вечный образ в дискурсе XX века (на примере драмы Мигеля де Унамуно «Брат Хуан, или Мир есть театр»).

По устоявшемуся мнению, вечный образ должен заключать в себе некое «инвариантное, то есть устойчивое неизменное архетипическое ядро человеческой природы, корнями уходящее в толщу истории», а также обладать семантической многозначностью и открытостью для новых интерпретаций.

Важнейшей особенностью вечных (мировых) образов является повторяемость их сюжетно-образных систем как во времени и

пространстве, так и во многих сферах гуманитарного знания – философии, литературе, искусстве, психологии и т. д. Благодаря изначально заложенному в них философско-эстетическому и художественному потенциалу вечный образ и традиционная тема органично вступают в диалог с различными дисциплинами и формами культуры, что позволяет говорить об их междисциплинарном и – шире – межкультурном характере. Выступая в роли посредника, они укрепляют единство мирового культурного процесса.

В XX веке вечный образ не только не утрачивает своей актуальности, но и вызывает самый пристальный интерес у разных деятелей культуры. Это связано с мироощущением эпохи: с одной стороны, активное развитие всех сфер научного знания и небывалый технический прогресс, а с другой – историко-социальные катаклизмы, поставившие под сомнение прежние принципы структурирования бытия и пошатнувшие систему ценностей и веру человека в себя.

Как следствие, возникает парадокс двойного видения и свойственная ему символизация не только мира, но и его восприятия. Обращение к вечным образам, их переосмысление с позиций XX века помогает в определённом смысле преодолеть «разорванность времён», «нецельность» мироощущения, выявляя вневременное, сущностное содержание этих образов и в то же время обогащая их новым духовным опытом человечества, заставляя интуитивно или сознательно полемизировать со своими предшественниками.

Основой для раскрытия глубокого и многопланового содержания вечного образа становится художественный эксперимент, то есть принцип несоответствия, столкновения заложенных и воспринимаемых как литературное клише сюжетных и характерообразующих мотивов.

Убедительным подтверждением вышесказанного может служить почти 400-летнее бытование в мировой культуре образа Дон Жуана, в основе истории которого лежат предания о севильском обольстителе и повесе, пригласившем на ужин череп. Возникший на пересечении средневековых легенд образ рыцаря-повесы был увековечен в творении Тирсо де Молины «Севильский озорник, или Каменный гость».

Поистине безгранично количество интерпретаций образа Дон Жуана в литературе, живописи, философии, теологии, музыке, театре, кино. К нему обращались Эспронседа, Соррилья, Мольер, Байрон, Гофман, Мериме, Бодлер, Моцарт, Киркегор, Ортега-и-Гассет, Ленуа, Пушкин, А. К. Толстой, Валье-Инклан, Унамуно, М. Мачадо, Б. Шоу, Рильке, М. Фриш, Чапек, Леся Украинка, Б. Зайцев, Бальмонт, Блок, Гумилёв, В. Иванов, Цветаева и многие другие.

Оригинальную и неожиданную интерпретацию образа Дон Жуана предлагает в своей драме «Брат Хуан, или Мир есть театр» Мигель де Унамуно – крупнейший испанский писатель XX века.

Своеобразие его огромного таланта заключалось в удивительно органичном соединении свойств художника и мыслителя. Образное

мышление насквозь пронизывает его философские произведения, его художественное творчество во многом определяется самостоятельно выработанными философскими концепциями. Это соединение Унамуно-философа и Унамуно-писателя в одном человеке отмечает И. А. Тертерян, которая рассматривает произведения испанского писателя в контексте его философской концепции: «Его романы, повести, новеллы и даже стихи остаются как бы осколками его личности и воспринимаются скорее как документы, нежели как художественные произведения ... Его произведения невозможно понять вне его духовного пути...».

Унамуно создаёт философскую концепцию, которую принято называть персонализмом. Личность выступает в ней как центральная реальность. Писатель понимает личность (истинную личность) как человека, обладающего трагической и страстной устремлённостью к предмету веры, способного реализовать свою волю, направленную на достижение идеала, наделённого свойством выбирать и решать. Индивид, не имеющий этих свойств, не является подлинной личностью, ибо он лишён реальности внутреннего содержания, общественно пассивен, заражён отвратительным конформизмом.

В концепции личности центральное место занимает жажда бессмертия, возникающая из-за ограниченности человеческого существования. В философском эссе «О трагическом чувстве жизни» Унамуно пишет: «Когда сомнения нас одолевают и наша вера в бессмертие колеблется, болезненно-страстным становится наше желание увековечить своё имя и заполучить хотя бы тень бессмертия». Понимая реальность как результат творческого акта и воли, Унамуно утверждает, что возможность сохранения личности после физической смерти находится в прямой зависимости от активного стремления этой личности к бессмертию.

Личность борется со смертью тем, что запечатлевает себя в мире, навязывает себя миру. Все виды творчества, все виды человеческих отношений – материнство, отцовство, дружба, любовь и др. – рассматриваются Унамуно как своего рода сублимация, которая позволит остаться образу личности в других людях, в творениях. Сублимация, по мысли писателя, избавляет человека от одержимости смертью, от страха перед неизбежным физическим концом его жизни. Сублимация трактуется как самоутверждение личности, в процессе которого она сталкивается со многими трудностями и со многими проблемами.

Процесс самоутверждения личности – это сложный и многогранный психологический процесс. Исследование его особенностей, завоеваний и потерь на этом пути и составляет содержание большинства произведений Унамуно. Писатель в своих прозаических и драматических работах тщательно изучает и анализирует разнообразные ситуации, в которых может оказаться личность. Унамуно интересуют проблемы самоидентификации, понимаемые им, как обнаружение героем его подлинной личности под оболочкой внешнего и случайного, а также

проблемы раздвоения личности и взаимоотношений с другими людьми, тоже стремящимися к самоутверждению.

Большинство историй, рассказанных в повестях и драмах писателя, представляют собой образы его философских тезисов. В них царит абсолютное единство действия, ничто не отвлекает от личности протагониста. Да и сам протагонист, как правило, лишён материальности, характерности, так как автор хочет, чтобы читатель признал его героев живыми только по их душевной жизни, при этом он не претендует на роль психолога, так как не считает психологию человека объективной реакцией на внешний мир.

В своих произведениях Унамуно стремился сплавить в единое целое философию и искусство, своего рода «литературизировать» философию, открыть аутентичный способ бытия и философствования. В этих целях он обращается в своём творчестве практически ко всем традиционным литературным жанрам: драме, рассказу, повести, роману, путевому очерку, памфлету и др. Использует и лирические жанры, однако не находит удовлетворения.

Драма «Брат Хуан, или Мир есть театр» была создана Мигелем де Унамуно в 1934 году, за два года до его смерти, и является – в определённом смысле – итоговым произведением. Это пьеса-концепция, в жанровом отношении характерная для интеллектуальной (или экспериментальной) драматургии, которая основывается на определённой идее, последовательно проводимой автором и разыгрываемой актёрами.

Традиционный образ Дон Жуана трактуется писателем-философом как образ типичного «агониста», то есть человека, поглощённого осуществлением своей идеи-страсти. Это жажда самоутверждения, победы над смертью. Главный герой – не гедонист и не вольнодумец, хотя он и предстаёт в драме как воплощение самой любви. Но этой любви не суждено реализоваться в жизни, так как любое чувство, по мысли героя, – лишь актёрская игра, как, впрочем, и сама жизнь есть не что иное, как театральное представление.

Хуан одержим мыслью о смерти. Пробуждая в женщине любовь, Хуан на самом деле не ищет взаимного чувства, а лишь стремится тем самым доказать себе и остальным реальность своего существования. Но каждый раз, видя иллюзорность этих «доказательств», он отрекается от очередной возлюбленной в поисках нового увлечения. В конце концов он понимает, что не может любить. Герой приходит к осознанию, что человека ждёт лишь одна истинная возлюбленная – смерть. Это открытие пугает его, в объятиях других женщин он пытается спастись от этой «гостии в чёрном» и в конце концов отрекается от земной любви, уйдя в монастырь.

Хуан «играет» свою роль в жизни, как на сцене, постоянно чувствуя призрачность своего земного существования. Так и умирает Хуан, не будучи уверенным, что жил. Только Инес не хочет поверить в его смерть. «Дон Хуан бессмертен», – утверждает она. И отец Теофило, друг и

антагонист Хуана, отвечает: «Да, как на сцене ...». Вновь возникает трагическая тема жизни и смерти, смерти и бессмертия.

В этой поздней драме, как и в более ранних своих произведениях, Мигель де Унамуно, не даёт однозначных ответов на поставленные вопросы, а общее настроение пьесы окрашено в мрачные, и даже трагичные, тона. Так в интерпретации образа Дон Жуана традиционный мотив претворяется в важнейшую для творчества Мигеля де Унамуно концепцию личности и её существования в мире.

Унамуно Мигель де. О трагическом чувстве жизни у людей и народов. Агония христианства / Мигель де Унамуно. – М.: Худ. лит., 1996. – 406 с.

Ортега-и-Гассет Хосе. Избранные труды / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: Весь мир-ИНФРА-М, 2000. – 700 с.

Anne Marie Queras. Novela contra novela / Anne Marie Queras. – Salamanca: Un-d de Salamanca, 1993. – 83 p.

О.В.Тихонова

Топос «горы» в художественном дискурсе немецкого романтизма (на материале новеллистики)

При создании авторской картины бытия романтики тяготеют к мифологической модели мира, строящейся на базовых архетипах. Один из важнейших элементов мифологической модели мира – *архетип «гора»*, который нагляднее всего проявляет себя в мифе о Мировой горе, встречающемся у различных народов. В архаичном сознании Мировая гора выступает как образ мира, модель Вселенной, в которой отражены все основные элементы и параметры космического устройства. Подобная модель мира лежит и в основе *романтической натурфилософской картины бытия*, где горы выступают квинтэссенцией природного (идеального) начала, становятся объектом романтического томления героев и важнейшим средством познания их собственного «Я».

Но Природа является для романтиков и основой патриархального сознания и архаичных представлений, зафиксированных в мифе и фольклоре. **Топос гор** в этой системе занимает одно из важнейших мест. Георг Брандес считал, что «фантастический взгляд на природу не получил бы такого развития именно в Германии, если бы в самой природе не было чего-то фантастического» (Брандес 1893: 57).

Материалом для анализа послужили новеллы немецких романтиков: Л. Тика «Руненберг» (1802-1804 гг.), Э. Т. А. Гофмана «Фалунские рудники» (1819-1821 гг.) и В. Гауфа «Холодное сердце» (1826г.). Все эти произведения характеризуются особенностями самого специфического немецкого жанра (романтическая новелла-сказка), который строится

с помощью сложной символики, тяготеет к философскому обобщению и поднимает основные проблемы романтизма. Кроме того, в данных новеллах особым местом действия становятся горы, в которых расположены развалины замка Руненберг (у Тика), Фалунские шахты (у Гофмана), вершины, леса и пещеры Шварцвальда (у Гауфа).

В новелле *Тика «Руненберг»* возникает антитеза «горы – долина». В представлении романтиков горы являются хранителями тайн мироздания, символом возвышенного, вечно таинственного и идеального, долина же символизирует патриархальный быт и труд, «низ» человеческих устремлений, их материальную и повседневную сторону. Устремление главного героя Христиана к горным вершинам можно рассматривать в русле общегерманского мотива бегства к природе от прозы жизни. Это подтверждает и движение сюжета: метания героя между равниной и дикими горами завершаются окончательным уходом в горы.

Мотив *бегства от обыденности в мир природы* соединяется с мотивом *странничества*. Сначала Христиан уходит от родных, движется из замкнутого пространства дома в большой, безграничный мир. Но если в первый раз его манят горы, то во второй – блеск драгоценностей. Таким образом, из реального, человеческого мира Христиан попадает в ирреальное пространство – мир духов. Но Христиан как романтический герой всё же движется скорее не к конкретной цели, а блуждает по миру без конца. Отсюда и «сквозной» мотив *круга* в новелле, который подчеркивается и через символику природных циклов, через временные координаты.

Тайны бытия – это не единственные сокровища, которые хранят горы. Человек так же пытается извлечь из недр земли скрытые руды металлов и драгоценные камни, как получить от природы ответы на вопросы о секретах мироздания. Горы как источник *богатств* (материальных или духовных) изображены и в *новелле Гофмана «Фалунские рудники»*.

Герой этой новеллы молодой моряк Эллис Фрёбем отправляется работать в рудники, преследуя двойную цель – он не только желает разбогатеть, выбраться из нищеты, но и, увлеченный рассказами старого рудокопа Торберна, пытается найти смысл жизни, отображенный в «неподвижных каменных глыбах» (Гофман 1991: 142), обрести вечные истины.

В качестве хранителя сокровищ земли выступает старый Торберн, который символизирует и вечную мудрость: он считает, что только тот, кто целиком посвящает себя делу и полностью забывает о личных пристрастиях, об эгоизме, может постичь тайны бытия. Известное «*двоемирие*» Гофмана проявляется в стремлении Элиса к чудесам подземного мира при презрении к жизни «наземной», которая становится для него пустой, непривлекательной.

В новеллистике романтиков шахты образуют подземные лабиринты, в них люди пытаются извлечь из горной породы драгоценные руды.

Движение героя *в глубь горы* – это стремление к заветной цели, к мечте и тайне. Данный путь запутан, сложен, здесь масса тупиков, как и в лабиринте.

Метафора лабиринта значима для романтизма – это и метафора человеческого бытия вообще, и конкретно романтического сознания. В горном мире это путь к сердцевине горы, путь в иное – «неземное» – измерение, к тайнам природы. Он согласуется с древнейшим и вечным представлением о нисхождении человека в подземный мир. В отличие от «Руненберга», где существует антитеза «горы – равнина», в новелле Гофмана противопоставлены еще море и горы (широта, бескрайность – ограниченное, замкнутое пространство).

Одна из центральных тем новеллы Гофмана – тема развращающей силы *золота* – продолжается и в новелле **В. Гауфа «Холодное сердце»**. Молодой угольщик Петер Мунк, движимый жаждой обогащения, также стремится получить богатство и славу при помощи волшебства, но получает каменное сердце, которое приносит страдания ему самому и его близким. И опять только с помощью волшебства ему удастся вернуть «живое» сердце, а вместе с ним – радость жизни и доброе отношение людей. Противопоставление живого, человеческого и каменного, холодного сердца в новеллах Гофмана и Гауфа объясняется губительной силой золота, под влиянием которого герои утрачивают человечность, лучшие свои качества, становятся равнодушными и причиняют страдания окружающим.

Но при этом Гауф более детально следует поэтике волшебной сказки, в том числе и в создании фантастического сюжета. Действие инспирируется во многом благодаря вводу «волшебных» персонажей, так или иначе руководящих судьбой героя. Одним из приёмов становится противопоставление волшебного помощника, который выручает главного героя (Стеклянный человечек – карлик), и коварного злодея (великан Голландец Михель).

Анализ представленного материала позволяет сделать следующие выводы:

1) Если в «Руненберге» образ горы более абстрактен (не соотносится с какой-либо реальной горой, как в мифе), то в «Фалунских рудниках» дается точное указание на местонахождение шахт, а в произведении Гауфа содержится даже небольшая географическая и этнографическая справка об окрестностях и быте жителей Шварцвальда. Романтический хронотоп Тика тяготеет к архетипической мифологической модели бытия, а в более поздних произведениях (Гофмана и Гауфа) время и пространство конкретизируются, хотя и связаны генетически с «моделью мира» мифа.

2) Во всех трех произведениях можно выделить единый мотив гор, но трактовка его у авторов различна: в произведении Тика делается акцент на символический образ горы, которая представляет собой мироздание и гармоничную связь всего живого на земле, а в «Фалунских рудниках» шахты и горные массы представляются главному герою прежде всего

хранителями драгоценных камней и металлов. В сказке Гауфа горы – обиталище волшебных существ.

Наиболее обобщенно (с позиций натурфилософии) осмысленный Тиком мотив гор передает идею взаимосвязи человека и природы, нарушение которой может привести к непредсказуемым последствиям. У Гофмана скалистые вершины, природные богатства которых охраняют горные духи, окутаны мистическим страхом, испытываемым человеком, который привык к равнине или к морскому простору. Для Гауфа причина таинственной ауры гор таится в духах, которые их населяют. Для «Руненберга» и «Холодного сердца» общим является идея развращающей страсти к золоту, а в произведении Гофмана главного героя губит желание обогащения.

3) Общее и различное можно выделить в *функциях фольклорно-мифологических образов* в исследуемых произведениях. Они являются неотъемлемой частью земных недр, как отражение верований о горных духах, становятся хранителями природных сокровищ (Гауф), оказывают мистическое и роковое влияние на главного героя (Тик), выполняют роль «наставников» героя в русле назидательных задач произведения (Гауф).

Таким образом, «горный» мотив является в романтизме проявлением мифологического сознания, демонстрируя интерес романтиков к тайнам бытия, природы, всему фантастическому и необычному. С другой стороны, он является средством раскрытия их философских устремлений. Речь идет о представлении о мире как единстве *противоположностей*. Весь мир романтических произведений соткан из контрастов (горы – равнина, свет – тьма, земля – подземелье), а человек в этом противоречивом мире находится в состоянии постоянного *испытания*. И одно из них – попытка проникнуть в тайны природы, путь к которым лежит через горные вершины и лабиринты подземелья.

Итак, важным связующим началом всех названных новелл выступают не только единство общегерманского мифологического материала, следование авторов немецким романтическим традициям, но и некий общий «германский дух», выраженный кроме всего прочего в пристальном внимании ко всему национальному, но более всего – в дуалистическом видении мира и человека.

Брандес Г. Главные течения в европейской литературе XIX века / Г.Брандес – М., 1893. – 315 с.

Гауф В. Холодное сердце / В. Гауф // Гауф В. Избранное – М.: «Радуга», 1986. – С. 178-221

Гофман Э.Т.А. Фалунские рудники / Э.Т.А.Гофман // Собр. соч. в 2-х томах –Т.1– Минск : «Navia Morionum», 1991. – С.138-157

Тик Л. Руненберг / Л.Тик // Немецкая романтическая повесть /Сост. Н.Я.Берковский. В 2-х тт. – Т.1 – М., Л.: «Academia», 1935. – С.181-209

Художественная картина мира

О.А.Зиновьева

Концепт *Москва* в поэтической картине мира Б.Л.Пастернака

Термин *картина мира* в лингвистической науке определяется, как «упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» (Попова, Стернин 2006: 36). Исследование образов пространства, формирующих модель мира в художественном произведении, несущем вторичную художественную картину мира, предполагает связь их с когнитивным сознанием автора, с культурой, и, таким образом, с общенародной картиной мира. «Если пространство является универсальной составляющей картины мира, отражённой в различных текстах, то его можно считать категорией картины мира, и, рассматривая пространство на материале художественного текста, можно реконструировать фрагмент модели мира» (Фролова 2001: 147).

Данная статья посвящена исследованию признаков концепта *Москва* в поэзии Б.Л.Пастернака. Цель исследования – выявить индивидуально-авторские признаки концепта *Москва* в творчестве поэта.

В процессе рассмотрения контекстов, в которых встречается оним *Москва*, были выявлены особенности его лексической сочетаемости. *Москва* в сознании Б.Л.Пастернака одушевляется, выступает как носитель действия (агенса). В поэтическом тексте это выражается посредством синтаксических конструкций, в которых *Москва* становится компонентом предикативного сочетания «Москва – глагол-сказуемое» и выступает как агент следующих действий: встречает, играет, кувыркается, пляшет, мёрзнет, ползёт, встаёт, строится.

Спецификой образа города в творчестве Пастернака становится динамика, движение. «Движение, – как писал академик Д.С.Лихачёв в предисловии к избранным сочинениям Пастернака, – настолько характерно для его поэзии, что отдельные стихотворения как бы не имеют конца, движутся не останавливаясь, не имеют законченной формы, статического строения» (Пастернак 1985, т.1, с.10).

Остановимся подробнее на описании значений лексемы *Москва*:

Москва – образ города, одушевляемого в индивидуальном восприятии, в сознании поэта:

*Москва в огнях играла, мёрзла,
Роился шум,
А бриг вздыхал, и штивень ёрзал,
И ахал трюм.
(Матрос в Москве, 1919)*

*Опять опавшей сердца мышцей
Услышу и вложу в слова,
Как ты ползёшь и как дымишься,
Встаёшь и строишься Москва.
(Волны, 1931)*

Москва – строения в черте Москвы:

*Мой поезд только тронулся,
Ещё вокзал, **Москва**,
Плясали в кольцах, в конусах
По насыпи, по рвам.
(Образец, 1917)*

Москва – пространство города:

***Москва** встречала нас во мраке,
Переходившем в серебро,
И, покидая свет двоякий,
Мы выходили из метро.
(На ранних поездах, 1940)*

В других примерах конструкции, в которых встречается лексема *Москва*, представляют собой эллиптические предложения, где пропущено сказуемое, несмотря на то, что потенциально оно имеет своё место в контексте и грамматически предсказуемо.

*Оглянись и ты увидишь
До зари, весь день, везде,
С головой **Москва**, как Китеж, –
В светло-голубой воде.
(Весна, 1914)*

*Мечтателю и полуночнику
Москва милей всего на свете.
Он дома, у первоисточника
Всего, чем будет цвести столетье.
(Весна, 1914)*

Во втором контексте **Москва** определяется, как «родной город, родина поэта».

В авторском мировосприятии может актуализироваться и такой признак: **Москва** – это «город со следами прошедшей войны».

*Пещерный век на пустырях щербатых
Понурыми фигурами проныр
Напоминает города в Карнатах:
Москва – войны прощальный сувенир.
(Спекторский, 1925-1931)*

В поэзии Б.Л.Пастернака оним *Москва* встречается и в прямом значении «**Москва** – главный город, столица России». Поэт употребляет географическое название *Москва* в предложно-падежных конструкциях «предлог – имя собственное» (в Москве, к Москве, по Москве, под Москвой), которые структурируют пространственные отношения. Учитывая связь лексико-семантического и грамматического аспектов при концептуальном анализе содержания топонима *Москва* в поэтических произведениях Б.Л.Пастернака, отметим, что в творчестве поэта **Москва** – это «фрагмент пространства, в котором или относительно которого (близко от него) протекает бытие поэта». Заметим, что данный признак онима коррелирует с одним из приведённых ранее признаков: «родной город, родина поэта»

*В ту ночь я жил в **Москве** и в частности
Не ждал известий от бесценной...
(На днях, в тот миг..., 1921)*

*Мечтателю и полуночнику
Москва милей всего на свете.
Он дома, у первоисточника
Всего, чем будет цвести столетье.
(Весна, 1914)*

В поэзии Б.Л.Пастернака есть фрагмент, в котором *Москва* обозначена устойчивым эпитетом «первопрестольная».

*Безвольные, по всей **первопрестольной**
Сугробами, с сугроба на сугроб,
Раскачивая в торбах колокольни,
Тащились цепи пешеходных троп.
(Спекторский, 1925-1931)*

Употребляя эпитет *первопрестольная* вместо собственного имени, поэт имеет в виду признак: «относящийся к старейшей столице России, к Москве». В толковом словаре под ред. С.А.Кузнецова приводится следующее значение слова «первопрестольная»: «*почётно-торжественное название Москвы с начала 18в. после перенесения из неё столицы в Петербург*» с пометой «устар.»». Имея в виду общеизвестный факт, поэт намеренно не упоминает названия города, отсылая читателя в область исторической аллюзии (исторической, общекультурной пресуппозиции). К тому же топоним *Москва* встречался и в предыдущих фрагментах текста, подготовивших читателя к восприятию данного эпитета.

Таким образом, исследование концепта *Москва* в творчестве Б.Л.Пастернака показало, что он имеет многослойную структуру и содержит в себе признаки, не выявляемые в поэзии XIX века. Если в поэзии А.С.Пушкина Москва одушевляется в значениях «народ» и «государственная власть», то в поэзии Б.Л.Пастернака референт имени уже иной, из другого тематического ряда, объективированный как город в сознании, в воображении.

По нашим наблюдениям, в творчестве А.С.Пушкина топоним Москва в большинстве своём употребляется в сочетании с определениями (предикатами): шумная, великая, мирная, ненавистная, древняя, пышная, пылающая, белокаменная, рассеянная, надменная, коленопреклонённая, стоглавая, дымная и др., которые несут индивидуально-авторскую оценку, а в творчестве Б.Л.Пастернака *Москва* сочетается в основном с глаголами движения.

Концепт *Москва* в поэзии Б.Л.Пастернака складывается из следующих признаков:

Москва – одушевлённый в индивидуальном восприятии, в сознании образ города;

Москва – фрагмент пространства, в котором или поблизости от которого (в Подмоскovie) протекает бытие поэта; родной город, родина поэта;

Москва – старейшая столица России («первопрестольная»);

Москва – город со следами прошедшей войны;

Москва – пространство города;

Москва – строения в черте Москвы.

В индивидуально-авторском концепте Б.Пастернака отражены признаки концепта Москва, характерные для его времени и связанные со спецификой его поэтического мировидения: следы войны, куча щебня, отражение в воде, Подмоскovie.

Современный толковый словарь русского языка// Гл. ред. С.А.Кузнецов. – М.: Ридерз Дайджест, 2004. – 960с.

Фролова О.Е. Пространство повествовательного художественного текста// Лингвистика на рубеже эпох: историко-типологические и семантические исследования: сб-к статей. – М.: РГГУ. – 393с.

И.Э. Петунина

Концепт *смерть*

(на материале русской художественной литературы
онца XX – начала XXI вв.)

Как известно, концепт является принадлежностью сознания человека, глобальной единицей мыслительной деятельности (КСКТ: 90 - 92). Упорядоченная совокупность всех концептов нации составляет концептосферу народа.

Язык (в частности, язык художественной литературы) – одно из средств доступа к сознанию человека, его концептосфере, к содержанию и структуре концептов как единиц мышления. Исследование семантики языковых единиц, объективирующих концепты, позволяет получить доступ к содержанию концептов (Попова, Стернин 2006: 14).

Данная статья посвящена анализу содержания концепта *смерть*. Исследование проводилось посредством одного из лингвокогнитивных методов – анализа семантической структуры исследуемой лексемы, осуществляемого на основе изучения ее лексической сочетаемости. Источником практического материала послужили художественные произведения русских прозаиков конца XX – начала XXI вв. (В. Маканина, Викт. Ерофеева, В. Пелевина, А. Кима, Л. Улицкой и др.).

В процессе исследования мы опирались на данные Современного толкового словаря русского языка под ред. С.А. Кузнецова (Кузнецов 2006).

Был проанализирован 301 пример употребления лексемы *смерть*.

В результате в рамках исследуемого материала были выявлены случаи употребления лексемы *смерть* в значениях, отраженных в словаре.

1. Лексема *смерть* в прямом номинативном значении Д1 обозначает прекращение жизнедеятельности организма и гибель его (биол.).
Констатировать с. Физиологическая с. – 3 употребления:

В сырой темноте и тесноте осинника пряталась своя жизнь с ее личной смертью и с неукоснительным Воскресением (А. Ким. Сбор грибов под музыку Баха).

2. Производно-номинативное значение лексемы *смерть* Д2 – прекращение существования человека, животного – очень широко представлено в исследуемой художественной литературе – 235 употреблений:

Он думает вдруг о смерти своего приятеля Павлова – как умер? (В. Маканин. Лаз);

Но что тогда можно сказать о жизни человека, который от рождения до смерти не испытал на себе ни капли любви? (А. Ким. Сбор грибов...).

В рамках данного значения мы сталкиваемся с большим разнообразием употреблений исследуемой лексики в составе фразеосочетаний: **легкая смерть** (7 употреблений), **быстрая смерть** (18 употреблений), **скорая смерть** (3 употребления), **ранняя смерть** (1 употребление), **мучительная смерть** (2 употребления), **мученическая смерть** (1 употребление), **лихая смерть** (1 употребление), **насильственная смерть** (3 употребления), **голодная смерть** (2 употребления), **желать кому-л. смерти** или **хотеть чьей-л. смерти** (2 употребления), **идти на смерть** (1 употребление), **бояться смерти** (2 употребления), **умереть своей смертью** (Разг.; естественным образом, не насильственно) (1 употребление), **обрести смерть** (1 употребление), **под угрозой смерти** (1 употребление), **до смерти** (2 употребления):

Серемет Лагай вовсе не означало простого желания немедленно сдохнуть, а являло устремление к легкой, блистательной смерти, каковая одна только намекает на то, что смерть вообще ничто, некий фокус и обман, чистое надувательство (А. Ким. Поселок кентавров);

Татарский подумал, что их можно было бы продавать как чипсы, в пакетиках, и здесь, видимо, скрывалась одна из дорог к быстрому обогащению, джипу, рекламному клипу и насильственной смерти (В. Пелевин. Generation "П").

У Викт. Ерофеева было выявлено фразеосочетание **счастливая смерть** (3 употребления), не зафиксированное в словаре:

...они [жители Амстердама – И.П.] не проверялись, не делали тесты – верили в счастливую смерть... (Викт. Ерофеев. Страшный суд).

3. По следующему переносному значению Д2 **смерть** – это гибель, уничтожение чего-л. *С. таланта. С. души* – 4 употребления:

Так, как он написал "Тихий Дон" о смерти казачества, так никто не написал (Викт. Ерофеев. Мужчины);

– А чего, тряхну стариной... Какая легенда у нашего брэнда?

– Я же сказал – смерть экстра-класса (В. Пелевин, Generation "П").

В художественных текстах был обнаружен фразеологизм, в составе которого лексема **смерть** представлена в мотивированном коннотативном значении К1. **До смерти**, в зн. нареч. Разг. Очень, крайне – 2 употребления:

... "Ох, устала до смерти..." (Л. Улицкая. Медя и ее дети).

4. Лексема **смерть** развивает и другую коннотацию. В функц. сказ. Разг. Плохо, нехорошо; горе, беда – 2 употребления:

– ...Симметрия – смерть! Полная остановка! Короткое замыкание!.. (Л. Улицкая. Веселые похороны).

В рамках исследуемого материала также была выявлена коннотативное значение лексики **смерть** К1, не отмеченное в толковом словаре, – ритуал, осуществляемый над умершим – 1 употребление:

Она все про смерть знала. Как надо. Обмывать, обряжать, оплакивать (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого).

По мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, одним из базовых слоев структуры концепта является образ. Чувственный образ может быть выражен признаками, формируемыми метафорическим осмыслением того или иного явления. Известно, что образы, обнаруженные у абстрактной лексики, тоже имеют чувственный характер (как и образы для конкретной лексики), но более субъективны (Попова, Стернин 2006: 75).

Представляют интерес когнитивные признаки концепта *смерть*, выявленные при анализе метафорического употребления исследуемой лексемы, поскольку когнитивный образ отсылает абстрактный концепт к материальному миру.

1. В рассмотренных художественных произведениях *смерть* предстает в образе некоего одушевленного существа – 15 употреблений. Например:

Хотя имеет место и русский, с оттяжкой, волюнтаризм: «Сорок пять. Баба – ягодка опять». Но дальше не задерживайся – помирай: «Пришла смерть по бабу, не указывай на деда» (Викт. Ерофеев. Мужчины);

Наплывающий российский капитализм со всеми своими прелестями уже беременен «грубым гунном» в новой желтой кофте, сочиняющим (укушенный смертью) новое «Нате!».

В одном случае *смерть* концептуализируется через метафору разбойник:

Знали о мирной кончине, безболезненной и непостыдной, знали о разбойничьем, незаконном вторжении смерти, когда гибли молодые люди, прежде своих родителей... (Л. Улицкая. Медея и ее дети).

Еще в одном случае возникает образ собаки (собака как символ смерти):

– Вот эта собачка – ее смерть. А эта баба в кивере – она сама [описание барельефа – И.П.] (В. Пелевин, Generation "П").

Между человеком и *смертью* складываются особые отношения. С одной стороны, *смерть* связана с опасностью и вызывает страх, однако герои современных текстов не отказываются от борьбы с соперником, который априори одержит победу; с другой стороны, *смерть* можно обмануть и в некотором смысле даже одержать победу над ней. Например:

Мужчины молчат о своих тайнах, делая вид, что их нет... Они втихомолку боятся смерти, только видно, как ходит кадык (Викт. Ерофеев. Мужчины);

Третий академик, всемирно известная женщина Лепенненская, без пяти минут как победила старость и без десяти – самое смерть (В. Маканин. Андеграунд или Герой нашего времени).

Смерть в художественных текстах не только одушевляется, но и опредмечивается – 5 употреблений:

Хотя война шла уже давно, но она была далеко, а здесь смерть была еще штучным товаром (Л. Улицкая. Медя и ее дети);

Меняем смерть на реинкарнацию, крысу на супермаркет, шпану на полицию...(Викт. Ерофеев. Мужчины);

Со смертью оказывается связан образ ангела – 1 употребление:

Они [невидимые спасатели – И.П.] стремительно приближались, неотвратимые, как ангелы смерти, – и вдруг землю потряс... мощный удар со стороны города...(А. Ким. Поселок кентавров).

Смерть концептуализируется русскими писателями и через образ воздуха – 1 употребление:

Дверь через свои металлические поры дышит смертью, ибо сзади, за дверью, находится небольшая, но опять же достаточная рентгеновская «пушка» (В. Маканин. Лаз).

У Виктора Ерофеева и Людмилы Улицкой со смертью связаны два позитивных по своей природе образа: образ праздника и пляски – по 1 употреблению:

... для Ахматовой и Пастернака похороны были праздником, на них соберутся люди – это сказочный театр – после труда умирания праздник смерти...(Викт. Ерофеев. Страшный суд);

Наконец музыка загремела, но не успел народ загудеть, вклинившись в эту паузу, как они развернулись в другую сторону, и пошла другая музыка – древняя, жуткая...

– Пляска смерти, - догадался Алик (Л. Улицкая. Веселые похороны).

В произведении Анатолия Кима смерть представляется в образе карусели – 1 употребление:

А вокруг огромных валунов, лежавших посреди зеленой лоцины, закрутилась настоящая карусель кентаврской смерти (А. Ким. Поселок кентавров).

В художественном сознании русских писателей конца XX – начала XXI вв. смерть связана с рядом пространственных образов – всего 13 употреблений:

...значит, нужно придумать себе такую мечту и теорию, что завтра непременно будет лучше, чем сегодня, – и скорее скакать в завтра. А завтра - это не только завтрашнее сегодня, что было бы полбеды. Завтра – в перспективе – это смерть. И все скачут в смерть сломя голову (Викт. Ерофеев. Мужчины);

В ряде примеров смерть представляет собой некоторую точку в пространстве, к которой все люди так или иначе должны прийти – 5 употреблений:

Медя ...радовалась...тихому мужеству, с которым он переносил боль, бесстрашно приближался к смерти... (Л. Улицкая. Медя и ее дети);

...приблизившейся вплотную к смерти, и в том же самом ракурсе видел каштановые подобранные волосы, тонкие ноздри и брови с кисточками (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого).

Прототипическим образом *смерти* можно назвать образ тоннеля (и света в его конце) или окна в конце коридора – 4 употребления:

Человек (его подсознание) и в снах на чеку. Тоннель говорит о смерти. В наши дни это знает всякий (В. Маканин. Андеграунд);

– Ты веришь, - спрашивал он, - что нас ждет свет в конце тоннеля?

– Это ты о том, что будет после смерти? (В. Пелевин. Жизнь насекомых);

Что до светящегося окна ...в конце коридора... оно не означает, кстати сказать, выхода: не означает ни входа, ни конца туннеля, ни путеводной звезды, ни даже знака – это просто наша физическая смерть

Смерть концептуализируется также при помощи когнитивного образа долина – 2 употребления:

...я в Долине Смерти! Ты что, уже умер? – удивилась Ирма – впрочем, не слишком сильно... (Викт. Ерофеев. Страшный суд).

Индивидуальным когнитивным образом можно считать негативное восприятие *смерти* (тесное, смрадное место) – 1 употребление:

...не выветрилось воспоминание о многочасовом объятии в парадном, в десятисантиметровой близости от сдавленной толпы, от самой смерти, которая представлялась с тех пор обеим как тесное, смрадное место, где несчастные узники сдавлены и спрессованы до полной неразличимости лиц, конечностей, самых душ... (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого).

С определённой можно сделать лишь вывод о том, что *смерть*, приобретая некоторые очертания в пространстве, осмысливается как нечто конкретное, а значит, и более понятное.

Следующий базовый слой структуры концепта – интерпретационная зона. В анализируемых текстах обнаруживаем интерпретации, позволяющие взглянуть на понятие *смерть* не только в традиционном ключе, но и с философской точки зрения:

А смерть – это замена знакомого утреннего пробуждения чем-то другим, о чем совершенно невозможно думать (В. Пелевин. Generation "П")

...смерть превращается в исцеление от смерти... (Викт. Ерофеев. Страшный суд).

В одном из романов Л. Улицкой встречаем пословицу русского народа:

...на миру и смерть красна... (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого).

В целом в восприятии *смерти* приоритет остается за традиционным пониманием этого понятия (одушевление, опредмечивание смерти, негативные эмоции по отношению к ней, страх перед смертью). Однако имеет место и философское отношение к этому явлению, в соответствии с которым отрицается ее существование или *смерть* в жизни любого существа признается лишь моментом перерождения, вслед за которым наступает существование в новой форме. В данном случае, вероятно, имеет место влияние буддийской идеологии.

В текстах исследуемых писателей встречаются и положительные оценки *смерти*, такие как *счастливая, блистательная*. Обнаружены образы, связанные с позитивным восприятием *смерти*: праздник, пляска, карусель. Эти факты наводят на мысль о том, что современный человек, пытаясь абстрагироваться от неминуемости смерти, делает попытку осмыслить суть этого явления, причину его необходимости, и при этом находит некоторые положительные аспекты в *смерти*.

Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. М., 1996.

Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. Спб.: «Норинт», 2006.

Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж, 2006.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1999.

Н.Б. Подвигина

Концепт «пост» в произведении И.С. Шмелева «Лето Господне»

Большинство произведений И.С. Шмелева пронизано христианским мировидением, которое он называл купелью русской литературы. Писатель не раз подчеркивал, что «истинное искусство глубоко религиозно» (Памяти Ивана Сергеевича Шмелева 1956: 322). Свою задачу Шмелев видел в том, чтобы «обожить искусство», создать «новую эстетику». С годами это стремление крепло, определив своеобразие творческих исканий писателя. В его произведениях, будь то небольшие рассказы, повести или романы («Под небом», «Человек из ресторана», «Лик скрытый», «Няня из Москвы», «Богомолье», «Лето Господне», «Пути небесные» и др.), немало христианских образов и мотивов, а мысли и поступки персонажей контролируются глубоким религиозным чувством: «Без Господа не проживёшь».

Очень точно передать русский быт, прежде всего православный, автору удалось благодаря введению в свои произведения большого количества православной лексики. Задачей данного исследования является рассмотрение концепта «пост» в произведении И.С. Шмелева «Лето Господне».

Концепт – (лат. «схватывание, восприятие») – процесс «схватывания» смыслов вещей в единстве речевого высказывания. Авторы исследований концепта, появившихся в последнее время, дают ему разные определения.

Н.Д. Арутюнова считает, что концепт – это «понятие практической философии, отражающее различные факторы реальной действительности» (Арутюнова 1998: 256).

Р.М. Фрумкина называет концептом вербализованное понятие и связывает его формирование с трактовкой смысла, существующего в человеке и для человека и ориентированного на «означивание и коммуникацию» (Фрумкина 1995: 45).

Концепт «является ментальной репрезентацией, которая определяет, как вещи связаны между собой и как они категоризируются» (Бабушкин 1996: 85).

Н.Ф. Алефиренко считает концепт когнитивной (мыслительной) категорией, квантом знания, сложным, жестко не структурированным смысловым образованием описательно-образного и ценностно-ориентированного характера (Алефиренко 1999: 362).

За основу данного исследования принимается концепция Воронежской теоретико-лингвистической школы, согласно которой «концепт понимается как глобальная мыслительная единица, представляющая собой квант структурированного знания» (Попова, Стернин 2003: 91).

Итак, рассмотрим особенности репрезентации концепта «пост» у И.Шмелёва.

«Пост — это время воздержания от пищи животного происхождения, а также от плотского сожителства. Цель и смысл поста — в покаянии, обуздании и очищении мыслей и чувств, усиленном молитвенном обращении к Богу. Поститься — значит выражать послушание Господу, установившему пост» (Мовлева 2005: 378).

«Лето Господне» - произведение, состоящее из нескольких частей, первая из которых называется «Праздники». Начинается эта часть с описания Великого поста.

Великий пост является важнейшим и самым древним из многодневных постов. Задача этого поста — напомнить верующим о сорокадневном посте в пустыне Иисуса Христа, о Его страданиях на Кресте и о Светлом воскресении Его. Каждая неделя Великого Поста посвящена воспоминаниям какого-либо важного события или лица, призывающего грешную душу к покаянию и надежде на милосердие Божие.

В произведении И.С. Шмелева представлены православные реалии, связанные с Великим постом. Так, в последний день перед постом положено заговляться, т.е. есть ту пищу, которая будет запрещена в течение поста: «Поздний вечер. Заговелись перед постом. ...Мы сидим в столовой и после ужина доедаем орешки и пастилу, чтобы уж ничего не осталось на Чистый понедельник» (Шмелев 2003: 153).

Но заговины не приносят пользы душе: «Заговины — как праздник: душу перед постом порадовать... Мы с Горкиным разумеем: не душу порадовать, а мамону, по слабости, потешить.

- А какая она, мамона...грешная?

- Это вот самая она, мамона, - смеется Горкин и тычет меня в живот. — Утроба грешная. А душа о посте радуется» (Шмелев 2003: 53). Для верующего пост — время, когда «душу готовить надо. Говеть, поститься, к Светлому дню готовиться» (Шмелев 2003: 26). В это время нужно чаще,

чем обычно, посещать храм, усерднее молиться, чтобы душа не стала добычей черных сил.

К Светлому дню готовили не только душу, но и жилища: «Я просыпаюсь от резкого света в комнате: голый какой-то свет, холодный, скучный. Да, сегодня Великий пост. Розовые занавески, с охотниками и утками, уже сняли, когда я спал, и оттого так голо и скучно в комнате. Сегодня у нас Чистый понедельник, и все у нас в доме чистят» (Шмелев 2003: 26). Начало поста сопровождалось «выкуриванием масленицы», этим действием начинался Чистый понедельник: «Отворяется дверь, входит Горкин с сияющим медным тазом. А, масленицу выкуривать! В тазу горячий кирпич и мятка, и на них поливают уксусом. Старая моя нянька Домнушка ходит за Горкиным и поливает, в тазу шипит, и подымается кислый пар – священный...так называет Горкин. Он обходит углы и тихо колышет тазом. И надо мной колышет.

- Вставай, милоч, не нежься...- ласково говорит он мне, всовывая таз под полог. – Где она тут у тебя, масленица - жирнуха...мы ее выгоним.

Незабвенный, священный запах. Это пахнет Великий пост» (Шмелев 2003: 27).

Основная задача православного человека на протяжении поста – смирять дух и плоть. Поэтому дома «смирненные» - бедные, даже у богатых, ведь перед Богом все равны: «В доме открыты форточки ... Шторы с окон убрали, и будет теперь по - бедному до самой Пасхи. В гостиной надеты серые чехлы на мебель, лампы завязаны в коконы, и даже единственная картина – «Красавица на пиру» - закрыта простынею. Преосвященный так посоветовал...ковры убрали...» (Шмелев 2003: 28).

Очищению души и тела способствовала специфическая пища – постная: «...Горкин теперь ест без масла... Я знаю, что он засушил себе черных сухариков с солью и весь пост будет с ними пить чай – «за сахар» (Шмелев 2003: 27).

Но и постная пища имела свою привлекательность: «В буфете остались самые расхожие тарелки, с бурыми пятнышками-щербинками, - великопостные. В передней стоят миски с желтыми солеными огурцами, с воткнутыми в них зонтичками укропа и с рубленой капустой, кислой, густо посыпанной анисом, - такая прелесть. Я хватаю щепотками – как хрустит! И даю себе слово не скоромиться во весь пост. Зачем скоромное, которое губит душу, когда и без того все вкусно? Будут варить компот, делать картофельные котлеты с черносливом...маковый хлеб с красивыми завитушками из сахарного мака, розовые баранки, «кресты» на Крестопоклонной... Мороженная клюква с сахаром, заливные орехи, засахаренный миндаль, горох моченый, бублики и сайки, изюм кувшинный, пастила рябиновая, постный сахар – лимонный, малиновый, с апельсинчиками внутри, халва... А жареная гречневая каша с луком, запить кваском! А постные пирожки с груздями, а гречневые блины с луком по субботам...а кутья с мармеладом в первую субботу...а моченые

яблоки по воскресеньям,...а грешники, с конопляным маслом, с хрустящей корочкой, с теплою пустотою внутри!..» (Шмелев 2003: 29).

Все действия православных в период Великого поста были сориентированы на праздник Пасхи, Светлого Христова Воскресения: «В комнатах тихо и пустынно, пахнет священным запахом. В передней, перед красноватой иконой Распятия, очень старой, от покойной прабабушки, зажгли «постную», голого стекла, лампадку, и теперь она будет негасимо гореть до Пасхи. Когда зажигает отец – по субботам он сам зажигает все лампадки, - всегда напевает приятно-грустно: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко», - и я напеваю за ним, чудесное: «И святое ... Воскресение Твое славим!»

Радостное до слез бьется в моей душе и светит от этих слов. И видится мне, за вереницею дней поста, - Святое Воскресенье, в светах» (Шмелев 2003: 44).

Во время поста запрещено веселье: «... отец кричит:

- Поживей, поживей, ребята...к обеду чтоб все погребца набить!..

С крыши кричат:

- Ну-ка, робят, уважим хозяину, для весны!

...И мы хо-зяину ува-жим,

Ро-бо-теночкой до-ка-жем...

Подхватывают знакомое, которое я люблю: это поют, когда забивают сваи. Но отец велит замолчать:

- Ну, не время теперь, ребята... пост!» (Шмелев 2003: 41), но без веселья не обходится: ведь Великий пост частично приходится на начало весны: «В тревожно-радостном полусне я слышу ... торопящееся – кап-кап... Я просыпаюсь под это таратанье, и первая моя мысль: взялась! Конечно, весна взялась. Протираю глаза спросонок, и меня ослепляет светом. ...такой день чудесный, такой веселый, словно и нет поста. Да какой уж теперь и пост, если пришла весна. ...Сегодня пойдем с Горкиным за Москва – реку, ...на грибной рынок, где – все говорят – как праздник» (Шмелев 2003: 41).

Таким образом, на основе анализа произведения И.С. Шмелева «Лето Господне», можно определить следующие признаки концепта: Великий пост – время, когда нужно смирать душу и тело, готовиться к завершению поста – Светлому дню, то есть Пасхе, самому важному празднику в жизни православного человека. Верующие в течение поста готовили не только себя, но и свои дома, «очищали» их.

Но нарушения традиций постепенно привели к тому, что сейчас забыты почти все обычаи. Задачей писателя было сохранить, донести до потомства эти традиции, что стало возможным прежде всего за счет необычного стиля, необычного языка его произведений.

когнитивной лингвистике, 11- 14 сентября 2000 г. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев: В 2-х ч. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2000. - Ч.2.- С. 33 – 36.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: «Языки русской культуры», 1999. - 895 с.

Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1996. – 104 с.

Малый православный толковый словарь / Н.С. Мовлева. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2005. – 527 с.

Памяти Ивана Сергеевича Шмелева. – Мюнхен, 1956.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2001. – 191 с.

Фрумкина Р.М. Есть ли у современной науки своя эпистемология? // Язык и наука конца XX века. – М., 1995.

Шмелев И.С. Лето Господне. Человек из ресторана / И.С. Шмелев. – М.: Дрофа, 2003. – 540 с.

Н.Б. Подвигина

Языковая репрезентация концепта «церковь» (на примере произведения И.С. Шмелева «Лето Господне»)

Православные концепты обладают огромным информационным потенциалом, разнообразными историко-культурными коннотациями, являются хранителями значимой для определенного социума информации. Содержание и ценностная составляющая православных концептов с течением времени меняется, что приводит к появлению в их структуре «культурного осадка» прошлых эпох, на который наслаиваются новые, современные смыслы и оценки.

С целью выявления когнитивных признаков, составляющих структуру православных концептов, был проведен анализ произведения «Лето Господне». Лексемы, репрезентирующие концепты православной тематики, были расклассифицированы по выражаемым ими значениям.

В данном исследовании рассмотрены способы лексической объективации концепта «церковь» в произведении И.С. Шмелева «Лето Господне». Наиболее часто данный концепт объективируется посредством ключевой лексики «церковь». Как указывает этимологический словарь, данное «слово заимствовано ... праславянским языком (о чем свидетельствуют следующие формы: старославянское *црькы* – церковь; болгарское *цръква/черква* – то же; польское *cerkiew* – то же) из готского, где существительное *kirikō* (слово восстановленное) – церковь, или даже скорее из древнебаварского, где существительное *kirkō* означает то же. В свою очередь, в эти языки слово пришло из греческого, где существительное *kyriakos* имеет значение «господний (дом)». Со времени проникновения слова в состав русской лексики его лексическое значение не изменилось и включает две семемы.

Церковь - 1) религиозная организация духовенства и верующих, объединенная общностью обрядов и верований; 2) здание, в котором происходит христианское богослужение (Грубер 2007: 529).

Концепт «церковь» представлен в анализируемом произведении лексемами, выражающими значение «здание для христианского богослужения».

В этой группе примеров по способу вербализации концепта можно выделить следующие подгруппы:

- концепт вербализован лексемой «церковь»:

«На большом подносе – на нем я могу улечься – темнеют куличи, белеют пасхи. Входят на носках двое, высокие молодцы в поддевках, и бережно выносят обвязанный скатертью поднос... Понесли святить в церковь» (Шмелев 2003: 70).

«Горкин берет меня за руку...Он ведет меня в церковь, где еще темновато, прикладывает к Плащанице...» (Шмелев 2003: 70).

«На белой церкви светятся мягко ... матово-белые кубастики, розовые кресты меж ними, зеленые и голубые звезды» (Шмелев 2003: 71).

- концепт вербализован именем собственным, обозначающим название праздника, в честь которого была построена церковь:

«Перед Казанской толпа, на купол смотрят. У креста качается на веревке черненькое, как галка. Это Ганька, отчаянный. Толкнется ногой – и стукнется. Дух захватывает смотреть» (Шмелев 2003: 67).

«Благочинный начинает читать Евангелие. Я это учил недавно – о милосердном Самарянине. И думал тогда: вот так бы сделал папашенька и Горкин, если пойдем к Троице и встретим на дороге избитого разбойниками» (Шмелев 2003: 367).

- концепт вербализован именем собственным, обозначающим имя святого, в честь которого была построена церковь:

«Говорят про щиты и звезды, про кубастики, шкалики, про плошки...про какие-то «смолянки» и зажигательные нитки.

- Думаю, вот что...Крест на кумполе кубастиками бы пунцовыми?... щит на крест крепит Ганьку-маляра пошлешь...Пьяного только не пускай, еще сорвется.

- Нипочем не сорвется, пьяный только и берется...Новые веревки дам. ...На Христе – Спасителе у самых крестов качали, уберег Господь» (Шмелев 2003: 65).

«Солнце плывет к закату, снег на реке синее, холоднее.

-Благовестят, к стоянию торопиться надо, - прислушивается Горкин, сдерживая Кривую, - в Кремлю ударили?..

Я слышу благовест, слабый, постный.

- Под горкой, у Константина – Елены. Колоколишко у них старенький...ишь как плачет!

...От Кремля благовест, вперебой, - другие колокола вступают. И с розовой церковки... у Храма Христа-Спасителя, и по реке, подальше, где Малюта Скуратов жил, от Замоскворечья, - благовест: все зовут. Я

оглядываюсь на *Кремль*: золотится Иван Великий, внизу темнее, и глухой – не его ли – колокол томительно позывает - помни!» (Шмелев 2003: 78).

- концепт вербализован лексемой «храм»:

«Мы идем от обедни. Горкин важно идет, осторожно: медаль у него на шее, из Синода!..Третья уже медаль, а две – «за хоругви присланы». Но эта – дороже всех: за доброусердие ко *Храму Божию*» (Шмелев 2003: 57).

«В *храме* как-то особенно пустынно, тихо. Свечи с паникадил убрали, сняли с икон венки и ленты: к Пасхе все будет новое» (Шмелев 2003: 38).

- концепт вербализован лексемой «собор»:

«Окна розового дворца сияют. Белый *собор* сияет. Золотые кресты сияют – священным светом» (Шмелев 2003: 47).

«Это - мое, я знаю. И стены, и башни, и *соборы*...и дымные облачка за ними, и эта моя река, и черные полыньи...» (Шмелев 2003: 50).

Подводя итог данной работы, представляется целесообразным отметить, что для Шмелёва характерно использование слов в значениях, указанных в словарях, т.е. автор редко выступает как новатор. Однако многие поколения читателей узнают о православных традициях именно благодаря произведениям И.С. Шмелева, и в этом заключается их ценность.

Закон Божий. Руководство для семьи и школы / Издание Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2005.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. Том 1. – М.: ОЛМА – ПРЕСС, 2006.

Малый православный толковый словарь / Н.С. Мовлева. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2005.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 2003.

Шмелев И.С. Лето Господне. Человек из ресторана / И.С. Шмелев. – М.: Дрофа, 2003.

Этимологический словарь русского языка / Е. Грубер. – М.: ЛОКИД-пресс, 2007.

А.С. Трущинская

Актуализация компонентов композитивного концепта семья в русском и английском художественном тексте

Концепт *семья* по своему когнитивному характеру является композитивным, то есть представляет собой «определенную композицию (упорядоченную совокупность) ряда других однотипных концептов» - термин О.С.Фисенко (Фисенко 2005: 6).

В данной работе анализировалась объективация таких концептов, как *родственники, бабушка, дедушка, внуки*.

Были проанализированы следующие произведения современной русской литературы: *Альтист Данилов* (Орлов. В.), *Веселые похороны* (Улицкая Л.), *Второе лицо* (Улицкая Л.), *Закон обратного волшебства* (Устинова Т. В.),

Замыслил я побег... (Поляков Ю.), *Зимой в Афганистане* (Ермаков О.), *Кавказский пленный* (Маканин С. В.), *Казенная сказка* (Павлов О.), *Козленок в молоке* (Поляков Ю.), *Конец века* (Павлов О.), *Пикник* (Курчаткин А.), *Роковая ошибка* (Рощин М.), *Сквозная линия* (Улицкая Л.), повести и рассказы из сборников Д. Рубиной *Астральный полет души на уроке физики*, *Когда выпадет снег*, В. С. Токаревой *Маша и Феликс*, Щербаковой Г. *Отчаянная осень*. Общее количество слов составляет около 1000000.

Также были проанализированы следующие произведения на английском языке: *Bridge across forever* (R. Bach), *Bridget Jones's Diary* (Helen Fielding), *Chocolat* (Joanne Harris), *Cover of Night* (Linda Howard), *How to be good* (N. Hornby), *The Secret Dreamworld of a Shopaholic* (Sophie Kinsella), *The Known World* (Edward P. Jones), *Mercy* (Julie Garwood), *Success* (M. Amis). Общее количество слов составляет около 1000000.

Анализ показал, что в рамках представленного материала актуализированы следующие когнитивные признаки исследуемого концепта:

1. Родственники стараются помочь в трудной ситуации (18 примеров).

Тоне было хуже всех, у нее не было в Москве ни друзей, ни знакомых, ни родственников (Г. Щербакова).

2. У родственников между собой теплые, дружеские отношения (10 примеров).

И в ее душе рождалось что-то хорошее, теплое, родственное (В. Токарева).

3. Родные – это близкие люди (5 примеров).

Здесь оставались его родители и друзья, то, что называется родные и близкие, охота и рыбалка, работа и вечера, люди и земля, кусок земли. Вне этого он – ничто (В. Токарева).

4. С родственниками не разывают отношения (4 примера).

Мы с тобой глубокие родственники, а родственников не бросают и не меняют (В. Токарева).

5. Родственники отмечают праздники вместе, часто встречаются (4 примера).

Ляльку долго не встречала: ни на каких родственных днях рождениях она не появлялась, а на похоронах было не до того... (Л. Улицкая).

6. Положение родственников может влиять на жизнь (3 примера).

– КГБ... Или как они там теперь называются?

– Это, наверное, из-за Борьки. Родственники за границей и все такое... (Ю. Поляков).

7. Родственники должны хорошо ладить друг с другом. Быть снисходительными (2 примера).

Да от кого угодно не стерпи, а от родного все стерпи и спасибо скажи! (Г. Щербакова).

8. Родственники входят в круг семьи (2 примера).

Спасибо, конечно! Но тут должны быть свои люди, родные...
(Г. Щербакова).

9. У родственников много общего (2 примера).

Он, Николай Борисович Земский, уважает и творцов прошлого, в иных из них, скажем в Бетховене, видит родственную себе натуру и жалеет их, шедших ложным путем (В. Орлов).

9. Родственникам дарят ненужные вещи (1 пример).

Потом дожидаться, пока оно засахарится, и раздаривать его родственникам (Д. Рубина).

10. Родственники первыми приходят на помощь (1 пример).

– Я позвоню его родным, – сказала мама (Г. Щербакова).

11. Родственники – предмет разговора (1 пример).

Ни про каких других родственников я ничего не слыхала. А вы, Клавдия Фемистоклюсовна? (Т. Устинова).

12. Родственники стараются жить рядом друг с другом (1 пример).

С одной стороны, туда переехали уже все родственники и на пенсию можно прожить безбедно (В. Токарева).

13. Родственники рассказывают друг другу о своих проблемах (1 пример).

Вопрос-то простой, человеческий, ей, Леле, в сущности, и ответа на него не надо, она просто так с сестрой поделилась, по-родственному (Г. Щербакова).

14. Родственники могут ссориться из-за наследства (1 пример).

Чего это родственники тихо лаются? Наследство делят? (Г. Щербакова).

15. В родственниках могут не нуждаться, не проявлять к ним уважения (1 пример).

А люди постарше, даже неплохо в свое время подзаработавшие на этом творческом методе, если и вспоминают о нем, то как о давно усопшем родственничке, часто дававшем на мороженое, но при этом все время читавшем нудные нотации... (Ю. Поляков).

16. Родственники имеют внешнее сходство (1 пример).

– Что ж, это возможно, если кровные родственники растут в разной культурно-знаковой среде. Но вы все равно не братья (Ю. Поляков).

17. Родственников нельзя обманывать, подводить (1 пример).

А вот Чубакка на самом деле гад, потому что у нас есть такое джентльменское соглашение: друзей, знакомых, подруг и родственников не кидать (Ю. Поляков).

18. У родственников могут быть грубые отношения между собой. (1 пример).

Голосом тещи он овладел настолько, что Недвижимец начал на него даже по-родственному покрикивать, а потом и поколачивать (Ю. Поляков).

19. Родственниками дорожат (1 пример).

Ведь письмо, под диктовку составленное на почте, совсем не то, что весточка, написанная родной рукой (Ю. Поляков).

20. Родственникам доверяют самое ценное (1 пример).

Скорее всего, хранятся у родственников или кладутся рядом с усопшим в гробик, узкий и длинный, как футляр для бильярдного кия (Ю. Поляков).

21. Родственники получают наследство (1 пример).

Родни-то у него настоящей все равно нет (Л. Улицкая).

Полевая стратификация когнитивных признаков концепта *родственники* выглядит следующим образом:

Ядро – *родственники стараются помочь в трудной ситуации* 18; *у родственников между собой теплые, дружеские отношения* 10.

Ближней периферия – *родные – это близкие люди* 5, *с родственниками не разывают отношения; родственники отмечают праздники вместе, часто встречаются* 4.

Дальняя периферия – *положение родственников может влиять на жизнь* 3; *родственники должны хорошо ладить друг с другом, быть снисходительными; у родственников много общего* 2.

Крайняя периферия – *родственникам дарят ненужные вещи; родственники первыми приходят на помощь; родственники – предмет разговора; родственники стараются жить рядом друг с другом; родственники рассказывают друг другу о своих проблемах; родственники могут ссориться из-за наследства; родственниками могут не нуждаться, не проявлять к ним уважение; родственники имеют внешнее сходство; родственников нельзя обманывать, подводить; у родственников могут быть грубые отношения между собой; родственниками дорожат; родственникам доверяют самое ценное; родственники получают наследство* 1.

В английских произведениях актуализируются следующие когнитивные признаки исследуемого концепта:

1. Родственники помогают друг другу, заботятся друг о друге (4 примера).

Augustus did not seek a petition for Mildred his wife when he bought her freedom because the law allowed freed slaves to stay on in the state in cases where they lived as someone's property, and relatives and friends often took advantage of the law to keep loved ones close by (Edward P. Jones).

2. Родственники могут не нуждаться друг в друге (2 примера).

There's my brother (see 'Parents' above), who I know is unhappy, and yet I haven't seen him since the day of the party; various other relatives, including mum's sister Joan, who is still waiting for a thank-you for a very generous... oh God, never mind that one (N. Hornby).

3. С родственниками обсуждают происходящее (1 пример).

All my nearest and dearest know who Barmy Brian is, just as they know the names of every one of my heartsink patients, and I have told David that if either of my children attach an adjective, any adjective, to his first name in his presence, then he or she will not be eating en famille for a statutory minimum two years, including Christmas Day and birthdays (N. Hornby).

4. Родственникам нужно делать подарки, оказывать знаки внимания (1 пример).

But if government, religious bodies, parents, tradition, etc., insist on Christmas Gift Tax to ruin everything why not make it that everyone must go out and spend ?500 on themselves then distribute the items among their relatives and friends to wrap up and give to them instead of this psychic-failure torment? (*H. Fielding*).

5. У родственников есть друг перед другом чувство ответственности (1 пример).

There is no reason why I should go. I am not a close friend or relation, and would have to miss both Blind Date and Casualty. (*H. Fielding*).

6. Перед родственниками нельзя ударить в грязь лицом (1 пример).

"I don't think I'm fit to meet any womenkind," Counsel said. "Especially not one I'm related to." (*Edward P. Jones*).

7. За родственников переживают (1 пример).

Counsel was to greet them with the appropriate grieving face of a man who just had his relative killed.

8. Родственники ходят друг к другу в гости (1 пример).

«Any friends or relatives I need to be concerned about?»

John shook his head. "Catherine cut her friends off years ago. She doesn't like visitors. She's embarrassed about her... condition». (*J. Garwood*).

Ядерным является следующий признак: *родственники помогают друг другу, заботятся друг о друге* 4.

Остальные признаки являются периферийными.

В русских произведениях актуализируется 22 когнитивных признака, в английских – 7. Более высокая частотность признаков концепта *родственники* указывает на то, что данный концепт для русских людей является более коммуникативно релевантным, чем для англичан. Важно отметить, что признак *родственники помогают друг другу* является ядерным признаком как русского, так и английского концепта.

В русской художественной литературе объективируются следующие признаки концепта *бабушка*:

1. Бабушка нянчит внуков (6 примеров).

А так, может, она хоть бабушкой стала бы, коляску бы катала... (*Л. Улицкая*).

2. Бабушка окружает заботой внуков (3 примера).

Анфиса уже грызла свою курицу, и так вкусно ей было, и так весело, и так нравилось, что она у бабушки! (*Т. Устинова*).

3. В трудные минуты жизни к бабушке обращаются за советом (2 примера).

- Вот только приключений нам и не хватает, - язвительно произнесла Анфиса. - Надо бабушке позвонить, вот что! (*Т. Устинова*).

4. Бабушка собеседника – возможная тема разговора (2 примера).

Она спросила:

- Как бабушка? (*Т. Устинова*).

5. Перед бабушкой внуки отчитываются (1 пример).

– Женя, я взрослый человек, ты мне не мама и не бабушка... Скажи, почему я должен тебе отчитываться? (*Л. Улицкая*).

6. У бабушки всегда много вещей (1 пример).

Но в отличие от классического бабушкиного чулана, где наткнешься на старый трехколесный велосипед (привет из детства!), поломанную птичью клетку и выношенную обувь, в павильоне все по-другому! (*Ю. Поляков*).

7. Похвала бабушки очень важна (1 пример).

И бабушке очень хотелось рассказать, и чтобы она непременно похвалила! (*Т. Устинова*).

8. Бабушка – близкий человек (1 пример).

Как хорошо, что у нее есть бабушка, и никто ей больше не нужен и не будет нужен никогда! (*Т. Устинова*).

9. Бабушка – основание для счастья (1 пример).

У нее есть бабушка, аптека, Наталья и даже Юра (*Т. Устинова*).

10. О бабушке заботятся внуки (1 пример).

Не хотелось, разумеется, из соображений бабушкиной безопасности, из-за чего же еще!.. (*Т. Устинова*).

11. От бабушки скрывают подробности личной жизни (1 пример).

Целоваться не следовало бы, кроме того, Клавдия могла выйти в любой момент, и бабушка была где-то поблизости... и вообще этот поцелуй не имел никакого отношения к жизни!.. (*Т. Устинова*).

12. Бабушкина любовь сильна (1 пример).

Бабка со своею любовью как бы уходит в архив жизни, но эта бабушкина любовь остается на дне души и греет всю жизнь (*В. Токарева*).

13. Бабушка – опытный, знающий человек (1 пример).

Выглядело это так. Видный идеолог, прикрыв "вертушку" своим телом, одной рукой придерживал на носу очки, а другой, стараясь сохранить уважение к старости, насколько это возможно в подобной ситуации, отталкивал атакующую бабушку русской поэзии (*Ю. Поляков*).

14. Бабушка – полная женщина (1 пример).

Он не близок мне внешне: обширный, похож на бабушку. (*В. Токарева*).

15. Бабушка добрая, доверчивая (1 пример).

В школьные годы его приглашали на дни рождения все одноклассницы и влюблялись в него вместе со своими бабушками и их собачками (*Л. Улицкая*).

Полевая организация когнитивных признаков выглядит следующим образом:

Ядро – бабушка нянчит внуков 6.

Ближняя периферия – бабушка окружает заботой внуков 3.

Дальняя периферия – в трудные минуты жизни к бабушке обращаются за советом; бабушка собеседника – возможная тема разговора 2.

Крайняя периферия – перед бабушкой внуки отчитываются; у бабушки всегда много вещей; похвала бабушки очень важна; бабушка – близкий человек; бабушка – основание для счастья; о бабушке заботятся внуки;

от бабушки скрывают подробности личной жизни; бабушкина любовь сильна; бабушка – опытный, знающий человек; бабушка – полная женщина; бабушка добрая, доверчивая 1.

В английской художественной литературе репрезентированы следующие признаки исследуемого концепта:

1. К бабушке нужно быть снисходительными (1 пример).

David and I have explained, as best we can, why anyone who votes Conservative will never be entirely welcome in our house, although we have to make special arrangements for Granny and Grandpa (*N. Hornby*).

2. Бабушка может гордиться внуками (1 пример).

«I'm going to buy three,' says Dad 'Your granny will love to see this» (*S. Kinsella*).

3. Бабушка знает больше, чем другие. У бабушки большой жизненный опыт.

«You should be raising hell, making your mother anxious. Not teaching your grandmother how to suck eggs» (*J. Harris*).

Низкая частотность признаков не позволяет выделить ядерные и периферийные признаки.

В русских произведениях репрезентировано 15 когнитивных признаков, в английских – 3. Низкая частотность когнитивных признаков концепта *grandmother* указывает на то, что он коммуникативно не востребуем.

В русском художественном тексте репрезентированы следующие признаки концепта *внуки*:

1. Внуков нянчит бабушка (6 примеров).

В семьдесят лет сидят дома и нянчат внуков, а то и правнуков (*В. Токарева*).

2. Внуки становятся смыслом жизни (3 примера).

С появлением внучонка дом помолодел, живи себе и умирать не надо (*В. Тицкарева*).

3. Внуки – предмет заботы (2 примера).

Мать внуков просит, хочет кого-нибудь любить, заботиться (*В. Токарева*).

4. Внук имеет внешнее сходство с дедом (1 пример).

Но оно живо – его объятие! Оно ходит по земле в образе его сына и внука, еще больше похожего на деда, чем сын! (*Д. Рубина*).

5. Внуки заботятся о бабушке (1 пример).

Какой ужас! Никого рядом – ни сына, ни внука (*Ю. Поляков*).

6. Внуки шумные (1 пример).

– И не надо, – обрадовался Шеф. – У меня дочка, внучка, собака, зять скрипач, дома галдеж, сумасшедший дом (*В. Токарева*).

7. Внуки не нуждаются в бабушке (1 пример).

Плохая, конечно: и детям не нужна, и внукам вряд ли, и денежки на жизнь такие мелкие, что тут же проваливаются, и здоровье – какое там здоровье? (*Г. Щербакова*).

8. Внуки не близкая родня (1 пример).

В конце концов, я внучка, а даже дочки на девять дней не остались (Г. Щербакова).

9. Внуки требуют бережного отношения к себе (1 пример).

Курила, даже когда сажала внука на колени, но, чтобы не повредить младенцу, выпускала специально длинные сизые струи, достававшие аж до противоположной стены комнаты (Ю. Поляков).

10. Внуки доверчивы (1 пример).

Всякий раз, наезжая из своего Егорьевска, она потихоньку и почему-то лишь малолетнему внуку наговаривала, будто никакого дедушки Константина никогда и не было:

– С начальником бабка Лиза твоя Людмилку прижила. (Ю. Поляков).

11. Перед внуками бабушка должна осознавать свой долг (1 пример).

В ответ Людмила Константиновна чаще всего намекала на то, что бесспросным крещением, собственно, и исчерпываются заслуги бабушки Дуни перед внуком, а остальные силы она потратила на устройство своей личной жизни (Ю. Поляков).

12. Внуков воспитывают (1 пример).

Вообще-то, когда Башмаков пришел на работу в «Альдебаран», секретарь парткома был всего-навсего Волобуевым и любил вспоминать, как его дед, потомственный ивановский ткач, а затем лихой чоновец, воспитывал внуков за обеденным столом:

– Ка-ак даст половником в лоб – аж искры перед глазами. Потом, значит, спросит: «Понял?» А если не понял – еще раз ка-ак даст! (Ю. Поляков).

13. Старые люди умирают в кругу своих внуков (1 пример).

И генерал, от одного имени которого дрожала в другие времена земля, неслышно скончался в тогдашние годы, угас в кругу детей своих и внуков, которых любил и не любил (О. Павлов).

14. Внуки остаются родными и любимыми на протяжении всей жизни (1 пример).

Существует еще одна цепь: семья, дети, внуки... Продолжение рода. Единственное реальное бессмертие (В. Токарева).

Полевая стратификация когнитивных признаков концепта внуки выглядит следующим образом:

Ядро – внуков нянчит бабушка 6.

Ближняя периферия – внуки становятся смыслом жизни 3;

Дальняя периферия – внуки – предмет заботы 2.

Крайняя периферия – внук имеет внешнее сходство с дедом; внуки заботятся о бабушке; внуки шумные; внуки не нуждаются в бабушке; внуки не близкая родня; внуки требуют бережного отношения к себе; внуки доверчивы; перед внуками бабушка должна осознавать свой долг; внуков воспитывают; старые люди умирают в кругу своих внуков; внуки остаются родными и любимыми на протяжении всей жизни 1.

В английском художественном тексте актуализируются два признака.

Ради внуков приходится идти на жертвы.

«Make me happy with something», he had told Augustus, «before that next grandchild pops into my world» (*Edward P. Jones*).

Внукам рассказывают про их родителей.

The people in Bowen will be telling our grandchildren about it (*J. Garwood*).

Низкая частотность признаков указывает на то, что концепт *внуки* является коммуникативно нерелевантным для англичан.

В русских произведениях объективируются следующие признаки концепта *дедушка*: *привычкам дедов следует молодое поколение; на деда равняются внуки; дедушка должен быть рад рождению внуков; дедушку нужно уважать* 1. В английских произведениях актуализирован один признак: *к дедушке нужно быть снисходительными*. Концепт *дедушка* является неактуальным для русской и английской концептосферы.

Ядерные признаки русских концептов *родственники*, *бабушка*, *внуки* совпадают. Это свидетельствует об общности перечисленных концептов. Можно говорить о том, что данные компоненты являются когнитивными составляющими композитивного концепта *семья*.

Концепт *дедушка* не является компонентом композитивного концепта *семья*. Этот концепт коммуникативно не востребован.

Исследования показали, что из-за малой частотности английских признаков невозможно выделить ядерные и периферийные признаки таких концептов, как *бабушка*, *внуки*, *дедушка* (частотность всех признаков составляет по одному примеру). Это означает, что данные концепты являются неактуальными для концептосферы английского народа. Также эти компоненты не входят в композитивный концепт *семья*.

Фисенко О.С. Концепт *гроза* в русском языковом сознании. Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Воронеж, 2005.

А.А.Чуносова

Художественная картина мира в поэтическом тексте XVIII века (на материале произведений Г.Р.Державина)

В настоящее время понятие «картина мира» является одним из основных в теории гуманитарных дисциплин, в большей степени оно свойственно лингвистике и культурологии. Проблеме объективации картины мира в тексте уделено внимание в трудах А.А.Залевской, Е.С.Кубряковой, А.Вежбицкой, И.Н.Жинкина и других лингвистов. Тем не менее, дефиниции картины мира, способы её объективации в тексте, а также приемы описания еще предстоит осмыслить и уточнить.

С гносеологической точки зрения, существуют разные картины мира. Принципиально разграничиваются две картины мира – непосредственная и опосредованная. Первая включает в себя «как концептуальное знание о

действительности, так и совокупность ментальных стереотипов» (Попова, Стернин 2007: 52]. Это – когнитивная картина мира.

Языковая и художественная картины мира являются опосредованными, т.к. информация в них зафиксирована вторичными знаковыми системами, которые материализуют когнитивную картину мира. В художественной картине мира отражается национальная картина мира, а также индивидуально-авторские концепты.

Основываясь на утверждении, что «текст – это смысловое, семантическое и структурное коммуникативное единство в границах типов речи, форм речи, жанров речи, а смысл – это та часть содержания текста, которая предъявляет ментальные ориентиры носителя языка (культура, наука, религия и др.) и обнаруживается в лексической семантике синтаксисом типов, форм и жанров речи» (Припадчев 2005: 4), можно предположить, что варианты картины мира в тексте объективируются через смыслы.

Цель представляемой статьи – выявить средства объективации картины мира в художественном тексте. Источником исследования выступает поэтический текст Г.Р.Державина XVIII века. При проведении анализа используются приемы лингвистического наблюдения и интерпретации, а также описательный метод.

Сосредоточим внимание на оде Г.Р.Державина «На коварство французского возмущения и в честь князя Пожарского» (1790) и определим смысловые параметры текста.

Энциклопедический смысл. Эпоха французской революции (1789-1794), падение монархии, установление демократической формы правления, возможный приход к власти Наполеона.

Контекстуальный смысл. Автор риторически обращается к «Коварству», которое посягает на священные законы монархии («Весы, кадило, меч, державу / В руках злодейских обращать»), констатирует власть Коварства над человеком («Велишь – и бредни лжепророка / Повергли знатну часть Востока»). Приводит трагические факты мировой истории: инквизицию, кровопролитные сражения Цезаря, убийство Нероном своей матери ради власти. Таковы герои, которых народ встречает рукоплесканиями («но им гремит народов плеск»). Однако «Не трон, но благородство духа дает велики имена», поэтому в заключение, автор приводит пример истинного величия и геройства («Не ты ль, герой великодушный, / Пожарской? Муж великий мой?»).

Ситуативный смысл. Участники ситуации: автор (лирический герой), субъекты-действователи, оказавшие значительное влияние на развитие человеческой цивилизации (Цезарь, Нерон, Октавий, Пожарский, Катон, Сципион, Аристид, Расстриги, Кромвели, Надыры, Катилины, Бедмары, Мирабо, Лафает). Во всех примерах наблюдается именительный пад. в тематической зоне синтагм со значением не лица, пребывающего в пространстве, а активного лица, действующего во времени.

Прагматический смысл. Автор оценивает ситуацию и ее участников. Он возмущен французским бунтом («Доколь владычество и славу, / Коварство! Будешь присвоять»); французские послы и мыслители являются заговорщиками («Пусть Катилины, Бедемары, / И Мирабо, и Лафает, / Готовя скрытые удары, / Крамолами колеблют свет;»); осуждает поведение Наполеона («О ты, который властью, саном / Себя желаешь отличить / И из пигмея великаном / Бессмертно в летописях жить»); предсказывает войну («Насильственно реки стремленье, / Войною стран опустошенье, / Неправый суд, огонь, глад, бунт, мор!»); большинство героев человеческой истории беспощадны («Расстриги, Кромвели, Надыры; Тот тьмы граждан поверг ко гробу, / Сей матерню пронзил утробу»). Утверждает, что только русский князь Пожарский – истинный герой, т.к. завоевал трон для законного царя («Росс справедливый, Ты спас от расхищенья царство... Ни громких хвал, ни мавзолеев / Во мзду не получил заслуг»).

Образные смыслы: автором детально разрабатывается образ Коварства через: олицетворение (твоим пронырством искусила, корысть одна и ты – твой бог); эпитеты (святотатственный обман, мятежною рукою, безначальная жизнь); аллегорию (чудовище=Коварство); метафору (ехиднино жало, высило чрез них свой рог, когда молчишь – тогда геенна кипит в тебе всех адских сил); а также через имена реальных исторических фигур (Цезарь знамена бунта развернул; Нерон, притворяся, трона достигнул), индивидуально-авторские мифологемы, когда имена субъектов-действователей, которые служили Коварству, даны в форме множ. числа (Расстриги, Катилины, Бедемары и т.п.). Посредством указанных приёмов автор воплощает в Коварстве собирательный образ врага всего человеческого рода.

Кроме этого, Г.Р.Державин детализирует образ идеального народного героя через олицетворение (духа благородства дает велики имена), эпитеты (росса справедлива, благочестива, терпелива; прямая к Отечеству любовь), аллегорию (муж великий мой, подпорой будь в Европе тронов), метафору (Перунами не возвышался; красой и златом не был пленным) и сообщает его имя в форме ед.ч. – Пожарский.

Итак, в энциклопедических смыслах фиксируется отражение когнитивной картины мира конца XVIII века: революция, падение монархии, смена власти. Её национальные когнитивные признаки проявляются в данных контекстуальных и ситуативных смыслах: смена власти во Франции осуждается русским дворянством и расценивается как преступление против святой веры и справедливого мироустройства. Виной всему оказывается человеческая страсть (Наполеона) к власти и богатству, которая опутывает человека паутиной адских сил. В данном случае объективируется картина мира, присущая русской классической литературе, – картина, которая во многом опирается на Священное Писание и отражает православное миропонимание, религиозный характер русского сознания.

Замечу, что русские философы Г.Федотов, Н.Бердяев подчеркивали религиозно-мифологический характер русского сознания. О верности их формулировок свидетельствуют данные ситуативного и прагматического смыслов оды, в которых иллюстрируется художественная картина мира, содержащая национальные концепты. Приведу пример: обращение автора к образу князя Пожарского как к образу бессмертного героя («Восстань, и делай наставленьи / В прямой к отечеству любви»). Такой прием характерен для народных преданий – в самые тяжелые моменты истории люди верят в возвращение благородных героев, которые придут, чтобы восстановить закон.

Следует сказать, что темы французской революции и Смутного времени объединены Г.Р.Державиным в одном произведении не случайно. Дело в том, что Польша в конце XVIII века воспринималась как агент французского влияния, «тroyанский конь» Франции в Российской Империи, а борьба за независимость Польши – как французская интрига, проявление антирусской политики французского кабинета. Таким образом, в литературе поляки репрезентировали французов, точно так же, как татары – турок.

Прагматические и образные смыслы объединяются в художественной картине мира, в которой проясняются также индивидуально-авторские концепты. Например, образ Пожарского являлся для Г.Р.Державина образом совершенного героя. «Любитель Отечества, великодушный, бескорыстный, щедрый, богопочтительный» – такую характеристику он дает главному герою своей драмы «Пожарский или освобождение Москвы». По рассуждениям самого Г.Р.Державина, «историческое значение каждого русского великого человека измеряется его заслугами родине, его человеческое достоинство – силой его патриотизма» (Гуковский 2001: 345).

Как уже указывалось, обращает на себя внимание употребление форм множ. числа в серии авторских мифологем – номинаций отрицательных субъектов-действующих лиц (Расстриги, Кромвели, Надыры, Катилины, Бедмары). Так создаётся образ некой безличной массы, несущей людям зло. Контрапунктом выступает персонаж Пожарского, для номинации которого в тексте используется лишь форма ед. числа, что указывает на его единичность, уникальность.

Автором придан собирательный характер образу «Коварства», которое означает не просто отрицательную черту характера человека, а средоточие адских сил. Примечательна также аллегория «Подпорой будь в Европе тронов» (Пожарский) – автор ведет речь идет не о том, что Россия претендует на право господствующей нации, а о духовной поддержке европейских монархий. Кроме этого, введение имени «Бедмары» (маркиз Бедмар – участник заговора в Италии 1618 года) свидетельствует о том, что «Г.Р.Державин был знаком с малоизвестными эпизодами истории, это доказывает, что он был образованнее и начитаннее, чем обыкновенно предполагают» (Державин 1957: 330).

Согласно христианскому мировоззрению, Г.Р.Державин в оде утверждает, что в душе каждого человека природой заложены духовные способности познать добро, рассказать о нем людям и силы противостоять злу («В душе и страстна человека / Ее вызывает глас от века: / «Тебе дан ум – меня познать; / Словесность рассказать другому; / Бессмертный дух – коварству злему без ужаса противостоять»). И у человека всегда есть выбор «героем иль злодеем слыть».

Таким образом, художественная картина мира объективируется через смысловые параметры текста, которые ориентированы на национальный менталитет носителя языка.

Несмотря на то, что в рассматриваемый период под влиянием европейских идей Просвещения в русском сознании наблюдается смена содержания концептуальных понятий и приоритетов жизненных ценностей, Г.Р.Державин воспринимает действительность и отражает ее в своих произведениях с позиций традиционно христианского мировоззрения.

Гуковский Г.А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. – М., 2001.

Н.Я. Данилевский. Россия и Европа. М. 1991.

Державин Г.Р. Собрание сочинений, 1-6 т. – М., 1957.

Дунаев М.М. Православие и русская литература. Т. 1–6. М., 2001-2005.

Залевская А. А. Введение в психолингвистику. – М., 1999.

Леонтьев К.Н. Цветущая сложность. Избранные статьи. М. 1992.

Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. – М., 1982.

Припадчев А.А. История русского литературного языка. – Воронеж, 2005.

Стернин И.А., Попова З.Д. Когнитивная лингвистика. – Восток-Запад, 2007.

И.А.Щербакова

Концепт *извинение* в современном русском художественном тексте

Важнейшим этапом лингвокогнитивного исследования является когнитивная интерпретация языковых средств, т.е. выявление когнитивных признаков, формирующих исследуемый концепт как ментальную единицу.

Под когнитивной интерпретацией З.Д.Попова и И.А.Стернин понимают «мысленное обобщение на более высоком уровне абстракции результатов описания значений языковых единиц, номинирующих концепт, для выявления и словесного формулирования когнитивных признаков, репрезентируемых теми или иными значениями или семантическими компонентами этих языковых единиц, с целью итогового моделирования содержания концепта» (З.Д.Попова, И.А.Стернин).

Источником исследования послужили произведения современной русской художественной литературы, опубликованные в литературно-художественных журналах «Звезда», «Знамя», «Подъем», «Новый мир»,

«Роман-газета». Методом сплошной выборки из текстов извлекались лексемы, объективирующие концепт «извинение» (*извинить, извиниться, простить, прощать, прощаю, каяться, каюсь, покаяться, пардон и др.*) и отдельные его признаки.

Анализ материала показал, что в текстах актуализируются следующие когнитивные признаки концепта «извинение».

Извинение может быть устным и письменным:

- устная форма:

«Каюсь, в этом самом месте я отложила журнал и мысленно задала автору вопрос на засыпку: интересно у кого бы эти «эвакуированные» могли позаимствовать: а) лопаты и тяпки, б) семенной картофель?» (А.Марченко, В начале жизни школу помню я).

«Извини! – виновато пробормотал он. – Помутнение нашло!» (И.Дервянко, Черный старик).

- письменная форма:

«Уважаемая Наталья Николаевна, раскаяние заставило меня сообщить Вам немедленно, еще с вокзала, признание: был груб, глуп, бестактен... Увы, виноват» (Р.Зотова, Лабиринты судеб).

Эпистолярный жанр помогает людям (адресантам) быть более откровенными: то, что стыдно произносить (или забыто), может быть написано в письме.

Извинение сопровождается признанием вины:

«Простите, братцы. Винюся. Я виноват, не очурал младшего лейтенанта» (В.Астафьев, Два рассказа).

При этом признание вины перед вышестоящими (по рангу), влиятельными людьми происходит чаще, чем перед младшими по возрасту, небогатыми и незнакомыми людьми.

«Виноват, ваше превосходительство, так вот, первый раз занялось ровно в полдень 5 мая, где самые именитые живут» (В.Селиверстов, Новый губернатор).

- *раскаянием в совершенных поступках:*

«Никогда я женщин не принуждал с собой в постель ложиться, - каялся мужчина, - и уж тем более не угрожал им. Зачем?» (Д.Донцова, Компот из запретного плода).

- *добровольное признание вины, смягчает наказание:*

«Это, конечно, преступление, но ведь она придет с повинной, а это освобождает от уголовной ответственности» (А.Маринина, Игра на чужом поле).

«Само собой разумеется, что взобрался Анатолий Николаевич на самую верхнюю полку (забрался бы и выше, да некуда) и лег на нее, словно на плаху, повинившись, как и полагается ему по должности, перед честным народом:

- Повинную голову меч не сечет!» (И.Евсеев, Большая Баня).

Добровольное признание в совершенном проступке, ошибке восстанавливает душевное состояние:

«Покаялся, и сердце забилося» (В.Бахревский, Царская карусель).

- *признание одной вины может сопровождаться скрыванием другой:*

«Не в том, Яковлев, твои вины, в коих каешься, а в том, что скрываешь – никак не меньше 10 годков категории Нерчинской в рудниках» (В.Селиверстов, Новый губернатор).

За осознанием своей вины, сожалением в совершенном (поступке) может следовать проступок:

«Прости, Константин, - густо и убедительно сказал Петр. – Ведь так вот всегда: покаешься, потом подойдет под сердце – и опять грешишь» (Д.Быков, Оправдание).

Не извиняются, если не признают своей вины:

«Каяться не буду, - тихо проревел профессор» (В.Дудинцев, Белые одежды).

Признаваться в своих грехах русский не любит:

«Какой глубочайший смысл сокрыт в этом, если каяться начал первым, по словам рассказчика...мусульманин...» (В.Киляков, Кровь на цветах).

Извинение часто реализуется в форме просьбы о прощении, которая может репрезентироваться:

- в сложной форме: прошу прощения (простить, извинить):

«Прошу простить, святой отец, но мы немного задержались на концерте в Центре нетрадиционного искусства, поэтому церемонию награждения премией Клоотса начали без нас» (Р.Золотников, Вечный).

- в простой форме (прости, простите):

«Прости /я бы спас тебя /я сотворил бы чудо /но я не знаю /что с тобой /и где ты / всю жизнь / я расплачивался / фальшивой монеткой за это / горячее слово /льется сейчас /мне в глотку» (Г.Кружков, Где было сладко, там больно).

В большинстве случаев при просьбе о прощении преобладает простая форма, так как при разговоре люди стремятся сделать свою речь более краткой. При анализе грамматических и функциональных параметров объективации просьбы о прощении выявляется, что она может реализоваться в глагольной форме 2-го лица ед. числа (в случае обращения к близкому человеку или выступает как грубоватое, фамильярное обращение к адресату) и в глагольной форме 2-го лица мн.ч. (при обращении к нескольким лицам или как форма вежливости при обращении к одному лицу):

«Простите... То есть, прости, - порозовела Таня» (А.Дышев, Приколист).

«Прости и смиришь...» (Г.Щербакова, Мальчик и девочка).

Просьба о прощении может *сопровождаться паралингвистическими средствами*. Это может быть

-*поза:*

«Потом она лежала на диване, отвернувшись к стене, а Вадим *на коленях стоял* рядом и твердил:

- Прости...если ты не простишь, я не знаю, что я с собой сделаю!» (И.Беладнова, Такая женщина).

- *жест* (телодвижение, движение рукой, сопровождающее речь для усиления ее выразительности или имеющее значение какого-либо сигнала, знака):

«Господи, прости меня за грехи мои тяжкие! - она истово *перекрестилась*» (Л.Южанинов, Два рассказа).

«Тот в ответ *смущенно развел руками*:

- Извините! Сам не пойму, в чем дело, но... » (И.Деревянко, Гладиатор).

«Она вдруг посмотрела в мою сторону и *кинула*, сделав *приветственный жест*; я ответил непонимающим *взглядом* и *пожатием плеч*, словно извиняясь за ее ошибку» (Ю.Слепухин, Не подводя итогов).

- *слезы*:

«Андрей-ка потом *слезами ревел*, перед Натальей *на колени вставал*, казнился» (Е.Шишкин, Черная сила).

- *прикосновение*:

«Кира не могла предположить такое, она подошла, *прижалась пылающим лицом к его груди* и попросила:

- Прости, я и сама не знаю, что со мной происходит...прости, ну прости, пожалуйста» (И.Безладнова, Такая женщина).

Паралингвистическое средство может заменять слова извинения:

«Я смотрю на его молодой портрет – такой горячий, комсомольский, уверенный в бессмертии жизни, - и на усталый, пронизательный, всё и навсегда знающий о человеке и страдании портрет последних лет и слушаю их *молчаливый вечерний диалог* в час, когда солнце зашло, и за окном ни дня, ни календаря, ни времени:

- Что, мальчик мой, сбылись ли твои мечты о невозможном? Узнал ли ты нестареющую невесту счастливого будущего?

- *Прости*, отец. Помнишь, ты писал в моем возрасте: «До революции я был мальчиком, а после нее уже некогда было быть юношей, надо расти, надо расти, надо нахмуриться и биться»? Это я и делал» (В.Курбатов, Бодрствующий во мраке).

Просьба о прощении может быть вынужденной:

«Ладно, прости, - Женя не собиралась так просто отступить от «больной Наташи, но ей требовалось время» (Р.Зотова, Лабиринты судеб).

Лексема «ладно» в цитате употребляется для выражения подтверждения, означающая «хорошо, согласен, пусть будет так», что свидетельствует о явном нежелании просить прощение.

Извинение может:

- *указывать на резкость высказанной оценки, суждения* в значении вводного слова (*прости, господи*):

«Какой я казак, прости господи!» (В.Личутин, Любостай).

- *сопровождаться вежливой формой (Ради Бога* в функции междометия имеет значение *пожалуйста*) для усиления просьбы:

«Прости, Сережа... Ради Бога прости...» (В.Киляков, Несгибаемый Каюмов).

- употребляться при введении в разговор резких и грубых слов; единицы языка, служащих для называния отдельных понятий, сходных по звучанию, но разных по значению:

«Ш А Х О В (полушепотом). Не исключен, простите за выражение, с...с! Потому что я, пардон, обета не давал, тело еще живет, требует своего...» (А.Волков, Ликвидаторы).

В данном примере присутствует лексема «пардон» (фр. pardon), имеющая значение «простите, извините (форма вежливости)», носящая шуточный оттенок.

«Среди недвижимости движение, простите за каламбур, идет обычное» (В.Селиверстов, Новый губернатор).

Предполагает выражение сожаления по определенному поводу:

- *несдержанное обещание:*

«Ты извини, я обещал к вам приехать, но не сумел» (Ч.Абдулаев, «Гран-При» для убийцы).

- *нежелание общаться:*

«Извините меня, - заговорила Надя, - но мне постоянно хочется проститься с вами» (Е.Шишкин, Лгунья).

- *обида:*

«Извините, если обидела, - кивнула я, - ей-богу не хотела, просто очень голова болит!» (Д.Донцова, Компот из запретного плода).

- *бестактность:*

«Извини за бестактность, но сколько тебе лет?» (Д.Донцова, Компот из запретного плода).

- *беспокойство:*

«Извините, еще раз беспокою, можно мне к вам подбежать?» (Д.Донцова, Компот из запретного плода).

- *отъезд:*

«Прости, мне надо уехать» (А.Маринина, Игра на чужом поле).

- *уход:*

«Извини, дорогая, я тебя ненадолго покину, - проговорил гость, повернувшись к своей спутнице, и последовал за человеком Костоломова» (Н.Александрова, Золушка в бикини).

- *выбор не в пользу адресата:*

«Он взял ее волосы, обхватил ими, как углами косынки ее щеки, и поцеловал в улыбающееся лицо и покачал головой:

- Извини, мать, я определился» (М.Тарковский, Гостиница «Океан»).

- *отсутствие информации:*

«Извините, соседи, а не знаю, как по отчеству» (Л.Петрушевская, Уроки музыки).

- *неразглашение информации:*

«Извините, имена продавцов и покупателей не разглашаю» (Д.Донцова, Компот из запретного плода).

- *невнимание:*

«Я извиняюсь, - сказала Мария, - я задумалась» (А.Дмитриев, Дорога обратно).

- *отказ:*

«Уж извините, никак не могу, спасибо» (А.Ягодкин, Купание в лете).

Употребляется как форма вежливости:

- *при вопросе:*

«Прости, я не понял – кто и куда?» (Л.Зорин, Трезвенник).

«Извините, - раздалось в трубке, - почему вы бросаете трубку?» (М.Кураев, Записки беглого кинематографиста).

«Простите, что вам кричат? – спросила она» (А.Дышев, Приколист).

«Простите, можно мне все-таки задать один вопрос?» (А.Маринина, Игра на чужом поле).

- *при прерывании беседы:*

«Извиняюсь, - сказал он, вежливо дернувшись. – Я прервал вашу беседу» (В.Дудин, Белые одежды).

«Простите, - неожиданно вмешался более молодой собеседник, - мне кажется, нам нужно использовать и другие, не совсем традиционные методы» (Ч.Абдулаев, «Гран-При» для убийцы).

- *при прекращении беседы:*

«Извините, меня зовут. Рад был поболтать! - парень дотронулся, прощаясь, до Никиной руки и заторопился к друзьям» (Т.Соловьева, Чужая плоть).

«Прости, подруга, я мигом обернусь, - объяснила старушка и поспешила домой, в деревню, за лечебными снадобьями» (Р.Зотова, Лабиринты судеб).

- *при привлечении внимания:*

«Г Р А Н Я. Извините. Тут у вас моя Ниночка» (Л.Петрушевская, Уроки музыки).

- *при предположении (для подтверждения или исправления мысли):*

«Прошу прощения, вы – Настя?» (А.Маринина, Игра на чужом поле).

Сопровождается указанием на смягчающие вину обстоятельства:

- *отсутствие телефона:*

«Извини, ходила с Панди гулять, оставила дома сотовый представляешь, пит...» (Д.Донцова, Компот из запретного плода).

- *совпадение:*

«Извините, очень смешно получилось. Тут на самом деле обитает полный тезка вашего родственника, Александр Михайлович Дегтярев, случаются же такие совпадения!» (Д.Донцова, Компот из запретного плода).

- *неизбежность события или явления:*

«Извини! – говорила она. – Но если бы я попросила тебя принести, то ты бы меня тоже увидел» (Г.Щербакова, Мальчик и девочка).

Извинение дает возможность обдумать дальнейшие слова:

«Извини, всё забываю... - она потушила сигарету и разогнала рукой дым» (Ю.Черняков, Узбекский барак).

Выражает протест, отказ, несогласие с чем-либо:

«Простите, это вы сюда звоните, - отбила я нападение, - а я сижу себе спокойненько у камина» (Д.Донцова, Компот из запретного плода).

«Нет, извини, - Лозгачев покачал головой, - партия очищает свои ряды от идейно неустойчивых, политически враждебных элементов, а ты говоришь в первую очередь от карьеристов» (А.Рыбаков, Дети Арбата).

«Простите, - сказал он, - как же я могу жить в семье, если никакой веры?» (В.Дудинцев, Белые одежды).

«Простите, но не очень-то верится» (А.Савин, Вознесенск).

«Извините, но я уволена, - дрожащим голосом ответила Катя. – Анисья Петровна не хочет видеть меня в своем доме» (Г.Куликов, Секретарша на батарееках).

Сопровождается чувством стыда, смущением:

«Сергей застеснялся, сконфузился, стал почему-то извиняться, они ушли с берега молчаливые и пристыженные» (В.Астафьев, Два рассказа).

«Прости! – говорил весь ее смущенный вид» (В.Дегтев, Камуфлет).

«Виноват, Иришенька! – Дядя Коля чуть смутился» (И.Стаднюк, Москва, 41-й).

При извинении присутствует адресант (кто просит прощение) и адресат (кому адресовано извинение):

«Прости, тетя Клава, - прошептала Лида, -случайно вышло, руки сами дверку распахнули» (Д.Донцова, Компот из запретного плода).

Адресатов может быть несколько человек:

«Иван, ты прости меня...» - «И ты, Петро, прости...» (В.Киляков, Кровь на цветах).

Извинение могут произносить несколько раз:

«Простите... Еще раз простите... Я не подхожу вам для развлечений» (Е.Шишкин, Лгунья).

Сопровождается обещанием в дальнейшем не повторять ошибки:

«Прости, - сказала она. – Я больше не буду» (Г.Щербакова, Мальчик и девочка).

Итак, в результате анализа художественных и публицистических произведений были выявлены актуализированные в них когнитивные признаки концепта «извинение». Основными когнитивными признаками являются: 1) просьба о прощении; 2) предполагает сожаление по определенному поводу; 3) употребляется как форма вежливости; 4) сопровождается как осознанием вины, так и признанием вины; 5) протест, несогласие с чем-либо, отказ в чем-либо; 6) сопровождается смягчающими вину обстоятельствами.

Разделяя мнение З.Д.Поповой и И.А.Стернина, напоминаем, что отсутствие когнитивной интерпретации влияет на моделирование концепта: лексические значения единиц, номинирующих концепт, и ментальные характеристики концепта будут отождествлены, что искажает модель концепта, ведет к недостоверности.

Таким образом, выявленные когнитивные признаки концепта «извинение» необходимы, важны для получения точной модели данного концепта.

Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. - Воронеж, 2006.

Медиадискурс

Р.В. Дыкин

Коммуникатор в рекламном дискурсе (на примере социальной рекламы)

Основным отличием социальной рекламы (СР) от коммерческой (КР) является ее ориентация на решение общественных проблем, на популяризацию правильного образа жизни. Другими словами, перед СР зачастую стоят более глобальные задачи, касающиеся не только процесса потребления, но всего спектра поведенческих моделей индивида в обществе. Данный факт придает особую остроту вопросу о фигуре коммуникатора (носителя обращения) в текстах СР. От того, в какой роли выступает коммуникатор, во многом зависит эффективность самой коммуникации.

Сегодня среди рекламистов-практиков активно идет дискуссия о целесообразности использования шоковых методов в СР. Некоторые специалисты полагают, что психологический шок является оптимальным эффектом социально-рекламной коммуникации, который создает благодатную почву для замены ценностей индивида с негативных на общественно приемлемые. Другие специалисты уверены, что для успешного воздействия достаточно демонстрации (вербализации и визуализации) положительных стереотипов.

На наш взгляд, суть этой дискуссии также сводится к пониманию той позиции, которую должен занять коммуникатор в СР. Следует ли ему стать «добрым учителем», прививающим человеку положительные ценности, либо скептиком или даже циником, позиция которого, доведенная до крайности, заставит реципиента в своих поступках действовать от противного.

В рамках данного исследования не ставится задача определения эффективности тех или иных коммуникативных стратегий. Это попытка рассмотрения позиций, которые может занимать коммуникатор в тексте СР. Каждой из них присущи определенные черты.

Анализ эмпирического материала позволяет выделить пять таких позиций (ролей).

1. Коммуникатор-наставник. Отличительной чертой СР, созданной с позиции наставничества, является дидактизм, преобладание информации нормативного характера в форме категоричных языковых конструкций. Наличие в тексте СР императивов также, как правило, указывает на ее принадлежность к данному виду.

Типичные слоганы: «Позвоните родителям!», «Детей не бросать!», «Берегите природу!». Очень много таких призывов можно найти в советских пропагандистских плакатах. Встречаются они и сегодня. По мнению некоторых исследователей, этот вид СР нельзя списывать со счетов, поскольку «для некоторых сегментов массовых аудиторий воплощение идей дидактическими средствами является наиболее действенным» (Ученова, Старых 2006: 281).

2. Коммуникатор-жертва. Когда текст и визуальный ряд СР создается с позиции жертвы, на первый план выходит способность коммуникатора вызвать сочувствие у реципиента. Успех или неудача рекламного сообщения напрямую зависит от реализации этой способности с помощью разнообразных языковых средств.

Один из примеров: постер В. Широкова и Д. Маслова «Папа, не пей!» (2002), на котором дан крупный план ребенка – типичной жертвы семейных драм, связанных со злоупотреблением алкоголем. Прием также не является новым. Еще в середине 80-х гг. появился плакат художника Б. Янина, направленный против загрязнения водоемов. На плакате была изображена рыба, высывающая голову из загрязненной заводи с подписью «Чистой воды!».

Из других примеров можно привести печатную рекламу, выпущенную под маркой Greenpeace: «А правда, что снег раньше был белым?» (2004). Эта фраза якобы исходит от снежной бабы, нарисованной черным цветом, как и расположенный рядом пейзаж. Снеговик символизирует природу, которая и предстает жертвой в данном послании.

3. Коммуникатор-провокатор. А это уже современные веяния в СР. Провокатор призывает к нарушению норм и запретов. Как правило, призыв присутствует вербально, тогда как визуальный ряд вступает с ним в противоречие. Предполагается, что такая реклама вызовет отторжение у реципиента и заставит его действовать от противного. Чаще всего провокационная СР существует в форме шоковой. Она наиболее распространена на Западе.

Типичный пример: плакаты рижского агентства «Zoom», направленные против пьянства за рулем (2005-2006). В рекламе принимали участие реальные жертвы ДТП, ставшие инвалидами. Они были запечатлены на принтах в инвалидных колясках. А слоган гласил: «Пей. Катайся. Присоединяйся».

В качестве еще одного примера можно привести принт румынского агентства «La roumanie», на котором человеческий мозг (в другом варианте - сердце) нарисованы дорожками белого порошка. Слоган этой антинаркотической рекламы: «Уничтожь себя!».

4. Коммуникатор-повествователь. Если креатор хочет избавить рекламный текст от излишней назидательности, он может отказаться от дидактики в пользу описательных конструкций и справочной информации, дающей реципиенту пищу к размышлению и позволяющей самостоятельно сделать выбор в пользу рекламируемой идеи. В этом случае коммуникатор становится повествователем. Он приводит свои рациональные аргументы, но не пытается позиционировать их как единственно верные. Хороший пример такого рода СР – проект «наружки» налоговой службы, участвовавший в Московском фестивале социальной рекламы. Текст, написанный на красном фоне, гласил: «Думаете, налоги уходят в песок? Да, это правда! В 2004 году в Москве за счет налогов оборудовано 200 детских площадок». И далее: «СПАСИБО тем, кто заплатил налоги. ПОЖАЛУЙСТА тем, кто этого еще не сделал».

Работа Т. Скорвиндера (2001), посвященная событиям 11 сентября 2001 года и направленная против терроризма, представляет собой метафору, где «башни-близнецы» изображены в виде поминальных свечей. Данное обращение не содержит никаких призывов. Автор просто показывает свое видение проблемы и делает это максимально образно.

5. Коммуникатор-агрессор. Данный прием, как правило, используется в сочетании с другими приемами. Суть его заключается в том, что слово в тексте СР получает субъект, воплощающий проблему, т.е. являющийся ее неотъемлемым элементом. Кроме этого, реципиент получает дополнительные сведения о проблеме в виде справочной информации. Например, в работе Е. Петрова, посвященной проблеме насилия в семье, слово предоставлено отцу-агрессору. В вопросе без ответа, присутствующем на плакате («Сынок, поговорим?»), вопросительный знак оформлен в виде кожаного ремня. Текст внизу объясняет идею авторов: «За последние годы число случаев избиения детей возросло в несколько раз...»

Следует отметить, что в отдельных случаях в СР коммуникатор может выступать сразу с нескольких позиций. Например, жертва может наделяться чертами агрессора. Как в другой рекламе против насилия в семье, где в качестве матери или дочери позируют актеры-мужчины. В этих образах потенциальный насильник может видеть как жертву, так и самого себя. Реклама заставляет задуматься: стал бы ты поступать так же, если бы столкнулся с равным тебе по силе?

На наш взгляд, при условии соблюдения баланса такой разносторонний подход может только усилить рекламный эффект. Однако не стоит забывать, что выбор позиции коммуникатора в СР фактически задает ее форму, которая может оказаться эффективной или неэффективной для определенной целевой аудитории. Ответить на вопрос, как вышеперечисленные позиции соотносятся с разными целевыми аудиториями, можно только в рамках отдельного исследования.

Е.А. Моисеева

Глаголы созидания с моногрупповой сочетаемостью на страницах современной прессы

По мнению О.Н. Чарыковой (Чарыкова 2000), под моногрупповой понимается такой тип объектной сочетаемости, при котором переходный глагол может образовывать сочетания только с одной семантической или тематической группой существительных. Поскольку моногрупповая сочетаемость ограничена рамками одной ЛСГ, количество сочетаний, которые может образовывать тот или иной транзитивный глагол, определяется тем, насколько обширна данная лексико-семантическая или тематическая группа существительных в языке.

Глаголы, входящие в моногрупповой тип сочетаемости, называют узко-специфичные способы действия, которые могут быть применены для созидания ограниченного круга объектов, то есть существование моногрупповой сочетаемости обуславливается прежде всего экстралингвистическими факторами, которые экстраполируются и на семантику рассматриваемых глаголов.

Представляется интересным определить, какова частотность употребления таких глаголов в современном русском языке, а также выявить, происходит ли изменение семантики и сочетаемости глаголов, относящихся к моногрупповому типу. Источником исследования послужили материалы современной прессы (журнал «Огонёк» и «Российская газета»). Методом сплошной выборки из текстов указанных изданий были выписаны примеры с глаголами созидания, имеющими моногрупповой тип объектной лексической сочетаемости.

Анализ показал, что в рамках исследуемого материала можно выделить глаголы, обозначающие узко-специфические виды деятельности (*затесывать кол, нарезать резьбу* и др.), которые не изменили ни своего значения, ни своей сочетаемости. Это обуславливается тем фактором, что процессы, обозначаемые данными глаголами, осуществляются и в наше время. Степень частотности использования такого глагола является индикатором значимости обозначаемого им процесса в жизни социума. Например, в рамках исследуемого материала достаточно широко используется глагол *бурить*:

После победоносной войны евреи запретили палестинцам без особого на то разрешения рыть колодцы и бурить скважины (Огонёк № 39, 20.12.1999).

После долгих расспросов мне удалось выяснить, что поскольку пробурить артезианский колодец в вечной мерзлоте – дело нереальное,

то воду здесь для любых нужд, в том числе и питьевых, берут из могучего Енисея (Огонёк № 32, 6.08.2001).

Если сегодня сойдет с рук противозаконное строительство – кто даст гарантии, что завтра, например, в Якутии или в Бурятии не захотят **пробурить туннель** сквозь Землю, чтобы изменить в лучшую сторону суровый климат? (Огонёк № 28, 4.10.1999).

Нередко встречается глагол *намыть*:

Вот этот бетонный мост, где всякая дрянь – вроде досок, автомобильных шин и песка – **намыла** маленький **островок** вокруг мостового центрального быка (Огонёк № 40, 27.12.1999).

Действия, обозначаемые вышеназванными глаголами, не ограничиваются какой-либо сферой производства, промышленной или кустарной. Поэтому употребление этих глаголов в наше время достаточно широко.

Глаголы же, которые называют узко-специфический процесс, применяемый в кустарном производстве (*драть дранку, щепать щепу* и др.), сейчас практически не употребляются, так как кустарные процессы ушли в прошлое. Поэтому примеры употребления глаголов такого типа в прессе встречаются редко:

Он и пошел, послушный, сообщив на прощанье (уже прозой), что он сапожник, что **тачает сапоги, валяет валенки** (Огонёк № 17, 1.05.2003).

Если умению найти свое место в новой реальности – делать колбасы, выращивать свиней, **тачать сапоги** – можно научиться, то, кажется, чему может научить пример «неадекватного» Мулярчика? (Огонёк № 48, 25.11.1996)

Наряду с вышеуказанными существуют такие глаголы моногруппового типа, которые расширили свою сочетаемость. Так, глагол *торить* (прокладывать, протапывать частой ходьбой или ездой путь, дорогу) в прямом значении используется редко, но часто употребляется в переносном значении в устоявшемся уже сочетании с существительными *дорога, тропинка*:

У нас же столь очевидные бестселлеры только начинают **торить** себе **дорогу** на рынок (Огонёк № 24, 16.06.1997).

Дальнейшее развитие этой линии, как мне кажется, шло по **проторенному пути** (Огонёк № 47, 22.11.2004).

По всем внешним признакам фильм обречен на успех - публика любит идти по **проторенным тропинкам**, хрустя попкорном и подпевая любимым мотивам (Российская газета, 16.02.2006).

Вероятно, вследствие частотности употребления сочетаемость данного глагола в последнее время расширяется за счет возможности его использования с рядом существительных, тоже употреблённых в переносном значении:

Дальше события развиваются по **проторенной схеме**: нужно избавиться от трупа (Огонёк № 14, 5.04.2004).

*Но дважды он все же сбивался на **проторенную** человечеством колею* (Огонёк № 16, 23.04. 2001).

***Проторенные** таможенные каналы – через Турцию, Финляндию, Брест* (Огонёк № 19, 12.05.1997).

Такое употребление становится возможным вследствие актуализации в указанных существительных сем «движение», «направление».

Тенденция к расширению сочетаемости в некоторой степени затронула и синоним проанализированной лексемы – глагол *протоптать*.

В отличие от глагола *торить*, глагол *протоптать* (прокладывать, образовывать ходьбой, топтанием) сочетается только с существительными, имеющими интегральный семантический признак «пешеходная дорога»: *протоптать* дорогу, дорожку, тропинку, стежку. В глаголе есть четкое указание на способ действия – ногами. В прямом значении данная лексема в современном языке употребляется редко, например:

*Известно: не стоит загодя прокладывать **тропинки** через сквер; лучше подождать, когда их **протопчут** люди* (Огонёк № 26, 30.06.1997).

Сейчас возможно переносное употребление данного глагола со словом *путь*:

*Сколько мальчиков «из приличных семей» послушно идут по **пути**, **протоптанному** для них старшим поколением, поступают в престижные институты, а потом мучают себя и других, занимаясь всю жизнь нелюбимым делом!* (Огонёк № 18, 31.05.1999).

*А русские, **протоптав** старинный студенческий **путь** из Москвы в Ленинград и решив там свои сердечные проблемы, отправляются назад по еще более старинной трассе из Ленинграда в Москву с песней «Если у вас нету тети», которая на самом деле главная и потому написана не приглашенными для лирического антуража классиком Евтушенкой, Пастернаком или Ахмадулиной, а вечным обозревателем «Московского комсомольца» -- покойным дядей Сашей Ароновым, который, в свою очередь, тоже любил выпить и махнуть в Ленинград, а потому тоже все знал про русский народ* (Огонёк № 52, 24.12.2001).

Можно встретить употребление данного глагола и с другими существительными в переносном значении (нередко с компонентом иронии):

*Блок **протоптал** Есенину **дорогу** в кабак* (Звезда, 2001).

*Все знали отныне, что, даже если поймают тебя за руку, достаточно **протоптать дорожку** наверх, и объемистый чемоданчик, занесенный на 4-й этаж главного здания МВД, решит любую проблему* (Московский комсомолец, 2003).

Семантическая структура данного глагола содержит очень много сем-конкретизаторов, поэтому его сочетаемость расширяется лишь благодаря переносному смыслу, в отличие от глагола *торить*, где четкое указание на способ действия отсутствует, что создает больше возможностей для расширения сочетаемости.

Наблюдаются некоторые изменения и в сочетаемости других глаголов анализируемой группы. Например, с глаголом *рыть* сочетаются существительные, называющие ямы различного назначения:

*В этот день почти все беглецы работали в комендатуре Москвы – они должны были **рыть траншею** (Огонёк № 38, от 16.09.1996).*

*Товарищи принялись **рыть окоп**, а его отправили за ужином. (Огонёк № 52, 23.12.1996).*

*Молодая семья колхозников Макуриных, лишившись хозяйства, домика в три окна, оторванная от малолетней дочки (это моя мама, ей тогда был год), стала **рыть котлован** под волжскую водицу. (Огонёк № 41, 13.10.1997).*

Некоторое расширение диапазона сочетаемости данного глагола происходит за счет увеличения сфер применения называемого им действия. Сейчас он используется для указания на процесс создания объектов, которые раньше не создавались вообще или создавались крайне редко, а теперь это стало обычным явлением:

*И бассейн сам **вырыл** (Огонёк № 43, 26.10.1998).*

*Дом пока не достроен, бассейн **вырыт**, но не забетонирован (Огонёк № 15, 24.04.2000).*

Иногда встречается употребление сочетания данного глагола с существительным в метонимическом значении:

*В холодной России надо сначала **вырыть фундамент** (Огонёк № 9, 26.02.2001) (в смысле вырыть яму под фундамент).*

Также к расширению сочетаемости ведет и образное употребление глагола:

***Реки прорыл** к океанам, звезды приклеил и мелом надраил, чтоб блестели, засеял луга и леса засадил (Огонёк № 11, 3.04.2000).*

Довольно часто в рамках исследуемого материала употребляется глагол *стряпать*, имеющий значение: 1) Готовить пищу; 2) перен. Создавать что-л. наскоро, кое-как, небрежно. Чаще всего он употребляется в переносном значении. При этом могут актуализироваться различные семы. Так, встречается использование данной лексемы с существительными *документ*, *дело*, *фотография* и т.п. в значении «подделать», «фальсифицировать»:

*Не брезговали в "Пармалате" и банальным подлогом; например, подделали логотип Bank of America и его письма с помощью сканера, затем логотип ввели в компьютер, распечатали и несколько раз прогнали через факс, чтобы он выглядел более натурально, и **состряпали** на этом бланке **фальшивый документ** (Российская газета, 6.10.2006).*

*Так были **состряпаны карточки**, на которых отец предстал в окружении стайки соблазнительных нагих красоток. (Огонёк № 4, 7.02.2000).*

*С одной оговоркой: даже Фалин с Евстафьевым не подозревают Вашингтон в том, что эти **дела** могут быть дутыми, **состряпанными** из ничего (Российская газета, от 28.09.2006).*

*И тут откуда ни возьмись - юрист общества защиты прав потребителей: а не **состряпать** ли вам, дорогие товарищи, **иск**?* (Российская газета, 20.10.2006).

Кроме того, в сочетаниях с конкретными существительными чаще актуализируются семы «плохо», «небрежно»:

*Какой патрон вы выбрали, такое **оружие** под него конструкторы и **состряпали*** (Огонёк № 12, 23.03.1998).

*Участницы конкурса также занимались моделированием одежды, так как им было предложено **состряпать** якобы в условиях необитаемого острова **костюм** из куска материи* (Огонёк № 19, 13.05.1996).

*Вторым фирменным блюдом фестиваля станет программа «Ешь, пей и смотри», посвященная «кулинарному кино» - директор фестиваля Дитер Косслик трактует это понятие широко, включая и проблему «как **состряпать фильм**», и намерен открыть публике тайны кинематографической кухни, которые можно будет обсудить в специально открытом киноресторан. (Российская газета, 16.01.2006).*

*Домостроительные комбинаты как пирожки лепят заготовки, строители **стряпают** из них **дома*** (Огонёк № 24, 11.06.2001).

Часто в подобных сочетаниях выражается ироническая оценка:

*Вот они-то и **состряпали** мальчику такой **пиар** на весь Лондон, что МакКуина сразу короновали как крутейшего эпатажника* (Огонёк № 34, 26.08.2002).

*В результате законопроект забрали у комитета по законодательству и создали межфракционную согласительную комиссию, которая должна **состряпать** компромиссный **вариант*** (Огонёк № 5, 6.02.2003).

*Лидер ЛДПР Владимир Жириновский в интервью «Огоньку» объяснил, что правительство могло бы **состряпать приличный бюджет**, но просто не хочет стараться по причине своей антинародности: «Правительство же буквально душил русские регионы, чтобы отдать эти деньги регионам национальным* (Огонёк № 40, 6.10 1997).

Такое ироничное употребление значения глагола дает экспрессивную негативную оценку и тому, кто сделал, и тому, для кого делается (то есть правительству, комиссии, мальчику)

Примеры показывают, что расширение сочетаемости глагола *стряпать* происходит за счет актуализации различных сем, чаще всего имеющих негативный характер.

Таким образом, глаголы, относящиеся к моногрупповому типу сочетаемости, в значении созидания, как правило, имеют только одну из возможных семем. Перегруппировка сем, образование новой семемы происходит у них крайне редко. Актуализация сем, употребление лексемы в переносном значении – это те лингвистические факторы, которые ведут к расширению диапазона сочетаемости глагола за пределы одной ЛСГ

существительных и в конечном итоге к переходу в другой (полигрупповой) тип сочетаемости.

К экстралингвистическим факторам, способствующим сужению лексической сочетаемости, можно отнести случаи исчезновения какого-либо вида деятельности (*тачать, трепать*) за счет перехода от кустарного производства к промышленному. Увеличение диапазона лексической сочетаемости глагольной единицы обуславливается расширением сферы применения действия данного глагола в результате появления новых реалий.

Реализуя свой семантический и валентный потенциал, анализируемые глаголы выступают в современной прессе не только как средство номинации определённых трудовых процессов, но и как средство создания экспрессии.

Чарыкова О.Н. Роль глагола в репрезентации индивидуально-авторской модели мира в художественном тексте / О.Н.Чарыкова.- Воронеж, 2000.-193 с.

Е.В. Мочалова

Игровая метафора в политическом дискурсе

Мир политики постоянно метафорически моделируется по образцу других сфер социальной деятельности человека и включает такие понятийные сферы-источники, как «Преступность», «Война», «Театр», «Экономика», «Игра и спорт».

В последнее время всё большее распространение получают метафоры, связанные с бытовыми играми, которые традиционно не относят к спортивным: это разнообразные карточные игры (в том числе азартные), домино, бильярд.

Абсолютное большинство политических метафор, связанных с концептами игры, имеет негативный прагматический потенциал, обусловленный спецификой исходной предметной сферы. Игра изначально воспринимается как имитация деятельности, а не как собственно деятельность: так, азартные игры воспроизводят борьбу, закономерности и случайности, удачу и судьбу в жизни человека. В русском национальном сознании игра воспринимается все-таки как эмоциональная разрядка, наслаждение, отдых, а не дело, которому должно быть отдано основное время.

Широкое распространение в политическом дискурсе получила и метафорическая модель СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА – это АЗАРТНАЯ КАРТОЧНАЯ ИГРА.

Например:

Процессы, происходящие сегодня в бывших советских республиках, а ныне – в независимых государствах Центральной Азии, все больше

напоминают азартную карточную игру (Политический Журнал № 11-12, 2007).

Азартные карточные игры – это игры, в которых на результат влияет случайный фактор. Роль случайности может быть полностью определяющей (покер), но может быть, и ограничена (преферанс, вист). В последнем случае игроки пытаются максимально эффективно использовать благоприятный случай и по возможности заблаговременно подготовиться к неудаче и смягчить её последствия. В азартной игре для получения «выигрыша» существуют «ставки», которые можно либо «выиграть», либо «потерять».

Рассматриваемая метафорическая модель в последние годы очень заметно активировалась. Существует несколько причин широкой распространенности метафоры азартной карточной игры в современной политической речи. Большинство носителей языка имеют достаточно хорошее представление о карточной игре. Первое, с чем ассоциируется игра в карты, – это азарт, удача, схватка с фортуной, огромные ставки и неслыханные выигрыши. Таким образом, активизация модели связана также с особой ролью в подобной метафоре концептуальных векторов рискованности и, более того, безрассудности происходящих событий, что, несомненно, совпадает с представлениями значительной части общества о политической деятельности. И, наконец, широкое распространение данной модели связано с бурным развитием игровой индустрии, и прежде всего казино, где играют в азартные карточные игры – покер, преферанс, вист и другие.

Карточная игра как сфера-источник создает великолепные условия для реализации прагматической функции метафоры, которая является мощным средством формирования у адресата необходимого говорящему эмоционального состояния и мировосприятия.

В соответствии с представленной метафорической моделью образно используется следующая лексика: *игроки, колода карт* (в т.ч. карточные фигуры, действия с картами). Людям внушается мысль о том, что политика – это карточная игра, в которой за столом сидят политические игроки, делающие ставки и разыгрывающие политические карты. Победителем оказывается тот, на руках у которого больше политических козырей.

Сферой-мишенью метафорической модели УЧАСТНИКИ ПОЛИТИКИ – это АЗАРТНЫЕ ИГРОКИ чаще всего становятся государства, субъекты политической деятельности (политические лидеры, политические активисты и др.), политические организации и институты.

Например:

Я думаю, Кремль разыгрывает, и довольно грамотно, националистическую карту (Политический Журнал №19-20, 2007).

Но пока Путин не в том настроении. Он считает, что у него на руках сильные карты, и он играет на повышение (Политический Журнал №19-20, 2007).

Какие еще козыри в игре с Западом держит сегодня в руках Россия? (Политический Журнал № 19-20, 2007).

Людям предложили знакомый **«карточный расклад»**, они снова выбирали между Януковичем, Ющенко и Тимошенко (АиФ № 40, 2007) .

А на выборах «девушка с косой» **спекулировала мощной картой** – обещала матерям Украины в следующем году отменить призыв в армию (АиФ № 0, 2007).

Виктор Ющенко в очередной раз **смешал все политические карты** - издал указ о переносе досрочных парламентских выборов с 27 мая на 24 июня (Итоги № 18, 2007).

Вся эта «пи-артподготовка» рассчитана скорее на внутреннего потребителя: в России и США на носу президентские выборы. **Розыгрыш карты внешней угрозы** позволяет решить многие проблемы с собственным электоратом (Итоги № 23, 2007).

Если такой гарантии не просматривается, Путин может остаться на третий срок. Но для этого нужен формальный повод – реальная внешняя или внутренняя угроза. Кто и как будет **разыгрывать эту карту?** (Политический Журнал № 15-16, 2007).

Ставки здесь всегда **высоки**, и **проигрывать** никому не хочется (Политический Журнал № 11-12, 2007).

Что же касается попытки выдать сепаратистский мятеж в Чечне за Джихад, – то это, как всем известно, не на совести ближневосточных улемов, а на совести западных спецслужб, в очередной раз пытающихся **разыграть исламскую карту** против России (Политика № 81, 2007).

В ближайшие месяцы Владимир Путин может наконец решиться на то, чего от него в общем-то давно ждут и околкремлевские, и оппозиционные эксперты – накануне парламентских и президентских выборов глава государства **раскроет часть карт** в любимой национальной российской игре «Выбери преемника Путину» (Политический Журнал № 39-40, 2006).

Наконец, **смерть** Александра Литвиненко **станет картой**, которую не раз ещё разыграет оппозиционная партия консерваторов (Коммерсант-Власть № 48, 2007).

Прагматические смыслы, формируемые метафорами этой группы, таковы: политика – дело, во многом зависящее от случая, а те или иные политические события - скорее результат не политической деятельности, а некоторой доли удачливости. Политика напоминает карточную игру использованием принципа «у кого на руках козыри, тот и выигрывает». Вместе с тем игровая метафора как бы снижает значимость поражения: жизнь игроков - это множество отдельных игр, в которых чередуются победы и поражения и проигранная игра не означает крушения всех надежд.

Субъекты политической деятельности метафорически обыгрываются не только как азартные игроки, но и как фигуры карточной колоды:

Например:

*Путинский фактор, имя и образ - основной **козырь** кампании* (Итоги № 35, 2007).

*Самая динамичная комбинация с участием весомых в **политической колоде фигур** была разыграна после внезапной смерти Сапармурата Ниязова за туркменским «карточным столом»* (Политический Журнал № 11-12, 2007).

*В Туркмении на протяжении последних 15 лет **политическим джокером** являлся внезапно скончавшийся в конце 2006 г. президент Сапармурат Ниязов – Туркменбаши* (Политический Журнал № 11-12, 2007).

*Перспективы обрисовываются такие, что независимо от того, какие решения будут приняты туркменским правительством относительно продажи своего газа, лично у Бердымухаммедова есть все основания чувствовать себя «**козырным газовым тузом**»* (Политический Журнал № 11-12, 2007).

*Еще одной **фигурой в политической колоде** Туркмении является бывший начальник личной охраны президента Ниязова, а ныне председатель Совета национальной безопасности генерал Акмурат Реджепов* (Политический Журнал № 11-12, 2007).

*В силу закрытости политической системы Туркмении нельзя точно сказать, играет ли «**козырной король**» **Реджепов** в паре с «**козырным тузом**» Бердымухаммедовым или же скоро мы станем свидетелями борьбы между ними за власть над «*трубой*»* (Политический Журнал № 11-12, 2007).

*Также в «козырях» ходит глава Министерства нефтегазовой промышленности и минеральных ресурсов Курбанмурат Атаев – **политический валет*** (Политический Журнал № 11-12, 2007).

*То ли, что скорее, списал обоих и готовится вывести на авансцену третьего, **джокера**, личико которого пока старательно скрывает* (Новое время №6, 2007).

Метафорическая модель ПОЛИТИКИ – ФИГУРЫ КАРТОЧНОЙ КОЛОДЫ в первую очередь позволяет обозначить иерархические отношения действующих лиц. На политическом олимпе находятся политические тузы и короли, которые борются за власть, а политическая борьба также метафорически представляется как карточная игра.

В подобных контекстах часто акцентируются случайность участия людей в политике, а также недолговечность их политической жизни: сегодня туз – это ты, а завтра это кто-нибудь другой.

При всем разнообразии рассмотренных примеров их объединяют эмотивные смыслы, связанные с оценкой политической деятельности как сферы, где много далекого от важнейших проблем обычных людей, случайного, не подлинного, значимого только для самих участников политических игр.

- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. М., 1994.
- Лакофф Дж, Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990.
- Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург, 2001.

Е.В. Швец

Специфика структурно-композиционной организации текста «звездного» интервью

Изучение теоретических и практических разработок в области эффективности публичной речи указывает на возросший интерес к интервью как разновидности публичного диалога, на возросшую социальную значимость интервьюера и определение его роли в формировании общественного сознания (масс) в соответствии с требованиями и потребностями аудитории (адресность).

В репрезентируемом материале анализируется «звездное» интервью, так как, на наш взгляд, эти тексты представляют интерес с точки зрения речевого поведения интервьюера и структуры текста.

Тексты «звездных» интервью, являясь диалогическими, максимально приближены к неформальной беседе.

Выбранные для анализа материалы представляют собой именно текст как законченное информационное и структурное целое, как высшую коммуникативную единицу.

Пристальное внимание к тексту в современной лингвистике обусловлено тем, что «... он стал рассматриваться как подлинная единица речевой коммуникации» (Ворожбитова 2005: 220). Еще в 70-е годы Г.А. Золотова писала: «проблематика текста выдвинулась в последнее время на одно из первых мест в мировой лингвистике. Текст получает признание как одна из важнейших лингвистических категорий, поскольку языковая система в процессе коммуникации реализуется не в изолированном предложении, а в текстах разного типа и назначения» (Золотова 1982: 13).

В настоящее время лингвистические ассоциативные эксперименты «...заставляют отчасти пересмотреть принципы речевой деятельности индивида: ... языковая личность... оперирует не словами, не предложениями или фразами, но всегда фрагментами текста... Восприятие и понимание также осуществляется скорее потекстно, чем пословно или пофразно» (Караулов 2002: 102).

По мнению Ю.А. Левицкого, «текст как единица коммуникации, в отличие от единиц языковой системы, не поддается формальному определению. Это относится и к парадигматическим, и к синтагматическим отношениям текста - их можно установить на основе содержания, а не формы. Определение текста может быть лишь

содержательным» (Левицкий 2006: 88).

Закономерности построения диалогического текста отличаются от закономерностей построения текста монологического: движущей силой при формировании диалогического текста является чередование вопросно-ответных структур. Здесь большую роль играет не только семантико-синтаксическое различие используемых вопросительных и утвердительных предложений, но и постоянное изменение коммуникативного намерения, источника получения информации, характера отношений между отправителем и получателем.

Ситуативный фактор также отражается на формировании речи в разных типах интервью. В «звездном» интервью этот фактор носит ярко выраженный личностный характер. Сама ситуация стимулирует непринужденность и спонтанность речи, коммуниканты общаются в реальном времени и обстановке. Но даже если общение возникает спонтанно, оно не станет диалогическим, если участники коммуникации не будут находить общих точек соприкосновения (общей темы).

Разумеется, «звездное» интервью, как и любое другое, предусматривает пространные монологические высказывания респондентов и авторские реплики интервьюеров, но это диалогические единства всего лишь с позиции краткости – развернутости реплик коммуникантов.

В «звездном» интервью могут происходить отклонения от первоначальной темы и возврат к ней, а также возникает несколько подтем. Например, тема интервью с Андреем Соколовым: «актер и кино»; подтемы: «актер и его литературное творчество», «актер и бизнес», «мужчина и любовь».

Несмотря на большое разнообразие видов интервью, его «структурно-композиционные черты... остаются достаточно стабильными: зачин – основная часть – концовка» (Михальская 1996: 28). Следует отметить, что при наличии формальных признаков текста «звездное» интервью отличается слабой структурированностью, нестандартным построением при относительной стандартности тем и подтем. Речевая структура интервью в целом ориентирована на нормы устной речи. Многое здесь зависит от индивидуальных особенностей, своеобразия языковой личности интервьюера и его собеседника.

Вводное и заключительное слово журналиста – это и художественное оформление текста, и выражение интонационной завершенности или начала беседы, и оценка происходящего. В одних случаях зачин и концовка могут быть выражены репликами журналиста, то есть графически они не выбиваются из текста интервью. Другой вариант – зачин и концовка представляют собой монолог автора, не выделенный как реплика, либо существует так называемая «врезка», вкратце информирующая о герое интервью. Во всем проанализированном нами материале зачин представлен врезками, вынесенными на первую страницу и имеющими особое графическое оформление – «крупный шрифт»:

Из интервью с писателем Сергеем Лукьяненко:

«Взрослые любят сказки не меньше детей», - считает писатель-фантаст С. Лукьяненко, автор романа «Ночной Дозор» и сценария одноименного фильма. Действительно, мистическая история о Светлых и Темных магах, которые тайно живут среди обычных людей и сражаются между собой, стала настоящей сенсацией года. («7 Дней», №38, 2004, с. 62).

Из интервью с актрисами Ольгой Дроздовой и Дмитрием Певцовым: «Дорогие мои детки! Бесконечно рад за вас! Пусть в доме будет много счастья, любви и радости! Всегда вместе с вами «ПАПА». Эта записка уже месяц как висит на люстре в новой квартире Ольги Дроздовой и Дмитрия Певцова. На этой люстре, сплошь состоящей из спиц с крепежами, висят послания от самых близких людей. Это не удивительно. Ведь Ольга с Димой совсем недавно переехали в новую квартиру. («7 Дней», №20, 2005, с. 69).

Как уже отмечалось, в организационно-структурном аспекте «звездное» интервью - это личностный вид диалога. Тип диалога - портрет, в котором предметом речи является человек. Здесь все направлено на раскрытие личности интервьюируемого, но раскрытие личности собеседника через метод интервью в публицистике отличается от методов, используемых в художественной литературе.

Начиная с XIX века, в художественной литературе главной целью писателя было открыть читателю внутренний мир героя так, чтобы его поступки были понятны без объяснений со стороны автора, для чего вводились «пересечение, созвучие или перебой реплик открытого диалога с репликами внутреннего диалога героев» (Сиротина 1994: 251). В «звездных» интервью собеседники журналиста – популярные личности, окруженные ореолом знаменитости, их жизнь достаточно известна, поэтому целью интервью становится в большей степени извлечение нового, неожиданного факта, новой информации, а не внутренний мир героя.

Также целью данного типа интервью может быть разного рода сенсация, знакомство, реклама, развлечение. Повод для встречи с интервьюируемым – его участие в ярком сенсационном событии (редко), известность, «раскрутка», «возобновление популярности», событие в личной жизни «звезды», вызывающее читательский интерес (свадьба, рождение ребенка, развод, болезнь, несчастный случай, покупка нового дома, участие в новом «модном» проекте и т.д.). Это всегда - удовлетворение читательского интереса, любопытства.

Тексты проанализированных «звездных» интервью имеют определенную систему, служащую для осуществления коммуникативного намерения автора, то есть интервьюера, а также обладают существенными характеристиками - содержательными, функциональными и коммуникативными. Они имеют свои единицы: высказывания (на

структурно-семантическом уровне) и межфразовые единства, то есть ряд высказываний, объединенных семантически и синтаксически в единый фрагмент.

Известно, что межфразовые единства объединены в более крупные фрагменты - блоки. «Звездное» интервью следует отнести к разряду умеренно и даже низко структурированных. Текст интервью отличается от всех остальных тем, что не имеет четкой композиционной структуры, структурные составляющие представлены различным сочетанием вопросов, ответов, комментариев. Подведение итогов (концовка) присутствует далеко не во всех звездных интервью.

Рассмотрим несколько примеров заключительных реплик интервьюеров и интервьюируемых в «звездных» интервью.

Из интервью с Александром Домогаровым и Мариной Александровой:

Ж. - Возникают ли в вашем общении темы прошлой жизни? И вообще, важно ли вам, что было у каждого из вас до того, как начался ваш роман?

А.Д. - Возникают. Слишком уж много про меня говорили и судачили. Но в какой-то момент я перестал с этим бороться и спорить. Какой смысл? Марина сама разберется, что правда, что ложь, где белое, где черное.

М.А. - Иногда такие разговоры между нами действительно происходят. Но лишь тогда, когда прошлое мешает нам жить. (...) Я понимаю, прошлое есть прошлое, из него ничего не выкинешь. Но главное не оно, а то, как человек живет в настоящем. А в настоящем важно быть уверенным в том, что дверь в прошлое уже закрыта («7 Дней», №29, 2005, с. 70-78).

Из интервью с Львом Николаевым:

Ж. - Оказавшись в вашем доме, с первой же минуты ощущаешь удивительную атмосферу. Чувствуется, что все у вас существует в гармонии - дом, семья, работа. Как вам это удалось?

Л.Н. - Знаете, я совершенно убежден - круг собственных интересов, если он существует, позволяет сгладить любые неприятности - внутренние или внешние. Я вообще считаю некорректной постановку вопроса "Что главное: дом или работа?", и не потому, что, если не будет хорошей работы, не будет заработка, не будет дома. Эта цепочка мне тоже кажется не точной. Просто нельзя отделять свое любимое дело от близких и любимых людей, нужно включать их в свою жизнь, они должны быть ее соучастниками. (...) Уверен: если львиную долю времени посвятить работе, и работа эта приносит удовольствие, то непременно создается тот позитивный настрой, который переносится на дом, семью, детей и, надеюсь, внуков («7 Дней», №29, 2006, с. 50-53).

В рассмотренных выше примерах заключительные вопросы или заключительные высказывания, делающие вывод или подводящие итог, отсутствуют. Все эти вопросно-ответные единства могут располагаться в любой другой части интервью. Прием недосказанности, который использует как интервьюер, так и интервьюируемый, создает иллюзию живой речи, неформальной беседы, сохраняя некую интригу

незавершенного разговора, поддерживает читательский интерес, дает возможность новой встречи со «звездой».

От размещения вопросов и связи между ними напрямую зависит композиция интервью. Выделяются интервью со «свободной композицией» и интервью, композиция которых – «импровизированная беседа» (Попова 2002: 72).

Интервью со свободной композицией отличается тем, что вопросы в нем можно переставлять, так как они едины лишь своей широкой тематикой, изменение места вопроса не влияет на течение разговора.

Композиция импровизированного интервью представляет собой совершенно иной тип отношений вопросов и ответов, при котором вопрос порождается предшествующим ответом собеседника, вследствие чего перестановка вопросно-ответных единств невозможна. Типичная композиция портретных интервью представлена типом импровизированной беседы, то есть такими вопросно-ответными единствами, которые нельзя переставить местами.

Предполагается, что журналист в таких случаях следует исключительно за ответами интервьюируемого, то есть его вопросы возникают спонтанно по ходу беседы. Но, как показывает анализ, в процессе подготовки к интервью журналист очерчивает определенный круг тем, которые получают развитие в форме импровизированной беседы. Вопросы в интервью, коротко означая темы следующих за ними отрезков текста – ответов, делают содержательную структуру текста и его композицию прозрачными, легко обозримыми (вот тема текста, сейчас пойдет речь об этой детали, сейчас о следующей).

Из интервью с Алиной Кабаевой:

Ж. - Кто же этот мужчина, укравший ваше сердце?

А.К. - Давид не имеет отношение к миру спорта. Хотя в юности и занимался боксом. Давид родом из Грузии, но живет в Москве, ему 35 лет. Он ответственный работник в одном из государственных учреждений. Но прежде всего он очень умный, интересный человек. Давид много знает, обожает историю, архитектуру, живопись (...).

Ж. - Давид очаровал вас в первый же вечер?

А.К. - Да, это была любовь с первого взгляда. Хотя во время нашей первой встречи он был несколько молчалив. Но при этом Давид был очень заботлив. Так, наверное, и бывает, когда совершенно незнакомые люди вдруг в миг становятся симпатичны друг другу. (...) Давида я могу перебивать своими вопросами без конца, и он на все даст ответ. В общем, он мне помогает во всем. Я в надежных руках.

Ж. - Теперь понятно, почему вы так блестяще выступили на Олимпиаде...

А.К. - Хотя во время Олимпиады мы не могли встречаться, т.к. я жила в олимпийской деревне, а Давид - в отеле. Но сознание того, что мой сладенький и любименький где-то совсем рядом, конечно придавало мне

уйму сил. (...)

Ж. - Как вы с Давидом отпраздновали победу?

А.К. - Тихо посидели вечером вдвоем в одной из уютных афинских таверн.

Ж. - Можно представить, как Давид гордился вашими достижениями...

А.К. - Конечно, он был рад не меньше, чем я. Но скажу откровенно, сразу после Олимпиады мы оба были фантастически счастливы от того, что у нас наконец-то начнется новая жизнь. Своя, личная! У меня больше не будет ни изнурительных тренировок, ни вечных соревнований, и мы будем предоставлены только друг другу.

Ж. - Уйти из большого спорта после афинской Олимпиады вы решили из-за Давида?

А.К. - Нет. Это решение я приняла давно, еще до знакомства с ним. Но встреча с Давидом, конечно же, еще больше укрепила меня в этом решении. Знаете, за то время, что мы знакомы, Давид пережил со мной, из-за художественной гимнастики столько стрессов! (...) и т.д. («7 Дней», №41, 2005, с. 73-74).

За основную единицу коммуникативно-речевой структуры диалога принимают диалогическое единство. Исследования показали, что все интервью представлены следующими разновидностями диалогических единств:

- 1) «вопрос – повествование»;
- 2) «повествование – повествование»;
- 3) «повествование + вопрос – повествование»;
- 4) «вопрос + повествование – повествование»;
- 5) «повествование + вопрос + повествование – повествование».

По развернутости диалогические единства могут быть представлены следующими сочетаниями:

- 1) «краткий вопрос – краткий ответ»;
- 2) «краткий вопрос – развернутый ответ»;
- 3) «развернутый вопрос – краткий ответ»;
- 4) «развернутый вопрос – развернутый ответ».

Если рассматривать диалогические единства с позиции краткости - развернутости реплик коммуникантов, то самым диалогичным является «звездное» интервью. Самый распространенный параметр - краткий «вопрос - развернутый ответ». Это обусловлено желанием интервьюера получить максимум информации для реализации главной стратегической цели - максимальное удовлетворение читательского интереса; чуть реже встречается параметр «развернутый вопрос - развернутый ответ», и затем «краткий вопрос - краткий ответ».

Объемы реплик свидетельствуют не только о желании доминировать в общении, но и об объективно расставленных акцентах: основной носитель информации – интервьюируемый. Однако тенденции последних лет проявляются в нестандартном построении российского «звездного» интервью. Четко прослеживается желание журналиста уйти от шаблонного

решения, создать свой имидж, стать равноправным участником беседы, привлечь к своей работе больше внимания. Создание имиджа является в каком-то смысле самостоятельной коммуникативной задачей, относительно независимой, не «привязанной» к конкретной ситуации, но в то же время тесно связанной с другими, не имиджевыми задачами.

Известно, что личностное начало автора в большей степени проявляется в художественном тексте. Образ автора определяется такими характеристиками, как полномочия, авторитет, информированность, заинтересованность и т.д. Образ автора также является обязательным в качестве компонента речевой стратегии, то есть образ автора – един для целой серии речевых действий в диалоге. Речь идет о стратегии самопрезентации и реализующих ее речевых тактиках.

«Звездное» интервью не является художественным текстом, однако образ автора (интервьюера) чрезвычайно важен для создания яркого портрета и раскрытия характера героя интервью (интервьюируемого).

Новое и нетипичное для жанра интервью – наличие текста в тексте или «микротекста» в тексте современного «звездного» интервью.

Из интервью с актером Андреем Соколовым:

Ж. - Что же вы тогда делали в МАТИ?

А.С. - Так мы договорились с родителями. Они знали о моем желании стать актером, но явно этого не одобряли. (...) Они сказали: "Получи нормальную специальность, а дальше поступай как знаешь". Так-то я и оказался в МАТИ, который окончил дипломированным инженером-механиком по производству летательных аппаратов.

Ж. - Вы с такой гордостью говорите об этом...

А.С. - А что, этого стоит стесняться? Могу честно сказать, время, проведенное в МАТИ, ни в коем случае не считаю потерянным. Я вообще никогда ни о чем не жалею, чем бы ни занимался в жизни. До того как стать профессиональным актером, я перепробовал десяток разных специальностей. (...) Мне на самом деле все интересно. Как ни банально это звучит, но все мои занятия дают какой-то новый опыт, который никогда не бывает лишним: новые ощущения, новые знакомства, новые друзья, наконец.

Монолог интервьюируемого подхватывает интервьюер. Далее следует монолог интервьюера, который сообщает дополнительную информацию не со слов интервьюируемого, а от собственного (авторского) лица:

В друзьях у Андрея Соколова, похоже, пол-Москвы. Во время одной из наших встреч произошел эпизод, немало удививший корреспондентов «7 Дней». Подъехав к месту съемок очередного телесериала, Андрей никак не мог найти места для стоянки. До тех пор, пока вдруг случайно не обратил внимание на автосервис, находившийся на той улице: «О, ведь здесь работает мой друг». Андрей быстро созвонился по мобильнику и через пару минут уже парковал свою машину на территории этого автосервиса. Пока же мы ехали, Соколов мило, по-дружески, беседовал то с каким-то генералом криминальной милиции, то с владельцем частной клиники, то с

неким бизнесменом, то с кем-то из Министерства обороны...

Ж. - Андрей, откуда все эти столь разнообразные знакомства?

А.С. - Жизнь-то длинная (улыбается). Все эти связи главным образом издалека, из моего, скажем так, активного, еще доактерского периода. По большому счету в актерской-то профессии я всего ничего: только 15 лет, с тех пор как в 1990 году окончил Щукинское училище.

Текст от лица интервьюера:

Сниматься Соколов начал, правда, уже на первом курсе. Его дебют - фильм-сказка «Она с метлой, он - в черной шляпе». Между первым и вторым курсом была легендарная «Маленькая Вера», а затем до окончания «Щуки» участие еще в 17 картинах. Сегодня без его участия не обходится, кажется, ни один телевизионный сериал – «Бальзаковский возраст, или все мужики сво...», «Близнецы», «Кавалеры «Морской звезды», «Охота на асфальте»... Кроме того, Андрей играет на сцене в театре (в театре «Луны» и Ленком), не говоря уже о том, что сам ставит спектакли, снимает фильмы и сам продюсирует их («7 Дней», №16, 2005, с. 73-78).

Интервьюер, выступая в роли рассказчика, заявляет о себе как о равноправном участнике беседы, владеющем большим объемом информации. Более того, он отчасти подменяет собой главное действующее лицо – интервьюируемого, формирует собственный имидж, подчеркивает собственную значимость. Этот фрагмент имеет отличное от всего текста интервью графическое оформление - он набран курсивом.

Проанализированный материал, позволяет сделать следующие выводы:

1. Структура текстов «звездного» интервью определяется не только содержанием и лежащими в основе порождающего процесса исходными структурами, но также ситуативными условиями речи и некоторыми факторами, влияющими на стратегию говорящего:

- степень знакомства интервьюера с интервьюируемым;
- степень известности интервьюируемого;
- уровень фоновых (пресуппозиционных) знаний интервьюера о герое;
- возрастной и гендерный факторы.

2. Композиция «звездных» интервью принимает тип импровизированной беседы. Речевая позиция автора, связанная с темой, личностью собеседника, языковой композицией и языковым обликом говорящих, определяется интервьюером. Выбор речевого поведения, которое в дальнейшем определит композицию беседы, зависит от социального статуса интервьюируемого.

3. В «звездном» интервью автор выступает не только как организатор текста, подачи информации, но и как непосредственное действующее лицо, а иногда как основной носитель информации.

Ворожбитова А.А. Теория текста: антропоцентрическое направление / А.А. Ворожбитова. – М.: Высшая школа, 2005. – 367 с.

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1982. – 368 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 264 с.

Левицкий Ю.А. Лингвистика текста / Ю.А. Левицкий. – М.: Высшая школа, 2006. – 207 с.

Михальская А.К. Основы риторики: Мысль и слово / А.К. Михальская. – М.: Просвещение, 1996. – 416 с.

Сиротина О.Б. Тексты, текстоиды, дискурсы в зоне разговорной речи / О.Б. Сиротина // Человек – текст – культура. – Екатеринбург, 1994. – С. 26-33.

Попова Т.И. Телеинтервью в коммуникативно-прагматическом аспекте / Т.И. Попова. – СПб.: СПбГУ, 2002. – 347 с.

Тертычный А.А. Гипотеза – обманчивый союзник / А.А. Тертычный // Журналист. – 2001. – №4. – С. 72-74.

Эпистолярный дискурс

А.С. Куркина

Оценочность

как параметр коммуникативной личности А.П.Чехова

Одним из основных и наиболее ярких параметров коммуникативной личности А.П. Чехова является оценочность. Почти в каждом письме писатель сообщает адресату о своей оценке знакомых и незнакомых ему людей, явлений действительности, городов и их жителей, литературных трудов своих современников, природы и погоды. Одним из постоянных предметов оценки писателя, судя по его переписке, оказывается погода.

Поскольку специфику каждой оценки составляет принцип «люблю – не люблю», оценка погоды также содержит большую долю субъективного видения. Согласно указанному принципу разделим речевые акты оценки погоды на две группы: позитивная оценка и негативная оценка.

Позитивная оценка погоды

Настроение и работоспособность А.П. Чехова напрямую зависели от погоды. Они улучшались, когда на улице светило солнце, было тепло. Его любимое время года – это весна и лето. Зимой и осенью А.П. Чехов чувствовал себя хуже и психологически, и физически: *«Когда погода не такая, какую ей подобает быть, я вял, как переваренная макарона и не могу работать»* [т.5: с.193]; *«Отвратительная погода наводит уныние, парализует всякую охоту двигаться и работать. Кажется, будь пьяницей, до отчаянности напился бы. Но увы! больше трех рюмок не лезет в глотку»* [т.5: с.196].

Давая положительную оценку погоде, А.П. Чехов редко употребляет сдержанный эпитет *хорошая*: *«Погода хорошая. Снег попадает редко»*

[т.2: с.55]; *«Погода хорошая. Через 1-2 недели прилетают грачи, а через 2-3 скворцы. Понимаете ли Вы, капитан, что это значит?»* [т.2: с.209]; *«Погода хорошая. Хочется гулять»* [т.2: с.248]; *«Погода в Москве хорошая, холеры нет, лесбосской любви тоже нет... Бррр!»* [т.6: с.107].

Чаще А.П. Чехов придает позитивной оценке погоды эмоциональную окраску. Он использует такие эпитеты, как **прекрасная**: *«Погода прекрасная. Раки ловятся хорошо»* [т.3: с.199]; **прелестная**: *«Погода прелестная. Тянет из нутра наружу»* [т.1: с.73]; *«Погода прелестная. Солнце. –18. Нет выше наслаждения, чем прокатить на извозчике»* [т.1: с.45]; **великолепная**: *«Погода великолепная. Тепло, птицы поют, крокодилы квакают»* [т.3: с.220]; *«Погода великолепная. Нужно бы работать, а солнце и рыбная ловля за шиворот тащат прочь от стола»* [т.1: с.238]; *«Погода в Петербурге великолепная. Солнце светит вовсю, снега нет, и мороз слегка щиплет за щеки»* [т.4: с.195]; **чудесная**: *«Погода чудесная»* [т.2: с.240]; *«Погода чудесная. Небо освещено по-весеннему. Если бы я служил в департаменте государственной полиции, то написал бы целый доклад на тему, что приближение весны возбуждает бессмысленные мечтания»* [т.6: с.26, 184, 338]; **чудная**: *«Погода чудная. Пахнет степью и слышно, как поют птицы. Вижу старых приятелей коршунов, летающих над степью...»* [т.2: с.56]; *«Какая чудная погода!»* [т.3: с.196]; *«Погода была чудная, тихая, солнечная, теплая; я ехал и чувствовал почему-то, что я необыкновенно здоров; мне было так хорошо, что и описать нельзя»* [т.4: с.113]; **изумительная**: *«Погода изумительная. Цветут розы и астры, летят журавли, кричат перелетные щеглы и дрозды. Один восторг»* [т.6: с.188]; **восхитительная**: *«Последние дни погода у нас стоит восхитительная. Грибов тьма. Ночи лунные»*; **удивительная** [т.5: с.208]; **райская** [т.5: с.56].

А.П. Чехов часто использует интенсификаторы экспрессивности, позволяющие выразить высшую эмоциональную оценку: **так (столько)...**, **что нет сил описать (нет сил на одном месте усидеть)**; **лучше и не надо**: *«В природе столько воздуха и экспрессии, что нет сил описать... Каждый сучок кричит и просится, чтобы его написал жид Левитан, держащий в Бабкине ссудную кассу»* [т.1: с.248]; *««Погода в Москве великолепная. Лучше и не надо»* [т.1: с.228].

Нередко писатель употребляет интенсификаторы экспрессивности **чёрт знает как**; **так**; **возмутительно**; **чертовски**; **анафемски**; **подозрительно** в сочетании с кратким прилагательным хорош(-а,-и): *«Погода чертовски, возмутительно хороша»* [т.2: с.56]; *«Боже, как я ленюсь! Погода виновата: так хороша, что нет сил на одном месте усидеть»* [т.1: с.244]; *«Погода у нас хороша. Дни ясные, тихие, а ночи чёрт знает, как хороши! <...> Погода подозрительно хороша: очевидно, перед длинным и скучным ненастьем...»* [т.1: с.246].

А.П. Чехов очень точно и ярко передает своё внутреннее ощущение от прихода весны: *«Солнце светит вовсю. Пахнет весной. Но пахнет не в*

носу, а где-то в душе, между грудью и животом» [т.5: с.164]. Чтобы усилить акцент на действии, писатель иногда намеренно нарушает произносительные нормы языка: «У нас весна. Всё поёт, всё течёт» [т.6: с.138].

Негативная оценка погоды

О плохой погоде А.П. Чехов редко говорит сдержанно: «Погода плохая: ветер» [т.1: с.243]; «Погода плохая. Хандра и нездоровье» [т.2: с.87]; «Холодно! Скучно без хорошей погоды» [т.5: с.202].

В основном писатель использует языковые средства с эмоциональной окраской. А.П. Чехов также намеренно нарушает грамматические и произносительные нормы языка, употребляет интенсификаторы экспрессивности: *хоть вешайся; хоть плюнь; глядеть не хочется; чёрт знает что*: «Зима в Москве плохая, хоть плюнь. Снегу нет» [т.3: с.307]; «У нас было не лето, а сплошное чёрт знает что: дождь, дождь и дождь... В настоящее время ветер, холодище и тяжёлые тучи. Реомюр показывает 4,5 тепла. Скука и стремление к чему-нибудь зашибательному вроде пьянства» [т.1: с.256]; «Кстати: на двора кáладна. Просто хоть вешайся» [т.5: с.203].

Писатель широко использует общеупотребительные эпитеты: *отвратительная* [т.5: с.196, 200]; *ужасная* [т.1: с.123], *скверная*: «Погода у нас скверная. То тепло, то холодно, так что, выходя из дому, не знаешь, что надевать: летнее пальто или отцовскую шубу...» [т.2: с. 35] [т.2: с.21; т.3: с.270]; *поганая* [т.3: с.186]; *возмутительная* [т.5: с.201]; *мерзкая*: «Погода у меня на даче мерзкая. Дождю и сырости нет конца. Природа так паскудна, что глядеть не хочется. Если у Вас сухо, тепло и тихо, то я завидую Вашему благоутробию» [т.2: с.94]; «Погода у нас мерзкая. Идут снег и дождь, ездят в санях и на пролетках, тепло и холодно... Сам чёрт не разберет, в чем дело» [т.2: с.48].

Наряду с общеупотребительными А.П. Чехов часто употребляет авторские эпитеты: «Жара, конечно, *несосветимая*» [т.3: с.230].

Описывая природные явления, А.П. Чехов часто сравнивает их с человеческими действиями, создавая тем самым яркие образы в сознании собеседника. Холодная, сырая, пасмурная погода ассоциируется у А.П. Чехова: а) с чем-то нечистым; б) злым, подлым; в) с психологическим дискомфортом; г) с болезнью физической; д) с развратной бабой.

а) Говоря о грязной, сырой погоде А.П. Чехов употребляет эпитет *плёвая*: «Погода у нас в Москве плёвая. В Бабкине, думаю, не лучше» [т.2: с.146].

б) Ассоциации данной группы передаются с помощью авторских эпитетов: *адская*: «Погода адская. Спасибо из Москвы приехали гости, а то бы можно было окоченеть от скуки» [т.5: с.238]; *аспидская*: «Погода аспидская, нет проезда ни на колесах, ни на санях, но в Москву не тянет и

никуда не хочется из дому» [т.5: с.122]; **сволочная**: «Погода сволочная» [т.1: с.254]; **препаскудная**: «Препаскудная погода. Жалею, что я не пьяница и не могу нализаться как стелька. Очевидно, весна будет холодная, аспидская...» [т.5: с.197]; **подлая**: «Погода в Москве подлая: грязь, холод, дождь» [т.3: с.184].

в) Постоянно испытывая при плохой погоде психологический дискомфорт, А.П. Чехов использует в оценке погоды и собственного настроения соответствующие эпитеты: **безнадежная**: «Погода безнадежная. Был мороз, а теперь +2 со снегом. Настроение **грызотно-язвительное**» [т.5: с.199]; **пессимистическая** [т.5: с.237].

г) Часто авторские эпитеты перекликаются с медицинской терминологией: **насморочная**: «Погода подлая, насморочная; само небо чихает. Просто не глядел бы» [т.4: с.28]; **дифтеритная**: «Погода ужасная, дифтеритная. Давно уже не видел солнца» [т.1: с.123]; **безнравственная, бленорейная**: «Погода у нас безнравственная, бленорейная. 3 градуса тепла. Санный путь перестает быть санным» [т.1: с.283].

д) Нередко плохой погоде А.П. Чехов приписывает качества падшей женщины: «Погода у нас занимается проституцией. Хуже всякой пьяной бабы: <...> гниет, плюет... Тифозно!» [т.1: с.277]; «Погода в Москве скверная, хуже полового извращения» [т.3: с.270]; «В Питере погода аспидская. Ездят на санях, но снега нет. Не погода, а какой-то онанизм» [т.4: с.8].

В одном из писем Н.А. Лейкину А.П. Чехов сравнивает изменения в природе с поведением газетчика: «У нас погода тоже скверная. Вчера была оттепель, сегодня мороз, а завтра будет дождь. Очевидно, **природа стала работать в мелкой прессе**. Иначе было бы непонятно такое ее поведение» [т.2: с.21].

Для выражения негативного отношения к сырой и холодной погоде А.П. Чехов часто употребляет эмоциональное междометие **бррр!**: «Ну-с, подул с утра ветер... Тяжелые свинцовые облака, бурая земля, грязь, дождь, ветер... бррр!» [т.4: с.75]; «Ну-с, у нас холодище. Я мерзну, как сукин сын, и жду с нетерпением, когда пальминские Фебы и Земфиры оставят небесную портерную и начнут греть бедных дачников. Моя дача без печей; кухня есть, но нет камина. Бррр!! Сижу в осеннем пальто, стараюсь родить субботник, но вместо мыслей из головы выдавливаются какие-то выморозки» [т.2: с.88]; «Бррр! Холодно чертовски. Дует лютый норд-ост» [т.6: с.146]; «Грязно, холодище – бррр!» [т.5: с.228]; «Вообще дождь, грязь, холод... бррр!» [т.4: с.71]; «**Дождь порет во все лопатки**. Бррр!.. Чтобы уйти из-под этого облачного свода в тепло и цивилизацию Москвы, мне нужно *тіптіт* 200 руб., а в кармане один талер – только... Весна где ты?» [т.1: с.158].

В последнем примере отметим употребление авторского выражения: *«Дождь порет во все лопатки»*, возникшего из фразеологизма: *Бежать во все лопатки*. Для коммуникативной личности А.П. Чехова характерно употребление данного фразеологизма с изменением первого компонента *бежать* для обозначения интенсивности, скорости. Так, например, в его письмах встречается и такое выражение: *«Рад служить во все лопатки...»* [т.1: с.144]; *«Браню себя во все лопатки»* [т.1: с.80]; *«Он (Григорович – А.К.) невыносимо страдал, метался, стонал, а я 2½ часа сидел возле него, браня во все лопатки свою бессильную медицину»* [т.2: с.40].

При описании плохой погоды для большей яркости и эмоциональности А.П. Чехов использует образные выражения, сравнения (нередко с шутливым оттенком) по ассоциативному признаку: *«Ртуть в термометре ушла к –10. Все ругательные слова, начинающиеся с буквы с, я пускаю по адресу этой ртути и в ответ получаю от нее холодный блеск глаз... Когда же весна? Лица, когда весна?»* [т.5: с.36]; *«У нас холодище. Идет снег, дует Борей, а небо глупо как пробка»* [т.1: с.238]; *«Холодно. Местность болотистая. Пахнет половцами и печенегам»* [т.6: с.65]; *«Погода у нас туманная. Столько по улицам туману напущено, что не только либералов, но даже и консерваторов не видно. Надо будет Пальмину дать тему для стихов – «Туман»: бог Феб скрылся, благодаря туману, напущенному идолами нашей хмурой эпохи; но идола не разочли, напустили больше, чем следует, и сами погибли... Я дам тему, Пальмин напишет, а Вы прочтете и выругаетесь»* [т.1: с.272]; *«Туман и облака. Не видно ничего. Птицы, крокодилы, зебры и прочие насекомые попрятались»* [т.2: с.53]; *«Снег, сугробы, шубы и термометр по утрам показывает –11. Скворцы еще не прилетели, а грачи шагают по дорогам уныло, точно факельщики»* [т.6: с.134]; *«Идет дождь. В такую погоду хорошо быть Байроном – мне так кажется, потому что хочется злобиться и хочется писать хорошие стихи»* [т.5: с.227].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что речевые акты оценки погоды в письмах А.П. Чехова отличаются высокой эмоциональностью и выразительностью, что говорит о равнодушии писателя к природным явлениям. Погода влияет не только на физическую личность А.П. Чехова, но и на коммуникативную. От состояния погоды меняется и речевое поведение писателя. Так, например, негативная оценка погоды обладает большей экспрессивностью, чем позитивная. В описаниях плохой погоды писатель употребляет гораздо более разнообразные языковые средства, чем при описании хорошей. Позитивная оценка содержит в основном общеупотребительные слова и речевые акты, а негативная – неординарные авторские слова и выражения. Плохая погода, в отличие от хорошей, в сознании А.П. Чехова ассоциируется с действиями человека или его состоянием. Большая часть ассоциаций связана с темой медицины и нравственности.

А.П. Чехову как коммуникативной личности присуще утонченное чувство «живого» слова. Писатель способен полностью ощутить его образный и семантический потенциал, «прирастить» новые смыслы. Моделируя образы погоды по ассоциативному признаку, А.П. Чехов исключительно ярко выражает свое настроение и физическое состояние.

Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. – М.: Наука, 1974. – Т. 1–6.

С.А. Лысенко

Некоторые особенности построения интернет-текстов

Перед тем, как приступить к обсуждению специфики построения текстов, порожденных в процессе интернет-коммуникации, хотелось бы обратить внимание на сам акт коммуникации в Интернете. Данный вид коммуникации в силу своей опосредованности имеет ряд отличительных черт, центральной из которых модно считать виртуальность. Виртуальность провоцирует человека на освобождение скрытых черт его личности, которые в реальной жизни ограничены психологическими комплексами, причем освобождение это происходит именно в языковой сфере, так как сам человек существует в Интернете прежде всего в языковой форме. Язык становится не только средством общения, но и средством создания самой виртуальной реальности.

Интернет – это сфера пересечения языковых личностей, поэтому огромное значение имеет графическое оформление текста. Даже устно-разговорная спонтанная речь находит здесь свое графическое выражение. Результат попытки передать все особенности разговорной речи графическим способом, включая эмоции, усеченные разговорные фразы, особенности произношения и интенсивности тона можно обозначить как «звуковое письмо» (Трофимова 2005). В связи с этим устная речь пытается сохранить свою первозданность и в интернет-коммуникации происходит деструктуризация письменной речи.

Данная особенность Интернет-коммуникации не могла не оказать разрушающего воздействия на письменную форму речи. Многочисленные примеры такого воздействия можно видеть не только на лексико-грамматическом или текстовом уровне (письменная речь), но и на фонетико-графическом (явления, изначально характерные для устной речи, графически фиксируются в Интернете).

Max:Hi everybody ladyz you now what do if you what to chat with me press 1234

АЛИНА: Хочу поболтать с грузЫнским парнЭм :-)

Гриза: АЛИНА: Давай БОлтат

При этом стоит отметить, что воздействие устной формы речи в различной степени выражается в синхронной и асинхронной коммуникации. Синхронная коммуникация представляет собой процесс общения в режиме on-line, то есть в реальном времени. К этому типу коммуникации относятся ICQ, разного рода чаты и их аналоги. Асинхронная коммуникация по своей сути ближе к эпистолярному жанру традиционной переписки. Этот тип коммуникации характеризуется тем, что для подготовки и написания ответа коммуниканты используют неопределенное количество времени. К данному типу коммуникации относятся электронная почта, блоги, доски объявлений, интернет-дневники и др.

Рассмотрим подробнее электронную почту и чат как представителей асинхронной и синхронной коммуникации.

Электронная почта отличается от остальных видов электронной переписки тем, что практически не ограничивает абонента в размере отсылаемого сообщения, к примеру, в ICQ – 200 символов, в SMS – 140 символов или даже меньше. Таким образом, одно из необходимых условий синхронной коммуникации – краткость – практически утрачивает свою актуальность. В электронном письме наблюдается смешение признаков делового и дружеского письма. Приветствия типа «добрый день, привет, здравствуйте» могут сосуществовать с обращениями «уважаемый, дорогой». Нарастает тенденция диалогизации, подкрепленная в дружеской переписке усилением эмоционально-экспрессивной стороны сообщений. В то же время размываются границы системы этикетных формул, форма письма становится более свободной. Деловая переписка также демократизируется, теряя свою высокопарность.

Скорость обуславливает тенденцию к изменению жанровых форм — от добропорядочного классического письма к записочкам. Даты исчезают, обращение «Дорогой Саша!» превращается в «Привет!» (интенсивная переписка и вовсе обращений не предполагает), появляются цитаты, обмен монологами трансформируется в имитацию диалога. Поэтому в электронных письмах часто можно наблюдать потерю обращения, приветствия, подписи, сокращение повторяющихся элементов, этикетных формул вежливости. Однако, в отличие от диалогов в чатах, электронное письмо сохраняет содержательную целостность и структурную определенность.

Hi,

even if I urgently like to meet you - unfortunately my VISA ends end of January and at the moment they need 2 weeks to prepare a new. i will keep you posted what happens.

Чат можно сравнить с рекой, "в которую нельзя войти дважды". Это связано с высокой скоростью обмена информацией. Чат постоянно обновляется, и коммуниканты сталкиваются с определенными трудностями, которые связаны с линейностью расположения реплик в чате. Поэтому в начале реплики пишется "Ник" адресата. Как уже

указывалось, в связи с необходимостью быстрого набора сообщений коммуниканты были вынуждены отказаться от всего "лишнего", то есть вводных слов, длинных приветствий, этикетных фраз и др. Сокращаются слова и даже целые предложения:

AWGTHHTGTTA? - Are We Going To Have To Go Through This Again?;
ITYWISWYBMAD - If I Tell You What It Says, Will You Buy Me A Drink? и др.

Для приветствия участники чата обычно используют следующие формулы: hi every 1, hi all on board, hey all, hi all, hiya! привет, а вот и я! здрасти и др.

Для побуждения к общению, как правило, употребляются такие формулы: lets chat, anyone want to chat, any girlz wanna chat to me, , wazzup ppl, any1 wana chat?, no one is talking to me 😞, pm me!, и др.

При желании закончить общение в чате возможно использование следующих формул: I'm away from my keyboard (IAFK)- but I'll be back later (BBL), right i'm off outta here, cya's soon 🙄, bye all и др.

В чатах запрещены нецензурные выражения и какие-либо оскорбления участников. За этим следят модераторы чатов, и при несоблюдении правил сетевого этикета Вы рискуете получить замечания от модератора или быть выкинутыми из чата, а Ваш IP может быть внесен в черный список, что сделает невозможным Ваше присутствие в данном чате раз и навсегда.

Необходимо также отметить компонент, без которого мы уже не в силах представить современные чаты, – смайлик. Сма́йлик, смайл ([англ.](#) smile, smiley), эмотикон ([англ.](#) emoticon), эмотиконка, эмоци́он — это [идеограмма](#), изображающая [эмоцию](#). Состоит из различных символов, в том числе и служебных. Первоначально смайл использовался для изображения эмоций. Сегодня сфера употребления смайлов значительно расширилась: от изображения эмоций до простого заполнения пауз между репликами и обозначения присутствия коммуниканта. Зачастую смайлики используют в конце предложения вместо знаков препинания.

Ой.....классно))))))

НАТА привет :))))))))))))))))))))))))

Возникает вопрос: Где и в каких случаях уместно использование «смайликов» и аббревиатур, а где это выглядит явно лишним?

Стоит сразу отметить, что использование «смайликов» практически необходимо, когда требуется что-то быстро сказать или ответить, вовсе не к чему «размазывать» текст. Достаточно просто поставить смайлик «;-*» или «:->». Ту же роль играют аббревиатуры. Они ускоряют процесс написания письма. Что же касается целесообразности их использования, «смайлики» и аббревиатуры уместны в повседневной коммуникации, особенно если ими не злоупотреблять. Аббревиатуры зачастую используют в случае, если коммуникант точно уверен, что собеседник их понимает.

«Смайлики» употребляются в общении почти с любым собеседником. Повторение скобочек в «смайликах» обычно означает значительное

усиление интонации, то есть вариант «)» означает, что шутка очень удалась или новость заставляет веселиться «по полной программе», а вариант «;-(« демонстрирует неимоверную тяжесть на душе у собеседника. Однако многократное повторение этих скобочек сводит на нет все попытки усиления эмоционального воздействия и просто показывает, что данный человек – весьма легкомысленный.

Все выше сказанное относится к обычному интернетовскому общению в чатах, а также в программах обмена мгновенными сообщениями, таких как ICQ, MSN Messenger, Yahoo Messenger. Что же касается статей, документации и уж тем более литературы, мы считаем, что все эти аббревиатуры и «смайлики» просто недопустимы. Даже в текстах на персональных страничках «смайлики» смотрятся как-то беспомощно – как будто человек просто не может найти слов, чтобы выразить свою мысль, не говоря уже о деловой переписке.

Тем не менее стоит отметить некоторые особенности, свойственные как синхронной, так и асинхронной коммуникации, например, тенденция к аграмматизму, т.е. отклонению от норм литературного языка в построении текста. На данном этапе коммуниканты воспринимают данные отклонения с высокой степенью толерантности или иронии, видя в них элементы языковой игры.

Собственно, речь идет о явлении, сходном с нарушением эпистолярного этикета в э-почте. Это явление охватывает разные уровни языка: фразы строятся нарочито беспорядочно; знаки препинания пропускаются (в том числе в сильной позиции конца фразы); прописные буквы заменяются на строчные (в том числе в сильной позиции начала имени собственного); некоторые слова орфографически приближаются к транскрипции («птушта», «пчу», «канешна», «ваще», «лана»).

jambo68rfc: celtic & man u

alanstokie: yeah i am gd game

keavney21: how do I cntact the shipsrat?

sxisophiexx69: AFC - BRB

irishguyinlondon: lol

c.natalie: blonddi2004 to reply to a pm, click on the persons name then on write PM

yozybot: for my sins yes alanstokie!! He's in the army and were living in germany at the mo

Стоит сразу внести поправку: неправильность, о которой идет речь, может быть нарочита и функциональна. Благодаря виртуальности среды можно только зарегистрировать случаи проявления аграмматизма, но вывод о неграмотности сетевого общества будет, по крайней мере, необоснованным. Ведь возможно, что всё это лишь стратегия поведения в сетевом обществе, и речь должна идти не о неграмотности сетевого народа, а о создании особого сетевого диалекта, который некоторые уже окрестили языком «падонкафф».

Важной характеристикой интернет-дискурса является обилие различных типов вопросов и использование эллиптических предложений, целью которых является сокращение дистантности общения и придание ему выразительности и эмоциональности. Для компьютерного общения характерно совмещение стилей, поскольку оно сочетает в себе черты как бытового общения пользователей, так и официально-делового, происходящего при официальном обмене информацией, и научного, если это информация научного характера.

Различные жанры компьютерного общения характеризуются различной тональностью, или выражением различного отношения к тексту и адресату. Например, при обсуждении бытовых вопросов в жанре чатов, происходит максимальное приближение к разговорной речи. Поэтому тональность чатов непринужденная.

Тексты изобилуют разговорными словами, выражениями и сравнениями, как например: *even a moron like me can talk to people; they went into the trash as easily as discarded coffee grounds; Yep; The backend stuff … is really cool; everything that has become useless outdated crap; the archives will look ugly as hell; It's so fun to see this stuff come together; Isn't that weird?; tournament quickly faded from my memory after I was done; Oh, sweet jesus on a pogo stick, the wine; Watcha doin'?; Their archives are full of buried treasure, dontcha know, so ye should set yer sights on them, if ya dare. Arrr!*

Соответственно, вследствие указанных выше недочетов данные реплики можно охарактеризовать как пример разговорного стиля.

Таким образом, мы можем утверждать, что структура построения электронных текстов претерпела некоторые изменения по сравнению с традиционным эпистолярным жанром переписки. При этом наблюдаются заметные расхождения в структуре построения текстов различных жанров электронной коммуникации. Основным дифференциальным признаком здесь будет являться характер коммуникации (синхронный или асинхронный).

Трофимова Г. Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России (функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты): Монография/ Г.Н. Трофимова // 2005. (<http://www.planeta.gramota.ru/gnt.html>)

Содержание

От редколлегии с.3

Юбилейный отдел

Стернин И.А. Слово о коллеге (проф. О.Н.Чарыкова)	с.5
Акаткин В.М. Научная ода Глаголу (<i>попытка рецензии</i>)	с.7
Вахтель Н.М. Мы дружим давно	с.8
Дементьева Е. «Педагог, лингвист, ведущий...»	с.9
Зотова А. Руководитель во всем	с.10
За что мы любим Ольгу Николаевну	с.11
Научные труды доктора филологических наук профессора О.Н.Чарыковой	с.13
Список диссертаций, по которым выступала оппонентом проф. О.Н.Чарыкова	с.37
Список аспирантов и соискателей, защитивших диссертации под научным руководством О.Н.Чарыковой	с.38

Вопросы теории

Антонова Л.Г. (Ярославль) Медиаграмотность как категория современного дискурса	с.39
Влавацкая М.В. (Новосибирск) Механизмы сочетаемости в структуре лексического значения слова	с.42
Павлова С.В. (Воронеж) Номинация события в языке (словообразовательный аспект)	с.43
Припадчев А.А. (Воронеж) Семиотический аспект речи	с.58
Скуридина О.В. (Воронеж) Современные направления исследования вербальной коммуникации	с.67
Чарыкова О.Н. (Воронеж) К вопросу о типах концептов в художественной концептосфере	с.74

Национальная картина мира и её языковая репрезентация

Вахтель Н.М., Хади Али (Воронеж, Ирак) Стереотипы как компоненты языковой картины мира	с.80
Маклакова Е.А. (Воронеж) Частотность употребления многозначного слова в тексте как средство разграничения его значений	с.83

Панкова Т.Н. (Воронеж) Метафорические значения некоторых лексем в русской и английской картине мира	с.92
Хуссейн Тума М. (Ирак) О некоторых аспектах значения слова язык в русской языковой картине мира	с.95

Художественный текст

Дионк Камаль М. (Ирак – Воронеж) Лексика, создающая образ Кавказа в романе М.Ю.Лермонтова «Герой нашего времени»	с.97
Камаль Зейнаб А. (Ирак – Воронеж) Номинации деревьев в ранней лирике С.Есенина	с.99
Ли Тхи Хыонг Жанг (Вьетнам – Воронеж) Национальная специфика русских местоимений <i>себя, свой, сам, самый</i> на фоне вьетнамского языка (на материале повести К.Паустовского «Золотая роза» и её перевода на вьетнамский язык)	с.102
Попова З.Д., Фёдоров В.А. (Воронеж) Категория <i>наблюдателя</i> в русском и французском тексте (на материале романа И.Ильфа и Е.Петрова «Золотой телёнок» и его перевода на французский язык)	с.106
Разуваева Л.В. (Воронеж) Особенности выражения признака сравнения в компаративных конструкциях современной прозы	с.113
Рыбачева Л.В. (Воронеж) Соотношение вербальных и невербальных средств характеристики героя в художественном тексте	с.116
Студёнова О.В. (Воронеж) Особенности формирования романтического компонента коннотации в художественном тексте	с.120
Хамид Акрам Азиз (Ирак – Воронеж) Ассоциативно-частотное ядро русского языка в художественной прозе А.Б.Марининой	с.125

Художественный дискурс

Варушкина А.В. (Воронеж) Сервантовский дискурс в английском готическом романе конца 18-го – начала 19-го вв.	с.133
Ли Лицзюнь (Китай – Санкт-Петербург) Речевые тактики «искателя правды» (на материале рассказа В.Шукшина «Дядя Ермолай»)	с.136
Морозова Т.В. (Воронеж) Вечный образ в дискурсе XX века (на примере драмы Мигеля де Унамутто «Брат Хуан, или Мир есть театр»)	с.141
Тихонова О.В. (Воронеж) Топос «горы» в художественном дискурсе немецкого романтизма (на материале новеллистики)	с.145

Художественная картина мира

Зиновьева О.А. (Воронеж) Концепт <i>Москва</i> в поэтической картине мира Б.Л.Пастернака	с.149
Петунина И.Э. (Воронеж) Концепт «смерть» в русской художественной литературе конца XX – начала XXI века	с.152
Подвигина Н.Б. (Воронеж) Концепт «пост» в произведении И.С. Шмелёва «Лето Господне»	с.157
Подвигина Н.Б. (Воронеж) Языковая репрезентация концепта «церковь» (на примере произведения И.С. Шмелёва «Лето Господне»)	с.161
Трущинская А.С. (Воронеж) Актуализация компонентов композитивного концепта <i>семья</i> в русском и английском художественном тексте	с.163
Чуносова А.А. (Воронеж) Художественная картина мира в поэтическом тексте XIII века (на материале произведений Г.Р.Державина)	с.171
Щербакова И.А. (Борисоглебск) Концепт «извинение» в современном русском художественном тексте	с.175

Медиадискурс

Дыкин Р.В. (Воронеж) Коммуникатор в рекламном дискурсе (на примере социальной рекламы)	с.182
Моисеева Е.А. (Воронеж) Глаголы созидания с моногрупповой сочетаемостью на страницах современной прессы	с.185
Мочалова Е.В. (Липецк) Игровая метафора в политическом дискурсе	с.190
Швец Е.В. (Воронеж) Специфика структурно-композиционной организации текста «звёздного» интервью	с.194

Эпистолярный дискурс

Куркина А.С. (Воронеж) Оценочность как параметр коммуникативной личности А.П.Чехова	с.202
Лысенко С.А. (Воронеж) Некоторые особенности построения интернет-текстов	с.207

Содержание

с.212